Библіотека Романовъ

[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Сокровища Перу

Романъ въ двухъ частяхъ

Часть II

Черезъ дебри и пустыни

К. Верисгофера



С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина 

12. Стремянная, 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Іюня 1901 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I.

Месть карлика.—Жертва суевѣрія.—Отравленъ.—Кладбище на вершинахъ деревьевъ.—Судъ Божій.—Въ опасности.—Спаситель въ бѣдѣ.

Гдѣ бы и при какихъ бы обстоятельствахъ ни сталкивались люди, гдѣ бы и при какихъ бы условіяхъ ни завязывались между ними сношенія, всегда и неизбѣжно устанавливаются между людьми хорошія или дурныя, дружественныя или враждебныя отношенія. То же было и съ нашими друзьями, перуанцами и европейцами, направлявшимися напрямикъ черезъ дебри и пустыни, изъ Ріо въ Перу, и попавшими случайно, во время своего пребыванія, въ качествѣ гостей, у одного изъ племенъ дикихъ индѣйцевъ, въ плѣнъ къ индѣйцамъ другого дикаго племени, враждебнаго ихъ гостепріимнымъ хозяевамъ.

Превращенные въ рабовъ невольниковъ, они должны были работать на своихъ побѣдителей: собирали для нихъ цѣлыя горы орѣховъ и каштановъ, научились плести сѣти и корзины и заготовлять цѣлыя груды луба. Присмотръ за ними во время исполненія всѣхъ этихъ работъ былъ возложенъ главнымъ образомъ на колдуна Гоннъ-Корръ и на мальчика лѣтъ пятнадцати, по имени Алито, сына главнаго вождя племени.

Первый изъ нихъ, съ затаенною злобой и чувствомъ плохо скрываемой ненависти, издали, изподтишка подглядывалъ за бѣлыми, тогда какъ Алито всѣмъ своимъ безхитростнымъ сердцемъ привязался къ незнакомцамъ.

Сначала онъ дивился цѣпкости, ловкости и проворству двухъ цирковыхъ гимнастовъ и пытался даже, хотя и безуспѣшно, подражать имъ.

Вскорѣ способный мальчуганъ съумѣлъ усвоить себѣ очень многія изъ наиболѣе употребительныхъ испанскихъ словъ и научить и нашихъ друзей весьма многимъ выраженіямъ и словамъ своего нарѣчія, такъ что бѣлые могли теперь съ грѣхомъ пополамъ объясняться и понимать своихъ хозяевъ. Алито свелъ своихъ новыхъ друзей къ прекрасному чистому озеру въ горахъ, гдѣ можно было купаться, не опасаясь ни крокодиловъ, ни какихъ бы то ни было другихъ грозныхъ чудовищъ; онъ носилъ имъ, время отъ времени, свѣжія яйца прямо изъ-подъ куръ и цѣлыя чашки козьяго молока, желая хоть чѣмъ-нибудь полакомить ихъ; словомъ, всячески старался услужить имъ. Въ награду за всѣ эти услуги маленькаго дикаря осчастливили, наконецъ, такимъ подаркомъ, о которомъ онъ въ тайнѣ давно мечталъ, но никогда не надѣялся получить: а именно—маленькимъ карманнымъ зеркальцемъ.

Мальчуганъ былъ до того счастливъ, что и не помнилъ себя отъ радости. Онъ не могъ надивиться на свою черномазую рожицу: вѣдь это его носъ! его глаза! его зубы! Онъ по получасу держалъ зеркальце въ рукахъ и, не переставая, гримасничалъ передъ нимъ, спрятавшись въ кустахъ, прыгалъ и скакалъ отъ радости по всей деревнѣ, показывая всѣмъ и каждому свою драгоцѣнность и, наконецъ, сплелъ себѣ крѣпкій лубковый шнурокъ и повѣсилъ возлюбленное зеркальце на шею.

Теперь туземцами было уже рѣшено, что по прошествіи одной недѣли должно состояться переселеніе всего ихъ племени изъ нагорной страны въ долину, о чемъ и сообщилъ своимъ друзьямъ Алито, добавившій еще, что уже и теперь отецъ его и большинство мужчинъ его племени строятъ челны для перевозки женщинъ, дѣтей, пожитковъ и запасовъ всякаго рода, равно какъ и домашнихъ животныхъ.

День проходилъ за днемъ, ночь за ночью, а слабая надежда Бенно, что Тренте и остальные товарищи, а съ ними и Плутонъ, быть можетъ, явятся сюда, не оправдывалась. Хитрый, лукавый Гоннъ-Корръ, точно хорекъ, подстерегающій добычу, бродилъ вокругъ хижины бѣлыхъ, но, несмотря на всю свою злобу и ненависть, горбатый уродъ не рѣшался явно обрушиться

на нихъ. Не осмѣливался онъ также прямо потребовать отъ Алито подареннаго ему зеркальца, но не разъ намекалъ мальчику, что ему грозитъ страшное несчастье, если онъ не рѣшится во время предотвратить его, принеся демонамъ черезъ посредство его, Гоннъ-Корра, очень цѣнную жертву. Но Алито дѣлалъ видъ, что не понимаетъ колдуна, и не разъ даже поддразнивалъ горбуна своимъ зеркальцемъ.

Таково было положеніе дѣлъ, какъ вдругъ сынъ одного изъ второстепенныхъ вождей того же племени, другъ, товарищъ и ровесникъ Алито, сильно занемогъ. Бѣдняга корчился въ страшныхъ судорогахъ, пѣна выступала у него на губахъ, онъ никого не узнавалъ. Мать съ крикомъ дикаго отчаянія побѣжала звать колдуна, который тотчасъ же явился, сказалъ, что мальчикъ отравленъ, и велѣлъ немедленно вынести его на главную улицу деревни. Въ одну минуту поперекъ улицы протянули веревки, къ которымъ привязали гамакъ, и въ него положили умирающаго мальчика.

Гоннъ-Корръ сталъ прыгать и кривляться, затѣмъ, прислушавшись къ дуновенію вѣтра, заявилъ:

— Нѣтъ, сынъ твой умретъ! Демоны того желаютъ!

Но несчастный мальчикъ испустилъ тѣмъ временемъ послѣдній вздохъ въ страшныхъ мукахъ; лицо его почернѣло, и все тѣло вздулось и вспухло до неузнаваемости.

— Скорѣй принесите сюда котелъ!—приказалъ Гоннъ-Корръ,— и на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ мальчикъ, разведите костеръ и притащите воды, а я пока наберу травъ и приворотныхъ корешковъ!

Женщины съ воемъ и плачемъ принялись исполнять приказанія колдуна.

— Призовите мужчинъ, я укажу виновника смерти Борро!— сказалъ Гоннъ-Корръ, вернувшись изъ лѣса со своими травами и кидая ихъ въ кипящій уже котелъ.

Пока плачущія и воющія женщины созывали своихъ мужей со всѣхъ концовъ селенія, Гоннъ-Корръ все время поглядывалъ въ ту сторону, откуда должны были придти съ работы въ лѣсу бѣлые, а вмѣстѣ съ ними и Алито.

Но вотъ собрались индѣйцы и чинно выстроились въ рядъ. Все это были высокія, стройныя фигуры, точно вылитыя изъ темной бронзы. Индѣйцы стояли съ строгими, мрачными лицами, опираясь каждый на свое длинное копье, а позади нихъ, своихъ повелителей и властелиновъ, толпились плачущія женщины, громко всхлипывая и закрывая лицо руками.

Гоннъ-Корръ съ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ то мѣшалъ въ котлѣ, то поправлялъ костеръ.

— Всѣ вы знаете,—говорилъ онъ,—что какъ только вода сильно закипитъ, она начинаетъ переливаться черезъ край съ той стороны, откуда долженъ явиться виновникъ. Теперь смотрите, кто пойдетъ по дорогѣ изъ лѣса!

— Если это кто-либо изъ бѣлыхъ, то тутъ всѣ они умрутъ!— сказалъ вождь и вонзилъ свое копье въ землю.

А Гоннъ-Корръ между тѣмъ осторожно и незамѣтно склонилъ немного котелъ въ сторону, обращенную къ лѣсу, откуда должны были придти плѣнники.

Солнце клонилось къ западу, изъ лѣса доносились голоса. Алито издали увидѣлъ грозное собраніе воиновъ и плачущихъ женщинъ.

— Что-нибудь случилось!—испуганно воскликнулъ мальчикъ,—погодите, я сейчасъ узнаю, въ чемъ дѣло!—и онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ мѣсту сборища.

Въ этотъ моментъ колдунъ разворошилъ поярче огонь костра, вода поднялась и стала выливаться черезъ край какъ разъ въ сторону безпечно подбѣжавшаго къ костру мальчика.

— Вотъ онъ—убійца!—торжественно вымолвилъ Гоннъ-Корръ, указывая рукой на Алито.

Поднялся страшный вой и гамъ, всѣ женщины кричали и вопили, одна громче другой, и при этомъ съ яростными упреками накинулись чуть не съ кулаками на бѣднаго мальчика, не чаявшаго бѣды.

— Говори, негодяй, убійца, что тебѣ сдѣлалъ мой бѣдный Борро? Вампиръ и кровопійца, за что ты убилъ моего ребенка? Отдай мнѣ моего сына или пусть тебя демоны возьмутъ! пусть душа твоя умретъ въ мукахъ!..

Бѣдный Алито, недоумѣвая, переводилъ глаза съ одного на другого изъ присутствующихъ, но повсюду встрѣчалъ только суровыя, мрачныя лица.

— Да чего вы отъ меня хотите? Что такое случилось?

— Ты убилъ Борро, ты отравилъ его, негодяй, и онъ несчастный умеръ въ страшныхъ мукахъ!

— Борро умеръ?—воскликнукъ Алито,—нѣтъ, это невозможно! мы еще утромъ гуляли вмѣстѣ съ нимъ. Борро былъ мнѣ другомъ, и я никогда не имѣлъ ни одной дурной мысли по отношенію къ нему!.. Кто смѣетъ обвинять меня въ такомъ страшномъ злодѣяніи?

Всѣ указали на колдуна.—Гоннъ-Корръ узналъ о томъ черезъ посредство волшебныхъ травъ и корешковъ!

— А-а! Гоннъ-Корръ меня ненавидитъ! Я это знаю, онъ мой врагъ и хочетъ погубить меня. Онъ лжетъ!—громко воскликнулъ мальчикъ, полный негодованія и сознанія своей правоты.

— Онъ — убійца! — невозмутимымъ, твердымъ голосомъ повторилъ колдунъ, не измѣняя своего положенія.

— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! Отецъ! неужели ты не заступишься за меня? неужели ты думаешь, что твой сынъ могъ совершить такое страшное дѣло?—и мальчикъ простиралъ къ отцу руки, ища у него справедливости и защиты.

— Иди! я не знаю тебя! Волшебныя травы не лгутъ; онѣ произнесли твой приговоръ!

Вдругъ мимо статнаго, рослаго индѣйца пробралась блѣдная, дрожащая женщина и, громко рыдая, простирала руки къ несчастному мальчику.—Алито! Алито! дитя мое, приди ко мнѣ! Онъ лжетъ, этотъ обманщикъ! Онъ лжетъ, и гнусная трава его лжетъ! Онъ...

Но ей не дали договорить.

— Уберите ее!—приказалъ вождь, и нѣсколько воиновъ мигомъ оттащили въ сторону рыдающую женщину.

— Пустите! пустите!—кричала она,—я хочу спасти своего несчастнаго ребенка! я хочу...—голосъ ее смолкъ въ отдаленіи.

— Отецъ,—молилъ Алито,—неужели я не могу вернуться съ тобою въ свой домъ?

Вождь съ мрачнымъ видомъ отрицательно покачалъ головой.

— Ты знаешь нашъ обычай, ты знаешь, что у меня нѣтъ больше дома; хижина, въ которой жилъ убійца, а также и та, въ которой проживалъ убитый, не могутъ уже служить убѣжищемъ и кровомъ никому. Отецъ Борро и я, мы оба должны раззорить и сравнять съ землею наши хижины, ты долженъ это знать!

— Но я неповиненъ въ этомъ дѣлѣ! я неповиненъ! Пусть меня слышутъ всѣ демоны преисподней и ниспошлютъ на меня самыя страшныя муки, если я лгу!

По знаку вождя двое воиновъ схватили мальчика и увлекли его въ лѣсъ. Гоннъ-Корръ злобнымъ взглядомъ смотрѣлъ ему во слѣдъ, на лицѣ его ясно читалось торжество, его гнусная уловка вполнѣ удалась. Очень многіе бѣлые пытались было приблизиться къ мальчику, шепнуть ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ, но индѣйцы скрестили свои длинныя копья и рѣшительно воспротивились этому.

— Какъ бы я хотѣлъ пойти туда, въ лѣсъ, и утѣшить его!—сказалъ Рамиро.

— Не дѣлайте этого, сеньоръ! Мы не поможемъ ему этимъ, но рискуемъ жестоко поплатиться за такую дерзость; кромѣ того, я полагаю, что онъ ночью, навѣрное, прибѣжитъ къ намъ въ хижину.

Всѣ какъ-то нехотя побрели къ себѣ, никто не дотронулся до ужина; всѣ говорили только объ Алито и ожидавшей его участи.

— Завтра я предложу вождю въ подарокъ мои часы; можетъ быть, это заставитъ его смягчить участь своего сына и признать приговоръ колдуна лживымъ.

— Завтра!—прошепталъ со вздохомъ Бенно,—завтра, а за эту ночь, Богъ вѣсть, что только можетъ случиться!

Между тѣмъ, индѣйцы, словно темныя тѣни, трудились въ въ двухъ концахъ селенія надъ раззореніемъ хижинъ отца Алито и отца Борро, а поперекъ дороги въ гамакѣ все еще лежало бездыханное тѣло мальчика.

— Завтра его будутъ хоронить!—сказалъ кто-то.

— Да, завтра мы увидимъ, вѣроятно, двойныя похороны, потому что, чуетъ мое сердце, они убьютъ въ эту ночь и бѣднаго Алито.

Но вотъ тамъ, на селѣ, погасли мелькавшіе огоньки, вой и плачъ женщинъ, присутствовавшихъ при раззореніи хижинъ, смолкъ, и все погрузилось во мракъ. Отъ хижинъ не осталось и слѣда, ихъ сравняли съ землею. Время было за полночь, но Бенно не смыкалъ глазъ, онъ чутко прислушивался къ малѣйшему шороху, онъ поджидалъ несчастнаго Алито.

Вдругъ послышался какой-то слабый стонъ, и кто-то дотронулся до кожи, служившей двернымъ ставнемъ хижины.

Съ быстротою молніи вскочилъ Бенно на ноги и растворилъ кожаную дверь: передъ нимъ стоялъ дрожащій всѣмъ тѣломъ мальчикъ. Видъ его былъ ужасенъ, его нельзя было узнать, до того онъ успѣлъ измѣниться въ эти нѣсколько часовъ. Изъ устъ Алито вырывались какіе-то неясные звуки, онъ едва держался на ногахъ.

— Что съ тобой, Алито? что они тебѣ сдѣлали?

Несчастный указалъ на ротъ и въ изнеможеніи прислонился къ столбу, поддерживавшему крышу хижины, и закрылъ глаза.

— Докторъ! докторъ, г. Халлингъ, помогите мнѣ! Съ Алито случилось, вѣроятно, нѣчто ужасное, смотрите, что съ нимъ дѣлается!

Всѣ зашевелились, засуетились въ хижинѣ, зажгли свѣчи, мальчика уложили на лучшее ложе, докторъ склонился надъ нимъ, и видя его разинутый ротъ, освѣдомился, не скушалъ-ли онъ какое-нибудь насѣкомое?

Мальчикъ отрицательно покачалъ головой, судороги сводили его члены.

— Гоннъ-Корръ сдѣлалъ что-нибудь надъ тобой?

Алито кивнулъ утвердительно и указалъ на ротъ.

— Покажи мнѣ твой языкъ!—сказалъ докторъ.

Мальчикъ повиновался черезъ силу, мучась отъ нестерпимой боли. Языкъ его былъ совершенно черенъ. Докторъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Опухоль лица, шеи и всей головы

увеличивалась съ секунды на секунду, мальчикъ терялъ уже сознанiе.

— Очевидно, Гоннъ-Корръ проколол языкъ бѣднаго мальчика зубомъ гремучей змѣи, спасти его или хоть даже сколько-нибудь облегчить его страданія нѣтъ никакой возможности; онъ долженъ задохнуться, потому что языкъ его такъ распухнетъ, что закроетъ горло!

— О, будь моя воля, я бы своими руками задушилъ этого негодяя Гоннъ-Корра! — прошепталъ Бенно со слезами на глазахъ.

Подъ утро несчастный мальчикъ скончался въ страшныхъ мукахъ; всѣ присутствующіе были потрясены до глубины души этой ужасной смертью ни въ чемъ неповиннаго ребенка.

— Что намъ дѣлать теперь съ нимъ?—спросилъ Халлингъ.

— Я пойду и призову его отца!—сказалъ Рамиро и вышелъ изъ хижины.

Нѣсколько минутъ спустя онъ вернулся въ сопровожденіи вождя, за которымъ поплелся и Гоннъ-Корръ, и когда докторъ повелительнымъ жестомъ указалъ ему на дверь, воспрещая этому негодяю входить въ ихъ жилище, тотъ только разразился презрительнытъ смѣхомъ.

— Ты собака, ты рабъ, а я властелинъ и повелитель!

— Ты подлый убійца и наглый обманщикъ и больше ничего!—воскликнулъ Бенно и уже безъ всякаго разсужденія вытолкалъ его вонъ.

Весь этотъ день никто не думалъ о работѣ въ лѣсу; всѣ толпились около своихъ хижинъ: одни съ удвоеннымъ проворствомъ и усердіемъ мастерили свои челноки, другіе были заняты приготовленіями къ похоронамъ обоихъ мальчиковъ, при чемъ похороны того и другого, очевидно, должны были быть весьма различны. Тѣло бѣднаго Алито лежало, ничѣмъ не прикрытое, прямо на землѣ, посреди большой дороги, между тѣмъ какъ Борро зашили въ большую кожу и обмотали лубомъ въ сто рядовъ, такъ что въ концѣ концовъ получился громаднѣйшій свертокъ. Затѣмъ на значительной высотѣ между двумя деревьями воздвигли родъ воздушной платформочки, а надъ нею

небольшой легкій навѣсъ, или крышу, послѣ чего можно было приступить и къ самому торжеству похоронъ.

Въ теченіе всего этого дня на бѣлыхъ поглядывали съ нѣкоторымъ чувствомъ враждебности и озлобленія. Очевидно, злой колдунъ успѣлъ уже возбудить всеобщее недовѣріе и нерасположеніе въ сердцахъ туземцевъ по отношенію къ бѣлымъ. Имъ не отвѣчали, когда они спрашивали; ихъ рѣзко и грубо окликали, ихъ прогоняли обратно въ хижину, какъ только они собирались присоединиться къ толпѣ туземцевъ.

Часовъ около десяти утра всѣ женщины собрались вокругъ тѣла Борро и, согласно обычаю всѣхъ дикарей, принялись выть и кричать надъ покойникомъ. Носилки, на которыя положили гигантскій свертокъ, какимъ представлялось теперь тѣло умершаго, украсили цвѣтами, вѣнками и гирляндами, и когда собрались всѣ мужчины, то четверо изъ нихъ подняли носилки на плечи, затѣмъ все шествіе тронулось медленнымъ шагомъ по направленію къ лѣсу.

— А бѣднаго Алито такъ и не похоронятъ?

Но вотъ двое мужчинъ взяли тѣло бѣднаго мальчика и потащили его, словно какую-нибудь кладь, безъ малѣйшаго уваженія къ покойнику вслѣдъ за похороннымъ шествіемъ.

— За нимъ пойдемъ и мы, мы одни проводимъ бѣднягу до могилы!—сказалъ Бенно.

— Пойдемте, хотя это не безопасно; замѣтили вы, что колдунъ все о чемъ-то шепчется съ вождемъ; этотъ негодяй возбуждаетъ его противъ насъ!—сказалъ Халлингъ.

— Да, онъ желаетъ унаслѣдовать наше имущество, онъ уже утромъ требовалъ у меня мой пистолетъ,—сказалъ Рамиро,—и когда я, не обративъ вниманія на его требованіе, унесъ свое оружіе въ нашу хижину, чтобы спрятать его тамъ, онъ проводилъ меня такимъ взглядомъ, что право мнѣ показалось, что этотъ уродъ—самъ сатана.

Разговаривая такимъ образомъ, наши друзья, идя въ хвостѣ похороннаго шествія, незамѣтно достигли той части лѣса, которая служила кладбищемъ для этихъ дикарей.

Высоко въ вѣтвяхъ большихъ деревьевъ висѣли подвѣшен-

ныя на воздухъ тѣла усопшихъ, превращенныя въ громадные свертки кожи и луба. Здѣсь висѣли свертки самой разнообразной величины, начиная отъ гигантскихъ свертковъ, заключавшихъ тѣла взрослыхъ индѣйцевъ и кончая крошечными свертками, представлявшими собою умершихъ грудныхъ младенцевъ. Мѣстами висѣли вмѣстѣ тѣсной группой нѣсколько свертковъ разной величины: то были, очевидно, члены одной семьи—фамильныя могилы, если можно такъ выразиться.

Украшеніемъ такихъ воздушныхъ могилъ служили безъискусственныя чучела различныхъ животныхъ и птицъ, очевидно, любимцевъ покойнаго, подвѣшанныя тутъ же, на томъ же суку. Тутъ болтались и обезьянки, и голуби, и попугаи, и армадили, и множество собакъ.

Солнце ярко освѣщало это разнообразное кладбище и нѣсколькихъ индѣйцевъ, которые при усиленномъ воѣ и плачѣ женщинъ взбирались съ тѣломъ Борро къ приготовленной для него воздушной платформочкѣ, подвѣшенной въ вѣтвяхъ развѣсистаго дерева, на которую они и положили покойника.

Для Алито не было приготовлено такой висячей могилы, его тѣло лежало брошенное въ траву, какъ негодная вещь. Но вотъ двое туземцевъ своими каменными топорами проворно вырыли яму какъ разъ такой величины, чтобы въ ней могло помѣститься тѣло мальчика, и едва достаточно глубокую, чтобы прикрыть его слоемъ земли толщиной въ одинъ футъ.

Въ эту-то плоскую могилу, безъ малѣйшаго торжества, положили тѣло Алито и проворно засыпали землей. Ни одного стона или жалобнаго воя не раздалось надъ этой бѣдной могилой; индѣйцы утоптали ногами землю надъ нею, и колдунъ, отойдя немного въ сторону отъ могилы, сдѣлалъ мѣтку на корѣ одного близъ стоящаго дерева въ томъ самомъ направленіи, гдѣ должно было находиться сердце бѣднаго мальчика, такъ что, проведя прямую линію отъ этой мѣтки къ могилѣ, конецъ линіи долженъ былъ безошибочно коснуться того мѣста, гдѣ было сердце покойнаго.

Когда это было сдѣлано, вождь мѣрнымъ, торжественнымъ шагомъ направился къ могилѣ сына съ своимъ остро-

отточеннымъ копьемъ въ рукѣ; этимъ копьемъ онъ провелъ прямую линію отъ мѣтки на деревѣ до средины могилы и затѣмъ со всей силы вонзилъ его въ этомъ мѣстѣ въ землю и сталъ вгонять его все глубже и глубже, пока, наконецъ, оно не пронзило насквозь тѣло бѣднаго ребенка. Затѣмъ нѣсколькими ударами топорища копье вогнали такъ глубоко въ землю, что теперь ни дикіе звѣри, ни непогода не могли вырвать его или повалить.

Такихъ копій было здѣсь не мало,—и все это были могилы жертвъ злобы и клеветы подлаго и завистливаго карлика.

Всѣ стали расходиться, и наши друзья тоже, не спѣша, съ грустнымъ чувствомъ и смутнымъ предчувствіемъ какой-то неминуемой бѣды побрели изъ лѣсу.

— Замѣтили ли вы, друзья, что сегодня мы не получали нашей обычной порціи съѣстныхъ припасовъ?

— Да!—да!—вдругъ сподхватились всѣ.

— Можно набрать орѣховъ и каштановъ и наловить рыбы,— сказалъ успокоительнымъ тономъ докторъ,—здѣсь трудно умереть съ голода.

Никто не отвѣтилъ ему. Дѣло было, конечно, не въ томъ, что можно или нельзя умереть съ голода, а въ самомъ фактѣ, изъ котораго можно было усмотрѣть тревожный признакъ измѣнившихся отношеній къ нимъ туземцевъ. Подойдя къ своей хижинѣ, они увидѣли, что самъ вождь и съ десятокъ воиновъ его племени вмѣстѣ съ колдуномъ расположились вблизи входа въ ихъ жилище. У всѣхъ были мрачныя грозныя лица, только лицо Гонгъ-Корра сіяло торжествующей улыбкой.

Вождь поднялся и подойдя къ бѣлымъ, своимъ обычнымъ повелительнымъ тономъ сказалъ.—Работать, въ лѣсъ, орѣхи сбирать сейчасъ!

Приказаніе это было отдано отчасти на ломаномъ испанскомъ, отчасти на его родномъ нарѣчіи, но понять его было можно.

— Очевидно, отъ насъ хотятъ избавиться. Смотрите, тамъ въ лѣсу на насъ сдѣлаютъ нападеніе, а мы безоружны.

— Погодите, я захвачу, по крайней мѣрѣ, мой пистолетъ,—

сказалъ Рамиро,—имъ можно хоть страхъ нагнать на этихъ дикарей!—Съ этими словами онъ вошелъ въ хижину, гдѣ у него былъ спрятанъ пистолетъ. Спустя минуту, онъ вышелъ, блѣдный и разстроенный.

— Его нѣтъ! кто-то похитилъ у насъ эту послѣднюю надежду!—сказалъ онъ,—и я увѣренъ, что это дѣло рукъ этого подлаго колдуна!

При словѣ «колдунъ» Гоннъ-Корръ взглянулъ на бѣлыхъ. Онъ уже успѣлъ заучить это слово, и кромѣ того его проницательный умъ подсказалъ ему остальное; онъ досталъ изъ-подъ своего кожанаго плаща блестящее оружіе и съ торжествующимъ видомъ показалъ его всѣмъ, заявляя, что теперь этотъ пистолетъ его собственность, и что онъ никому не отдастъ его.

— Боже мой! Вѣдь онъ заряженъ! Въ немъ есть еще два выстрѣла!—воскликнулъ Рамиро.

— Надо отнять его у него силой!—закричали всѣ бѣлые,—вѣдь онъ не понимаетъ, что отъ этого можетъ произойти.

— Нѣтъ, погодите, я попробую уговорить его,—остановилъ ихъ Рамиро, и подойдя къ колдуну, сталъ просить возвратить ему оружіе, предлагая взамѣнъ того свои карманные часы, но Гоннъ-Корръ отрицательно покачалъ головой, не соглашаяся разстаться съ пистолетомъ.

Тогда Рамиро однимъ скачкомъ накинулся на урода и хотѣлъ вырвать орудіе изъ его рукъ, но въ тотъ же моментъ нѣсколько индѣйцевъ бросились между перуанцемъ и колдуномъ, и кто-то занесъ уже надъ головой Рамиро тяжелый каменный топоръ.

— Прочь! въ лѣсъ! орѣхи сбирать!—крикнулъ вождь.

— Пойдемте, друзья,—сказалъ докторъ,—все равно участь наша рѣшена, такъ не все-ли равно, гдѣ покончатъ съ нами, здѣсь или тамъ!

Никто не отвѣтилъ, но всѣ внутренно согласились съ нимъ, и готовы были послѣдовать его совѣту, какъ вдругъ неожиданное событіе разомъ измѣнило ихъ положеніе.

Торжествующій карликъ игралъ пистолетомъ, точно мячемъ, поддразнивая своихъ враговъ. Онъ то подкидывалъ его въ воз-

духъ, то подносилъ къ лицу, желая узнать, что такое таится въ этихъ тоненькихъ полированныхъ трубочкахъ? Онъ приставлялъ къ нимъ глазъ, дулъ въ нихъ, игралъ курками, но вотъ раздался выстрѣлъ,—и Гоннъ-Корръ съ простреленной головой, обливаясь кровью, точно пораженный громомъ, повалился на землю.

Рамиро на лету выхватилъ у него пистолетъ и спряталъ его у себя на груди. Только послѣ этого Рамиро очнулся и могутъ обсудить свое новое положеніе.

Выстрѣлъ напугалъ дикарей, ихъ объялъ какой-то суевѣрный трепетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ самый выстрѣлъ избавилъ нашихъ друзей отъ ихъ заклятаго врага.

Всѣ смотрѣли на владѣльца цирка и на его огненное колдовство, убившее самого колдуна, Рамиро же стоялъ съ гордымъ, вызывающимъ видомъ, держа руку въ карманѣ, въ которомъ лежалъ пистолетъ.

— Я-бы желалъ, чтобы теперь представился случай для второго выстрѣла,—сказалъ онъ,—тогда наша репутація среди этихъ дикарей упрочилась-бы еще болѣе!

— Подстрѣлите вотъ этого злющаго сѣраго дога,—предложилъ Халлингъ,—онъ какъ только увидитъ кого-нибудь изъ насъ, такъ сейчасъ скалитъ зубы!

Дѣйствительно, эта собака и теперь, рыча, подкрадывалась къ владѣльцу цирка, котораго она почему-то особенно недолюбливала и собиралась схватить его за колѣно, но тотъ отбросилъ ее сильнымъ пинкомъ ноги на нѣсколько шаговъ отъ себя и затѣмъ, проворно выхвативъ изъ кармана пистолетъ, далъ по ней выстрѣлъ. Когда дымъ немного разсѣялся, оказалось, что сѣрый догъ катается въ предсмертныхъ судорогахъ въ лужѣ крови и не въ состояніи подняться и броситься на горло своему врагу, а спустя нѣсколько секундъ злое животное вытянулось и подохло.

Индѣйцы—эти рослые, сильные мужчины дрожали отъ страха. «Ала! ала!» молили они (т. е. «будетъ! будетъ!») и съ этимъ крикомъ всѣ они разбѣжались въ разныя стороны и попрятались по своимъ угламъ.

— Ну, что намъ теперь дѣлать? — спросилъ Рамиро, видя, что они остались одни.

— Прежде всего слѣдуетъ убрать убитыхъ! — сказалъ Халлингъ.

Двое схватили карлика и утащили его подальше въ лѣсъ, другіе убрали собаку, а кровь на землѣ смѣшали съ пескомъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, наши друзья замѣтили, что изъ-за кустовъ на нихъ смотрятъ тамъ и сямъ блестящіе черные глаза туземцевъ, какъ бы подстерегая ихъ. И дѣйствительно когда двое изъ нихъ пошли за водой, то остальные, видя, что они очень долго не возвращаются, встревожились.

Рамиро вызвался сходить за ними съ пистолетомъ въ рукѣ и нашелъ обоихъ своихъ товарищей убитыми отравленными стрѣлами на полъ-пути къ хижинѣ. Кувшины съ водой лежали тутъ же, подлѣ нихъ.

Рамиро, вернувшись, принесъ товарищамъ воду и печальную вѣсть о смерти двухъ изъ ихъ друзей.

Между тѣмъ тѣ изъ туземцевъ, которые не присутствовали при смерти колдуна, но только слышали гулъ и раскатъ выстрѣловъ, которые они приняли за громъ, обступили вождя и осыпали его разспросами.

Вождь объяснилъ все, какъ было, послѣ чего состоялось нѣчто въ родѣ экстреннаго совѣщанія, на которомъ, очевидно, было принято какое-то рѣшеніе по отношенію къ бѣлымъ.

Тѣмъ временемъ Рамиро, не выпуская пистолета изъ рукъ, отправился на площадь деревни, взялъ изъ стоявшихъ тамъ для общаго пользованія большихъ корзинъ необходимое ему количество орѣховъ и каштановъ, зарѣзалъ козу и нарвалъ яблоковъ, не встрѣтивъ ни въ чемъ ни малѣйшаго сопротивленія.

— Но что мы будемъ дѣлать, когда эти туземцы узнаютъ, что мой пистолетъ потерялъ свою чудодѣйственную силу? — со вздохомъ сказалъ Рамиро, обращаясь къ своимъ товарищамъ, собравшимся въ своей хижинѣ, у входа передъ которой пылалъ яркій костеръ.

— Надо намъ поскорѣе убираться отсюда, — сказали нѣко-

торые,—не то эти черномазые негодяи по одиночкѣ отправятъ всѣхъ насъ на тотъ свѣтъ!

— Да, но какъ уйти безъ оружія, безъ припасовъ, безъ надежнаго проводника? Мы легко можемъ, проплутавъ нѣкоторое время, вернуться обратно сюда-же!

Всѣ молчали. Никто не находилъ средства уйти изъ рукъ этихъ озлобленныхъ противъ нихъ дикарей. У всѣхъ было тяжело и не весело на душѣ, но ни одинъ изъ присутствующихъ не страдалъ такъ, какъ сеньоръ Рамиро. Чело его склонялось все ниже и ниже, а въ чертахъ его красиваго, энергичнаго лица отражалась нестерпимая душевная мука. Онъ думалъ о томъ, что будетъ съ его дорогими, если онъ погибнетъ здѣсь, среди этой дикой пустыни, если онъ пропадетъ безъ вѣсти, если семья его навсегда лишится своего кормильца. Онъ представлялъ себѣ, какъ они, покинутые имъ, холодая и голодая, будутъ предполагать, что онъ, овладѣвъ несмѣтнымъ богатствомъ, забылъ о нихъ и наслаждается жизнью.—«Боже! за что такая страшная кара!»—мысленно воскликнулъ онъ, и вдругъ ему припомнился тотъ грѣхъ, который и по прошествіи столькихъ лѣтъ все еще тяготѣлъ надъ нимъ, все напоминалъ о себѣ и не давалъ ему покоя.

И онъ думалъ и думалъ, скорбѣлъ и страдалъ, а кругомъ все точно вымерло. Костеръ догоралъ. Никто не ложился. Проходилъ часъ за часомъ, ночь тянулась безконечно. Вдругъ Бенно дотронулся до плеча Рамиро.

— Посмотрите, сеньоръ, что-то ползетъ тамъ прямо къ намъ въ хижину!

— Вижу, это какое-то крупное живое существо, быть можетъ, унца или нѣтъ, это индѣецъ!—и схвативъ пистолетъ, онъ смѣло выступилъ впередъ

— Не стрѣляйте, сеньоръ! Бога ради не стрѣляйте! — сказалъ ему чей-то знакомый голосъ, и чья-то темная рука протянулась къ нему.

— Тренте! Это Тренте!—воскликнулъ Бенно.

— Да, это я, молодой господинъ. Это я! Неужели вы думали, что я предательски покинулъ васъ, своихъ благодѣтелей? Нѣтъ я не такой человѣкъ!

— Скажи, Тренте, есть-ли у тебя пистолетъ? — спросилъ Рамиро.

— О, цѣлыхъ десять, кромѣ того мы принесли большой запасъ и пороху, и пуль!

— Ну, слава Богу! Ты, значитъ, не одинъ? Кто еще пришелъ съ тобой?

— Коста здѣсь, а также Люнцъ и Антоніо, остальные остались тамъ внизу, у рѣки;—всѣ долбленые челноки мы, конечно, припрятали.

— А-а... вы запаслись и этими челноками!—это прекрасно—но что-же Михаилъ? Живъ онъ?

— Живъ, и Плутонъ тоже!

— Но скажи, Тренте, откуда у тебя взялось столько смѣлости, чтобы послѣдовать за нами сюда?

— Откуда у меня взялась смѣлость? Да чего-же мнѣ бояться, когда никакого хромоногаго не существуетъ, когда я самъ видѣлъ и пустой черепъ съ остатками воска въ глазныхъ впадинахъ, и бѣлый плащъ изъ листьевъ, и того бѣднаго парня на ходуляхъ, который его изображалъ. Мы нашли его тамъ въ кустахъ съ раздробленной головой, но еще живого, и онъ самъ признался намъ во всемъ!

— А гдѣ у васъ пистолеты и снаряды?—тамъ, у рѣки, или здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, сеньоръ, мы принесли ихъ сюда и всѣ они заряжены. А гдѣ же наши ружья, которыя утащили эти дикари, гдѣ они хранятъ ихъ?

— Вонъ въ той хижинѣ, четвертой съ этого края деревни!

— Ну, такъ я подкрадусь къ ней и выкраду ихъ! — сказалъ Тренте.

— Что ты, Тренте, Господь съ тобой, вѣдь эта не шутка!

— А что? развѣ въ той хижинѣ спитъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, дикари такъ боятся этихъ ружей, что ни одинъ изъ нихъ не соглашается оставаться ночью при нихъ!

— Ну, такъ бояться нечего: вѣдь я не какой-нибудь трусливый индѣецъ, а настоящій бѣлый человѣкъ!

Всѣ невольно улыбнулись при этомъ заявленіи, а Тренте,

не теряя времени, вмѣстѣ съ тремя другими своими товарищами и добровольно присоединившимися къ нимъ Утитти и Обіа скрылись во мракѣ ночи, быстро двигаясь ползкомъ по землѣ, съ которою они почти сливались.

Всѣ бѣлые, съ оружіемъ въ рукахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшему шороху, готовые спѣшить на помощь своему вѣрному проводнику, въ случаѣ надобности.

У всѣхъ невольно замирало сердце въ эти томительныя минуты ожиданія. Вдругъ что-то зашевелилось въ травѣ у самаго костра, и чья-то темная рука просунула ружье почти къ самому входу хижины; затѣмъ появилось другое, третье и такъ всѣ до послѣдняго. Точно проворныя змѣи, двигались ловкіе проводники ползкомъ въ высокой травѣ; даже самое чуткое ухо не могло уловить ни малѣйшаго шума, а въ хижинѣ бѣлыхъ тоже кипѣла работа: всѣ спѣшили чистить и заряжать добытыя ружья, разсыпали порохъ и пули на маленькіе узелочки, которые каждый изъ людей навязывалъ себѣ на спину. Докторъ Шомбургъ пряталъ свои инструменты по карманамъ платья. Остатки съѣстныхъ припасовъ также были раздѣлены между всѣми. Рѣшено было, что какъ только Тренте со своими товарищами возвратится изъ своей опасной экспедиціи, тотчасъ-же безъ шума и незамѣтно покинуть деревню. Но проходила минута за минутой, наши друзья тревожно вглядывались въ темноту,—почему же теперь, когда всѣ ружья были уже на-лицо, не возвращались ихъ отважные проводники, ужъ не случилось-ли съ ними какого-нибудь несчастья?

Бенно предложилъ добраться до той хижины, гдѣ раньше хранились ружья, но Рамиро не допустилъ его, сказавъ, что лучше самъ пойдетъ.

— Тихо!—вдругъ прошепталъ кто-то,—это что?

— Это собака рычитъ! Впередъ, друзья, кто знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться! Она разбудитъ всѣхъ. Скорѣй туда, къ тѣмъ хижинамъ, вѣрно, наши друзья тамъ, надо избавить ихъ отъ этой собаки!

II.

Свободный уходъ.—Племя людоѣдовъ.—Сокровища дѣвственнаго лѣса.—Обезьяній концертъ.—По рѣкѣ.—Надежды и опасенія.

Едва только наши друзья выступили за двери своей хижины, рычанье дога превратилось въ громкій, сердитый лай. Къ нему тотчасъ-же присоединились въ разныхъ мѣстахъ другіе голоса, тамъ и сямъ стали появляться темные силуэты индѣйцевъ, слышались тревожные оклики, и въ нѣсколько минутъ вся деревня была на ногахъ.

Въ это время Тренте съ товарищами присоединился уже къ бѣлымъ.

— Проклятая собака, она насъ накрыла, и мы не смѣли шевельнуться, не рискуя вызвать бѣшенаго лая съ ея стороны. Мы притаились въ травѣ и лежали, не шевелясь!

— Смотрите, вонъ уже сбѣгаются туземцы, и всѣ они вооружены, надо напугать ихъ, прежде чѣмъ они успѣютъ предпринять что-либо противъ насъ!

Не успѣлъ еще Рамиро договорить своей фразы, какъ уже нѣсколько отравленныхъ стрѣлъ прожужжало въ воздухѣ надъ самыми головами бѣлыхъ, а одна изъ нихъ даже вонзилась въ высокую тулью соломенной шляпы Бенно.

— Друзья, когда я сосчитаю три, стрѣляйте всѣ!

Раздался дружный залпъ; громкіе крики «Ала! ала»! огласили воздухъ. Въ рѣдѣющей полумглѣ близкаго разсвѣта проносились, точно тѣни, стройные рослые индѣйцы, обезумѣвшіе отъ ужаса и спасавшіеся бѣгствомъ въ разныхъ направленіяхъ.

— Живо, друзья! Теперь настоящій моментъ безпрепятственно и открыто покинуть деревню!—сказалъ Рамиро, и тѣсной кучкой, держа ружья на готовѣ, наши перуанцы смѣло двинулись мимо хижинъ туземцевъ по главной улицѣ деревни, теперь почти опустѣвшей. На встрѣчу имъ раздался только одинъ бѣшеный крикъ ярости и злобы, и выглянуло искаженное лицо вождя, который сейчасъ только воочію убѣдился въ исчезновеніи

всѣхъ ружей, хранившихся у него въ особой хижинѣ. Такія удивительныя заколдованныя палки — такіе чудодѣйственные снаряды, и вдругъ утратить ихъ безвозвратно всѣ до единаго!

Не помня себя отъ гнѣва, онъ схватилъ свой лукъ и натянулъ тетиву, готовясь пустить черную стрѣлу въ ненавистныхъ бѣлыхъ, тогда какъ его любимецъ, громадный злющій догъ, яростно лаялъ, стоя подлѣ него, готовый по малѣйшему знаку своего господина наброситься на чужеземцевъ.

Не сговариваясь, не дожидаясь команды, наши друзья дали одновременно нѣсколько выстрѣловъ по собакѣ, которая съ пѣною у рта и злобнымъ рычаніемъ бѣшено кинулась было впередъ, но тутъ-же запрокинулась и испустила послѣдній вздохъ.

При этомъ даже послѣдняя горсть смѣльчаковъ пришла въ неописанный ужасъ; произошла страшная толкотня, всѣ тѣснили другъ друга, напирали одни на другихъ, покуда, наконецъ, не увлекли за собою и своего озлобленнаго вождя. Всѣ они спѣшили укрыться, гдѣ попало.

— Побѣда! побѣда!—ликовалъ Тренте. Обіа и Утитти тоже присоединились къ нему, равно какъ остальные три проводника, и вдругъ торжественный громкій вой огласилъ воздухъ: то Утитти и Обіа выражали такимъ образомъ свое торжество побѣдителей и тутъ же принялись исполнять свой дикій танецъ, танецъ побѣды надъ врагомъ.

— Замѣтьте, дорогой другъ,—сказалъ докторъ, дотрогиваясь до плеча Рамиро,—эти дикари всѣ бѣгутъ въ горы, разсчитывая найти тамъ надежныя мѣста въ скалахъ, гдѣ они могутъ укрыться отъ насъ, оставляя намъ путь въ долину открытымъ!

— Пусть себѣ укрываются, мы, навѣрное, не послѣдуемъ за ними. Слава Богу, что все это дѣло обошлось безъ человѣческихъ жертвъ!

— Вы забываете, что тамъ, по дорогѣ къ озеру, лежатъ двое нашихъ товарищей.

— Да, и къ сожалѣнію, мы не имѣемъ даже возможности похоронить ихъ!—сказалъ докторъ.

— Засыплемъ ихъ хоть немного землею и прикроемъ травой и листвой,—сказалъ Рамиро,—такъ ужасно думать, что мы ихъ

оставили безъ погребенія валяться на дорогѣ, какъ негодную вещь.

— Не спорю, что это ужасно, но не забывайте, что дикари могутъ вернуться каждую минуту.

— Не безпокойтесь, этого не случится! Кромѣ того у меня явилась мысль: мы можемъ опустить ихъ тѣла въ озеро—на это потребуется очень немного времени.

— Ну, ужъ пусть будетъ по вашему! Кстати, наши пріятели окончили свой танецъ, пойдемте-же скорѣе и займемся умершими!

Обоимъ убитымъ привязали по тяжелому камню къ ногамъ; докторъ съ благоговѣніемъ прочелъ надъ ними молитву, каждый изъ присутствующихъ мысленно помолился объ усопшихъ товарищахъ, и затѣмъ ихъ осторожно спустили на длинныхъ веревкахъ на дно покойнаго голубого озера, на томъ мѣстѣ, гдѣ неподвижныя воды его поросли густой пеленой бѣлыхъ кувшинокъ и водяныхъ лилій, и гдѣ, склонясь надъ водой, задумчиво шелестѣла листва развѣсистыхъ старыхъ каштановъ, какъ бы охраняя послѣдній покой схороненныхъ здѣсь мертвецовъ.

— Мы ничего, надѣюсь, не забыли тамъ, въ хижинѣ? — спросилъ Рамиро, оглядываясь кругомъ.—Всѣ готовы пуститься въ путь, не такъ-ли?

— Да! да!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, такъ съ Богомъ! Не будемъ терять времени; ты, Тренте, съумѣешь, конечно, указать намъ обратный путь?

— Конечно! Мы повсюду оставляли замѣтки!

По пути Тренте разсказалъ, какъ ему удалось спастись во время схватки между индѣйцами горцами и индѣйцами племени покойнаго Тенцилея, какъ ему удалось изловить тридцать муловъ, тогда какъ остальные были частью перебиты во время схватки, частью разбѣжались и заблудились въ лѣсу. Кромѣ того, пропали и мѣшки съ бобами, и сушеныя воловьи шкуры, служившія вмѣсто челноковъ.

— Ну, это еще не велика бѣда: здѣсь можно прокормиться плодами и охотой, а въ крайнемъ случаѣ можно будетъ прирѣзать и муловъ,—сказалъ Бенно,—вѣдь все равно только по-

ловина изъ насъ можетъ ѣхать, остальнымъ-же придется идти пѣшкомъ, пока же можно будетъ пользоваться долблеными челноками дикарей.

Между тѣмъ солнце начинало уже всходить и золотило своими первыми лучами всю окрестную мѣстность.

Путь предстоялъ дальній, но въ тѣни лѣсовъ, вдоль ручьевъ идти было не слишкомъ жарко и не слишкомъ утомительно. Мѣстность была самая живописная, самая пріятная. Около полудня сдѣлали привалъ. Всѣ безъ исключенія поспѣшили выкупаться и затѣмъ расположились отдохнуть въ тѣни развѣсистыхъ деревьевъ. Тѣмъ временемъ проводники, остававшіеся на всякій случай на стражѣ, плели гамаки изъ луба, чтобы непривычные ко всякаго рода лишеніямъ европейцы могли провести ночь въ гамакахъ, а не на голой землѣ. Такъ прошелъ первый день пути, затѣмъ насталъ второй, а вмѣстѣ съ нимъ укрѣпилась и надежда увидѣть къ вечеру ожидавшихъ ихъ товарищей.

— Ну, теперь уже недалеко!—объявили, наконецъ, проводники,—скоро мы будемъ уже на мѣстѣ!

— Знаешь, Утитти,—сказалъ Тренте,—вѣдь, ты будешь королемъ своего племени, вмѣсто Тенцилея!

Тотъ сначала гордо поднялъ голову, но тотчасъ снова уныло опустилъ ее.

— Но куда-же, куда теперь дѣваться моему бѣдному народу?—со вздохомъ сказалъ онъ.—Гдѣ ему пріютиться и спрятаться отъ рыскающихъ повсюду враговъ?

— Развѣ они—даже тамъ, гдѣ теперь раскинули свой лагерь твои единоплеменники?—спросилъ Тренте.

— Да, даже и тамъ; эти головорѣзы, люди съ плоскими раковинами, продѣтыми въ губы, въ уши и въ носъ, страшные люди; они всегда отрубаютъ головы убитымъ врагамъ и постоянно носятъ ихъ съ собою. Они просушиваютъ и прокапчиваютъ эти головы надъ огнемъ и затѣмъ вставляютъ въ нихъ камни вмѣсто глазъ, а самое лицо закрашиваютъ бѣлой и красной краской, чтобы оно походило на лицо живого бѣлаго человѣка. Они кромѣ того ѣдятъ человѣческое мясо.

— Какъ, даже и теперь еще?

— Ну, да! Они ѣдятъ его всегда, когда только могутъ достать его. Если у нихъ кто-нибудь заболѣетъ, и колдунъ объявитъ, что больной не можетъ поправиться, то его тотчасъ-же зарѣжутъ и съѣдятъ, прежде чѣмъ больной успѣетъ исхудать отъ болѣзни.

— Ну, а какія же другія милыя качества встрѣчаются у этого племени?—освѣдомился Халлингъ.

— Кромѣ того, они бросаютъ на дорогѣ своихъ слабыхъ, старыхъ и убогихъ и зарываютъ въ землю всѣхъ новорожденныхъ ребятъ, имѣющихъ какой-нибудь физическій порокъ или недостатокъ.

— Разскажи намъ объ этомъ, Утитти! Какъ это они бросаютъ на дорогѣ слабыхъ и убогихъ своего племени?

— Они не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, а кочуютъ по всей странѣ; и вотъ, когда они перебираются съ одного мѣста на другое, то волокутъ за собою своихъ старцевъ, слабыхъ и убогихъ калѣкъ до тѣхъ поръ, пока тѣ уже не въ состояніи болѣе идти. Тогда эти люди строятъ для нихъ навѣсъ изъ вѣтвей, кладутъ подлѣ нихъ на землю немного съѣстныхъ припасовъ и оставляютъ этихъ несчастныхъ, беззащитныхъ и слабыхъ однихъ подъ этимъ навѣсомъ на съѣденіе звѣрямъ или на голодную смерть!

— Мнѣ и Обіи пришлось однажды быть свидѣтелями такого происшествія. Мужчины въ такихъ случаяхъ никогда даже не оглядываются назадъ, не взирая на отчаянные крики и вопли несчастныхъ, но женщины не всегда такъ легко примиряются съ такой разлукой со своими близкими. Разъ моему племени пришлось повстрѣчаться въ лѣсу съ этими людоѣдами,— продолжалъ Утитти,—но такъ какъ мы выслали впередъ развѣдчиковъ, то они успѣли во время предупредить объ опасности, такъ что мы успѣли укрыться отъ нихъ въ густой чащѣ мимозъ. Мы принуждены были надѣть собакамъ намордники, чтобы онѣ не выдали насъ своимъ лаемъ, а женщинъ и дѣтей услать въ глубь лѣса, потому что малѣйшій шумъ или шорохъ могъ всѣмъ намъ стоить жизни. Къ счастью, эти люди были

слишкомъ заняты своимъ дѣломъ и мало заботились обо всемъ остальномъ.

— Они сплели навѣсъ изъ вѣтвей, положили тутъ же подъ навѣсомъ горсть -маніока и нѣсколько плодовъ, затѣмъ двое мужчинъ притащили бѣдную слѣпую старушку и хотѣли посадить ее подъ навѣсъ Но та, очевидно, понявъ, что съ нею хотятъ сдѣлать, упиралась изо всѣхъ силъ, вцѣпившись въ тащившихъ ее, и громко раздирающимъ душу голосовъ звала кого-то, съ рыданіемъ повторяя одно и то же имя «Маруа! Маруа!»—То было имя ея дочери. Но грубые мужчины силой посадили слѣпую старуху подъ навѣсикъ, и затѣмъ всѣ должны были продолжать путь, не взирая на стоны и вопли бѣдной покинутой женщины. Дѣло это, однако, обошлось не такъ легко на этотъ разъ, такъ какъ одна молодая дѣвушка изъ среды женщинъ горько рыдала и отказывалась идти дальше. Бѣдняжка не могла рѣшиться оставить на дорогѣ свою мать, несмотря на принужденія окружавшихъ. Наконецъ, вождь отдалъ строгое приказаніе, чтобы двѣ наиболѣе почтенныя женщины изъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ схватили дѣвушку и силой волокли ее впередъ за остальными. Онѣ схватили ее подъ обѣ руки и стали толкать впередъ. Дѣвушка оглянулась назадъ на старуху, которая въ этотъ моментъ съ горькимъ воплемъ простирала къ ней руки и, рванувшись изо всей силы, съ крикомъ кинулась къ слѣпой, которая, рыдая, заключила ее въ свои объятія. Дѣвушка твердо рѣшилась, во что бы то ни стало, раздѣлить участь матери, и видя это, все племя ихъ двинулось дальше, предоставивъ обѣихъ женщихъ ихъ судьбѣ и ни мало не заботясь о нихъ. Когда эти люди съ раковинами въ губѣ, въ ушахъ и въ носу удалились настолько, что ихъ совсѣмъ уже не было видно, мы, т. е. мои единоплеменники и я, взяли этихъ двухъ женщинъ съ собой, и онѣ стали жить среди насъ.

— Ну, а прекрасная Маруа, эта примѣрная дочь, стала твоей женой, Утитти? Не такъ-ли?

— Да, чужеземецъ! Какъ только ты могъ угадать это? Маруа стала моей женой; но жива-ли она еще, живы-ли дѣти, я этого не знаю! — добавилъ онъ со вздохомъ. — Ихъ было четверо,

мой старшій мальчикъ умѣлъ уже вить пращу и заострять стрѣлы.

Рамиро дружески потрепалъ его по плечу.

— Не ты одинъ спрашиваешь себя живы-ли твои дѣти, жива-ли жена,—сказалъ онъ,—и я, я тоже ставлю себѣ этотъ вопросъ и — увы!.. — Рамиро не договорилъ и грустно покачалъ головой.

Но вотъ уже и знакомыя мѣста. Отъ костровъ вьется синій дымокъ, красивая сѣрая борзая стрѣлой несется на встрѣчу путникамъ.

— Плутонъ! Плутонъ!—радостно восклицаетъ Бенно, лаская собаку, и вдругъ лицо его блѣднѣетъ, страдальческая черта ложится вокругъ рта; Рамиро при видѣ этого измѣненія ласково спросилъ его:

— Вы, вѣроятно вспомнили, при какихъ обстоятельствахъ вы впервые встрѣтили Плутона, Бенно? И мнѣ не разъ приходило на память это покинутое судно!

— Нѣтъ, сеньоръ, если говорить правду, то при воспоминаніи объ этомъ суднѣ меня тревожитъ и мучитъ болѣе всего письмо, которое мы такъ и не могли доставить по назначенію. Мнѣ почему-то всегда казалось и теперь кажется, что это письмо имѣло для меня лично громадное значеніе. Меня мучаетъ мысль, что, можетъ быть, много горькихъ слезъ пролито изъ-за этого письма, много горя и мукъ пережито изъ-за него!

— Не будемъ больше думать объ этомъ!—сказалъ Рамиро.— Смотрите, вонъ Утитти встрѣтилъ своихъ, вонъ его дѣти обступили его, а жена, это скромное, робкое существо, тоже глядитъ на своего господина и повелителя глазами, полными слезъ. Видите, онъ милостиво протянулъ ей руку: другой, болѣе нѣжной и горячей ласки не допускаетъ мѣстный этикетъ; это значило бы уронить достоинство воина.

— А вотъ и наши!—крикнулъ Халлингъ.

Въ числѣ другихъ приблизился и Михаилъ, все такой же блѣдный, робкій и мечтательный.

— Что-же, нашли вы приворотный корень?—таинственнымъ шепотомъ спросилъ онъ у Бенно и на его отрицательный отвѣтъ прошепталъ:

— Это очень печально, очень печально!—затѣмъ молодой человѣкъ со вздохомъ отошелъ въ сторону.

Тѣмъ временемъ краснокожіе обступили своего будущаго вождя и радостно привѣтствовали его возвращеніе. Впередъ другихъ протѣснилась къ Утитти старая, тощая колдунья, выкрашенная, какъ всегда, желтою краской, и, указывая дрожащей рукой на стоявшаго поодаль и не рѣшавшагося вступить въ лагерь своихъ единоплеменниковъ Обіа, воскликнула.

— Ты долженъ стать нашимъ вождемъ, храбрый Утитти! Ты долженъ указать намъ то мѣсто, гдѣ должны стоять наши хижины, но прежде всего ты долженъ снести голову этому измѣннику. Онъ любимецъ Тенцилея, онъ стоялъ за него и противъ своего народа, и вотъ, гдѣ его мѣсто—этотъ колъ ждетъ его головы!

И старуха указала на три кола, воткнутые въ землю, изъ которыхъ одинъ былъ пустой, тогда какъ на двухъ остальныхъ торчали головы, измѣнившіяся уже до полной неузнаваемости.

— Тенцилей! Непорра!—проскрежетала она,—а этотъ колъ для Обіа!

Наши друзья вопросительно взглянули другъ на друга. Неужели они должны были допустить подобное звѣрство? Допустить, чтобы человѣка прирѣзали на ихъ глазахъ, какъ барана!

— Обіа долженъ умереть, онъ повергъ въ несчастье весь свой народъ!—кричали индѣйцы.—Онъ измѣнникъ и не имѣетъ права войти въ деревню!

— Бѣги! Бѣги отсюда, Обіа!—шепнулъ ему Утитти,—я не могу спасти твою жизнь, бѣги!

— Друзья,—сказалъ Рамиро,—обращаясь къ индѣйцамъ,—мы взяли Обіа въ проводники и спутники въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, и завтра онъ вмѣстѣ съ нами покинетъ навсегда вашу деревню, но эту ночь вы должны ему позволить провести у нашего костра!

— Нѣтъ! нѣтъ! Онъ долженъ умереть! — кричала желтая вѣдьма.

— Чужеземецъ правъ. Оставьте его въ покоѣ,—приказалъ Утитти,—пусть они уведутъ его съ собою!

Тогда концомъ копья, вокругъ того мѣста, гдѣ расположились лагеремъ бѣлые, начертали на землѣ линію, и за эту черту не смѣлъ преступить изгнанникъ подъ страхомъ смерти, что ему было прекрасно извѣстно.

Весь день, до наступленія ночи, наши путешественники посвятили сборамъ: добыли челноки, нагрузили ихъ, насколько было можно, различными съѣстными припасами и всѣми своими пожитками, а ночью выставили вооруженныхъ часовыхъ, которымъ было поручено слѣдить за неприкосновенностью челновъ и безопасностью спящихъ товарищей. Караульные эти смѣнялись каждые двѣ часа. Подъ утро весь маленькій караванъ долженъ былъ тронуться въ путь.

Слѣдовало идти на сѣверо-западъ. Вотъ все, что знали наши друзья, а компасъ долженъ былъ служить имъ единственнымъ указателемъ пути. Съ разсвѣтомъ стали собираться и индѣйцы. Они также рѣшили покинуть эту прекрасную страну и искать себѣ новую родину гдѣ-нибудь вдали отъ своихъ враговъ. Они въ послѣдній разъ собрались у костра и тихо и протяжно пѣли свою печальную пѣсню.

«Куда намъ теперь идти? Друзья наши далеко, а враги всюду близко. Великъ дремучій лѣсъ, но въ немъ живетъ и коварная птица, и ядовитая змѣя. Гдѣ же намъ искать мѣста, чтобы построить вновь славныя хижины и развести сады и огороды?»

Грустно и уныло звучала эта пѣсня. Отъ прежней веселой, безобидной, добродушной толпы осталась лишь небольшая горсть мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ выкрашенные въ черный цвѣтъ, они смотрѣли какъ-то особенно печально. Имъ предстоялъ далекій путь; они рѣшили переселиться въ ту часть страны, гдѣ жило одно родственное имъ племя, и тамъ основать новое маленькое царство.

Когда дикари тронулись въ путь, оказалось, что мужчины не несли на себѣ ровно ничего, кромѣ своего оружія, тогда какъ бѣдныя женщины были навьючены положительно свыше силъ, даже и тѣ, у которыхъ за спиною висѣлъ въ деревянной зыбкѣ грудной ребенокъ, а на правомъ бедрѣ еще другой, немного постарше.

Простившись со своими друзьями самымъ сердечнымъ образомъ, индѣйцы затянули свою печальную пѣсню и потянулись длинной вереницей отъ своей прежней деревни въ лѣсъ.

— Да,— сказалъ Обіа, глядя имъ вслѣдъ, — лучше, что я пойду съ вами, не хочу я больше жить въ лѣсу!

Вскорѣ двинулись и наши путешественники. Въ каждомъ челнокѣ сидѣло по четыре человѣка, и лежали цѣлыя горы припасовъ и пожитковъ. Остальные же частью шли пѣшіе по берегу, частью ѣхали на мулахъ.

Ласковые лучи ранняго утренняго солнца еще болѣе скрашивали и безъ того прекрасную мѣстность; повсюду встрѣчались въ удивительномъ изобиліи самые роскошные плоды. Обіа, которому всѣ они были знакомы, сообщалъ своимъ спутникамъ разныя полезныя свѣдѣнія. Онъ указывалъ имъ на съѣдобные плоды и ягоды, на птичьи гнѣзда, въ которыхъ можно было найти вкусныя яйца и т. д.

— Вотъ хорошее дерево,—сказалъ онъ,—остановите челноки, я угощу васъ чисто царскимъ напиткомъ, давайте сюда ваши тыквенные сосуды!

Раздался звукъ рожка — обычный призывный сигналъ нашихъ путешественниковъ, — гребцы убрали весла, а всадники придержали своихъ муловъ, тутъ же принявшихся щипать свѣжую, молодую траву.

Указанное дерево носило весьма странные плоды: на стеблѣ, толщиною въ руку человѣка, висѣлъ орѣхъ, напоминавшій своею формой почки. Орѣхъ этотъ проводники тотчасъ же принялись поджаривать на раскаленныхъ камняхъ, которые они тутъ же раскаляли на разведенномъ на скорую руку кострѣ, тогда какъ Обіа показывалъ бѣлымъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ мягкимъ, какъ груша, блѣдно-зеленымъ мясистымъ ядромъ этого орѣха, чтобы добыть изъ него заключающійся въ немъ сокъ. Подставивъ тыквенный сосудъ, онъ выжалъ это ядро, точно губку, такъ что въ его рукахъ осталась одна кишкообразная тонкая оболочка, а все содержимое, свѣтлая бѣлая жидкость, вылилось въ сосудъ. Вкусъ сока этого плода напоминалъ отчасти душистую лѣсную землянику, отчасти спѣлую сладкую дыню

съ сахаромъ. Всѣ съ наслажденіемъ пили этотъ напитокъ и кромѣ того сдѣлали громадный запасъ этихъ орѣховъ. Рамиро и Педрильо взбирались чуть не до самой вершины и рвали драгоцѣнные плоды.

— Скажи, Обіа, много этихъ превосходныхъ орѣховъ растетъ здѣсь, въ лѣсу?—освѣдомился Бенно.

— О, сколько угодно!

Попробовали и самаго мяса этого орѣха, оказавшагося чрезвычайно вкуснымъ.

— Вотъ это тоже прекрасные плоды,—сказалъ Обіа.—Смотри, какъ ихъ поѣдаютъ попугаи!

Палками и камнями отогнали крикливую пеструю стаю и набрали и этихъ плодовъ, походившихъ на крупную желтую сливу. Въ другомъ мѣстѣ росъ крупный, темный, почти черный очень вкусный виноградъ. Гроздья банановъ были такъ велики, что одинъ человѣкъ не могъ нести ихъ, и эти плоды приходилось перетаскивать въ лодки двоимъ.

— Смотрите, господа,—сказалъ Бенно, указывая на довольно крупныхъ птицъ, слѣдовавшихъ уже нѣкоторое время за нашими путешественниками, — птицы эти держатъ себя очень странно: онѣ какъ бы исполняютъ тщательно разученный балетъ!

Тѣмъ временемъ пріятели наши продолжали путь и достигли поворота рѣки, постепенно все расширявшейся. Вдругъ откуда-то раздался непріятный пронзительный хриплый ревъ; затѣмъ послышался другой и третій такой же отвратительный звукъ.

— Это ревуны!—сказалъ Обіа,—мы ихъ сейчасъ увидимъ!

— Но вѣдь это реветъ всего только одна обезьяна!

— Да, но сейчасъ ей отзовутся и другія,—это ихъ запѣвало, ихъ старшій.

Дѣйствительно, воздухъ огласился какимъ-то адскимъ концертомъ; ничего подобнаго никто изъ путешественниковъ никогда не слыхалъ: въ этомъ ревѣ было нѣчто злобно насмѣшливое, нѣчто угрожающее и свирѣпое; звуки эти раздражали не только людей, но даже и кроткаго Плутона, который принялся жалобно выть. Ревъ льва и плачъ гіены ничто въ сравненіи съ этимъ адскимъ ревомъ.

— Смотрите, вотъ они!—сказалъ Обіа, указывая на большія вѣтвистыя деревья, — вы, конечно, настрѣляете нѣсколько штукъ себѣ на жаркое?

— На жаркое! обезьянъ на жаркое?! — воскликнулъ Бенно.

— Да, у нихъ превкусное и очень нѣжное мясо! – сказалъ индѣецъ.

Ревъ этой стаи обезьянъ становился до того нестерпимъ, что всѣ готовы были бѣжать безъ оглядки, но тѣмъ не менѣе многіе изъ путешественниковъ успѣли замѣтить, что на нижнихъ толстыхъ сучьяхъ смоковницы сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, чинно въ рядъ, маленькія рыжевато-желтыя обезьяны съ длинными закручивающимися цѣпкими хвостами и густымъ хохломъ волосъ на загривкѣ. Сидя на суку, онѣ свѣшивали хвостъ и длинныя переднія руки внизъ, тогда какъ ихъ запѣвало и вмѣстѣ съ тѣмъ предводитель, медленно и важно расхаживавшій взадъ и впередъ передъ фронтомъ своихъ товарищей на другомъ суку, держалъ хвостъ торчкомъ кверху и разгуливалъ на четверенькахъ.

— Стрѣляйте же! стрѣляйте!—уговаривалъ Обіа.

— Эхъ! если бы у меня было мое оружіе! Этого дуралея такъ легко подстрѣлить!

Рамиро прицѣлился и попалъ старому ревуну прямо въ грудь, но тотъ не сразу повалился на землю, а продолжалъ неподвижно сидѣть на своемъ мѣстѣ, несмотря на то, что кровь ручьемъ лилась изъ его раны. Всѣ обезьяны сразу смолкли и разбѣжались, ища спасенія въ верхнихъ вѣтвяхъ деревьевъ; ссорясь и толкаясь, торопливо удирали перепуганныя животныя. Но вотъ второй выстрѣлъ прикончилъ старика, и онъ грузно повалился на землю.

Вскорѣ тотъ же адскій концертъ возобновился въ разныхъ мѣстахъ лѣса; очевидно, весь онъ былъ населенъ многочисленными стаями рыжихъ и черныхъ ревуновъ. Только около полудня смолкли ихъ голоса. Въ это время все живущее ищетъ сна и покоя, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить томительный полуденный жаръ. Наши друзья также сдѣлали привалъ, и Обіа воспользовался этимъ, чтобы зажарить обезьяну на вертелѣ,

но никто не рѣшился отвѣдать этого человѣкоподобнаго жаркого, и ему пришлось одному полакомиться этимъ вкуснымъ мясомъ.

Однако, потребность поѣсть мяса ощущалась всѣми.

— Скажи, Обіа, нельзя ли намъ будетъ поохотиться здѣсь на тапировъ?—спросилъ Бенно.

— Нѣтъ, молодой господинъ, здѣсь не такія мѣста: на открытомъ сухомъ берегу они не водятся. Погодите немного, если мы дойдемъ до такого мѣста, гдѣ густо растутъ камыши, и гдѣ почва болотиста, тамъ мы навѣрное встрѣтимъ ихъ.

— Бывалъ ты въ этихъ мѣстахъ раньше, Обіа?

— Нѣтъ, мы пришли издалека, съ противоположной стороны, а Тенцилей не любилъ безполезнаго бродяжничества и не хотѣлъ, чтобы люди безъ нужды отлучались изъ деревни.

— Какая жара! Какъ хорошо было бы выкупаться теперь! — сказалъ Бенно.

— Да, да!—подхватили и остальные.

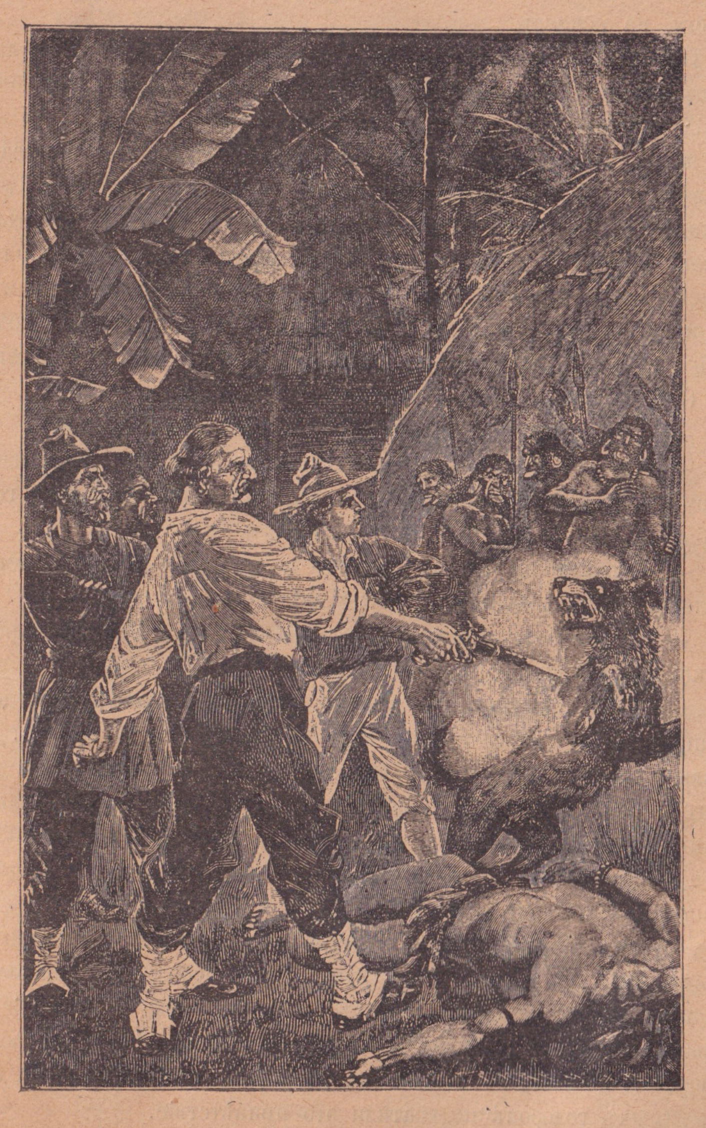
— Постойте! — остановилъ ихъ Обіа, — надо прежде посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь пиренгъ! — и съ этими словами онъ навязалъ на длинную бичевку кусокъ своей жареной обезьяны и закинулъ его въ рѣку.—Смотрите, что будетъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.

Дѣйствительно, въ одну секунду сотни и тысячи маленькихъ серебристо-чешуйчатыхъ рыбешекъ облѣпили со всѣхъ сторонъ брошенный въ воду кусокъ мяса и почти мгновенно по клочкамъ растерзали его своими острыми крошечными зубами.

— Нѣтъ, здѣсь купаться нельзя!—заявилъ индѣецъ,—а то вамъ бы пришлось разстаться съ жизнью. Эти рыбешки, какъ ни малы, мгновенно истребляютъ всякое живое существо. Онѣ такъ впиваются въ тѣло, что нѣтъ никакой возможности избавиться отъ нихъ. Кромѣ того водятся онѣ здѣсь такими тучами, что, какъ видите, вся вода кишитъ ими.

— Неужели эти малютки рѣшаются нападать даже и на большую рыбу?

— Не только на рыбу, но при случаѣ даже и на крокодила. Счастье, что онѣ водятся только въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ: тамъ, гдѣ вода глубже, онѣ совершенно не встрѣчаются.



«Рамиро, проворно выхвативъ револьверъ, далъ по собакѣ выстрѣлъ»...
(къ стр. 15).

Съ наступленіемъ вечера челноки вытащили на берегъ, укрыли въ надежномъ мѣстѣ и расположились тутъ же, на берегу, на ночлегъ.

Проводники стали готовить скромный ужинъ и развели огромный костеръ, который засыпали зелеными вѣтками, чтобы ѣдкій дымъ отъ нихъ разгонялъ москитовъ

Между тѣмъ солнце медленно опускалось къ горизонту, представляя собою громадный пурпурный дискъ, отражавшійся въ тихихъ водахъ рѣки. Вдругъ съ края горизонта, точно ракеты, взлетѣло кверху нѣсколько широкихъ синеголубыхъ полосъ или лучей, раскинувшихся вѣеромъ по пурпуру заката; между тѣмъ тѣни сгущались, и звѣзды, одна за другой, появлялись на небѣ. Всѣ невольно залюбовались этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, но Обіа не выражалъ ни малѣйшаго удивленія.

— Ты уже раньше видалъ это?—спросилъ его Бенно.

— Да, это всегда такъ бываетъ, когда подходитъ дождливое время года у Галлито появляются голубыя перья—на небѣ голубыя полосы.

— Смотрите, румяный закатъ потухаетъ, и вмѣсто него появляется ослѣпительный бѣлый свѣтъ.

— Это зодіакальный свѣтъ, господа!—сказалъ Рамиро,—зрѣлище великолѣпное, грандіозное!

Съ края горизонта поднялась пирамида бѣлаго свѣта, достигавшая до самаго зенита, издавая во всѣ стороны перистые бѣлые лучи, на подобіе громаднаго вѣера. Эти лучи были до того свѣтлы и ярки, до того сильны, что заслоняли собою даже синія полосы и сливались, наконецъ, въ общемъ морѣ свѣта и лучей, но лучей не рѣзкихъ, не ослѣпительныхъ, а скорѣе успокаивающихъ и пріятныхъ.

Кругомъ царила торжественная тишина, лѣсные великаны, выдѣляясь на ясномъ фонѣ лучезарнаго неба, казались особенно величественными. Вдругъ среди тишины и всеобщаго молчанія тихо раздалось уже знакомое нашимъ путешественникамъ: Dios te de! и вслѣдъ за нимъ десятки такихъ же пріятныхъ голосовъ подхватили это привѣтствіе.

— Сейчасъ пробѣжитъ по небу огонь,—сказалъ Обіа, обра-

щаясь къ своимъ спутникамъ, — но на землю огонь этотъ не можетъ спуститься.

— Ты полагаешь, что будетъ гроза?

— Нѣтъ, ни грома, ни дождя не будетъ, чужеземецъ, а только огонь, я не разъ видалъ это!

Всѣ присутствующіе не сводили глазъ съ неба, свѣтившагося ровнымъ бѣлымъ свѣтомъ; вдругъ сверкнула, точно зарница, широкая огненная полоса вдоль всей линіи горизонта. За этой первой зарницей послѣдовали почти безъ перерыва еще другая и третья, пятая, восьмая.

— Восемь!—сосчиталъ по пальцамъ Обіа и, показывая своимъ друзьямъ восемь пальцевъ, сказалъ,—пройдетъ еще столько дней, и тогда вода совсѣмъ загаситъ солнце и будетъ литься на землю ручьями.

Ни малѣйшаго грома, ни единой капли дождя не упало на землю, несмотря на то, что эти прямолинейныя зарницы были ослѣпительно ярки и близки.

— Что же вы, съ вашими женами и дѣтьми, дѣлаете въ продолженіе дождливаго времени?—спросилъ Бенно.

— Мы застилаемъ наши хижины снаружи звѣриными шкурами въ нѣсколько рядовъ, такъ что вода не можетъ проникнуть во внутрь, а нѣкоторыя племена уходятъ въ горы.

— Ну, еще только того и не доставало, чтобы начались ливни!

— Не унывайте, дорогой, вѣдь остается еще всего какихъ-нибудь четыре недѣли, и мы будемъ уже на перуанской землѣ, пусть эта мысль служитъ вамъ утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты; все худшее уже осталось позади!

— Да! четыре недѣли, это уже немного въ сравненіи съ тѣмъ, что пройдено и пережито, но какой-то внутренній голосъ не даетъ мнѣ покоя и смущаетъ меня; какъ только въ душу мою закрадывается хотя бы самая робкая надежда, онъ неизмѣнно шепчетъ мнѣ: «остерегайся! не довѣряй!»

— Это ничто иное, какъ неувѣренность въ успѣхѣ, что вполнѣ естественно; разумный человѣкъ не можетъ смѣло вѣрить въ удачу: онъ обсуждаетъ, размышляетъ и, конечно, предвидитъ возможность неудачи!—сказалъ Бенно.

Но Рамиро почти не слушалъ его.

— Сколько разъ мы обсуждали этотъ вопросъ съ моею бѣдною женой. У насъ не было иного исхода, даже продажа всѣхъ моихъ лучшихъ лошадей едва-ли бы покрыла мои путевые расходы, а между тѣмъ мои должны были-бы умереть тамъ съ голода. Ахъ, если-бы мнѣ достались сокровища моихъ предковъ, если-бы черезъ четыре недѣли я стоялъ лицомъ къ лицу съ братомъ Альфредо! Всѣ эти милліоны! Ахъ, это какая-то несбыточная мечта! Бенно, Бенно, я и для васъ думаю о нихъ!

Но опять въ глубинѣ души измученнаго человѣка раздавался все тотъ же неотвязчивый голосъ: «Не довѣряй! берегись»!..

III.

Паразитъ. — Пернатые танцоры. — Племя водяныхъ обитателей. — Охота на ламантина. — Съ опасностью жизни. — Дождливое время года.—Незванный гость. — Лѣнивецъ, или тихоходъ.

Прошло нѣсколько дней и ночей, первобытные челны нашихъ друзей медленно двигались между берегами прекрасной и спокойной рѣки, какъ вдругъ передъ нашими путешественниками открылось обширное, повидимому, безграничное водное пространство. Вѣроятно, большая широкая рѣка лежала поперекъ другой. Во всякомъ случаѣ надо было переправиться черезъ нее.

— Какъ теперь быть съ мулами?—сказалъ докторъ Шомбургъ.

— О! Мулы могутъ плавать!—сказалъ Тренте.—На пути есть острова, г. Халлингъ увидитъ ихъ въ свою подзорную трубу!

— Обіа!—крикнулъ Бенно,—взгляни на эти пальмы, какъ ихъ обвили эти вьюны!

— Да, знаю, это удавы,—таинственно, съ чувствомъ суевѣрнаго страха произнесъ Обіа,—вѣдь и пальмы имѣютъ своихъ злыхъ демоновъ, которые губятъ ихъ.

— Это растеніе называется *матапало*,—сказалъ Рамиро,—оно гнѣздится въ вершинахъ деревьевъ и пускаетъ оттуда свои

воздушные корни до самой земли, оплетая все дерево своими корнями и питаясь жизненными соками своей жертвы.

На совершенно изсохшей вершинѣ пальмы возвышался сильный, здоровый стволъ паразита, спускавшій почти до низу свой богатый уборъ, состоявшій изъ яркой листвы, цвѣтовъ и плодовъ, похожихъ на мелкія сливы, но негодныхъ къ употребленію.

Несмотря на суевѣрный страхъ Обіа, наши путешественники остановили здѣсь свои челноки. Свѣтлозеленая, мягкая, молодая травка росла здѣсь повсюду сплошнымъ ковромъ; нѣсколько мелкихъ рукавовъ рѣки, въ видѣ небольшихъ ручейковъ, прорѣзывало почву во многихъ мѣстахъ; вдоль нихъ росли высокою сплошною стѣной сахарные тростники. Въ этихъ-то тростникахъ что-то плескалось и возилось, и временами взлетали въ воздухъ тонкія струйки воды. Если они на кого-нибудь попадали, тотъ промокалъ въ одну минуту до нитки.

— Что это тамъ?—спросилъ кто-то изъ перуанцевъ.

— Это добрая рыба,—пояснилъ Обіа,—вы, чужеземцы, конечно, знаете, что называть ее по имени нельзя, что она очень гнѣвается на это и можетъ въ такомъ случаѣ принести человѣку большой вредъ. Она принимаетъ тогда видъ красиваго юноши, убираетъ свои длинные вьющіеся волоса водяными травами и цвѣтами и наигрываетъ пальцами на деревянной дудочкѣ такую прекрасную тихую пѣсню, что всѣ, кто его слышитъ, невольно слѣдуютъ за нимъ и гибнутъ въ водѣ, или на таинственномъ островѣ, гдѣ стоитъ заколдованный дворецъ.

Докторъ разсмѣялся.

— Посмотрите, Халлингъ, что это за диковинное существо, и сообщите мнѣ его названіе по-латыни. Надѣюсь, что эта добрая рыба не получала классическаго образованія и не изучала древнихъ языковъ?

Халлингъ и Бенно пробрались въ заросли сахарныхъ тростниковъ и увидѣли цѣлое стадо дельфиновъ, игравшихъ въ водѣ на солнцѣ, вздымая кверху свои длинныя клювообразныя вострозубыя пасти и извивая кольцомъ свое стройное, скользкое сѣробурое туловище.

— Inia boliviensis!—крикнулъ Бенно,—и они здѣсь столь-же многочисленны, какъ у насъ воробьи на крышахъ.

Обіа, внимательно прислушивавшійся ко всему, теперь съ довольнымъ видомъ закивалъ головой.

— А, вы имѣете для доброй рыбы другое назв ніе вотъ это прекрасно! Какъ она можетъ догадаться, что подъ этимъ новымъ названіемъ вы разумѣете ее?

— Но скажи мнѣ, Обіа, какъ же ея настоящее имя, прошепчи мнѣ его на ухо, я навѣрное никому не выдамъ этой тайны!—просилъ докторъ.

Обіа сталъ внимательно прислушиваться и вглядываться въ ту сторону, гдѣ прыгали и рѣзвились дельфины.

— А что,—сказалъ онъ, — что если добрая рыба вдругъ явится передъ нами въ образѣ прекраснаго юноши со своей завлекающей музыкой и заведетъ насъ на заколдованный островъ? Но я, такъ и быть, тихонько шепну тебѣ на ухо его настоящее имя; его зовутъ Оринокуа.

— Аа... и вы никогда не убиваете ихъ?

— Ахъ, что ты! что ты! какъ можешь ты говорить такія вещи, чужестранецъ? Кто же можетъ рѣшиться на такое страшное дѣло?

— Смотри, господинъ,—обратился вдругъ индѣецъ къ Рамиро,—видишь, эти добрыя рыбы скачутъ и рѣзвятся какъ разъ передъ твоимъ челнокомъ, это къ добру!

— Къ добру! т. е. какъ? Что это именно предвѣщаетъ?— спросилъ владѣлецъ цирка.

— Это предвѣщаетъ тебѣ удачу въ твоихъ намѣреніяхъ и исполненіе твоихъ желаній. Вотъ ты увидишь, что это вѣрно!

Яркая краска мгновенно залила блѣдное лицо Рамиро.

— Ахъ, докторъ, прошу васъ, не убивайте этихъ дельфиновъ!

— Жаль, что пропадетъ такое вкусное жаркое,—улыбаясь, отвѣтилъ докторъ,—но чего не сдѣлаешь для друга?!

— Не горюй, господинъ, о вкусномъ блюдѣ, мы найдемъ здѣсь другого крупнаго звѣря, котораго ты можешь застрѣлить и будешь имѣть вкусное и сытное жаркое.

— И животное это, о которомъ ты говоришь, живетъ въ водѣ?

— Я говорю о Тупанѣ, у него глаза величиною съ грецкій орѣхъ, и самъ онъ длиною съ нашъ челнокъ.

— Ламантинъ!—угадалъ Халлингъ,—это ничто иное, какъ ламантинъ.

— А вотъ и крокодилы смотрите, какъ они пялятъ на насъ глаза, эти мерзкія чудовища, а вонъ одно изъ нихъ даже высунуло всю голову изъ воды! Право, этотъ уродъ плыветъ за нами.

Замѣчательно, что дельфины, повидимому, не обращали на крокодиловъ ни малѣйшаго вниманія, хотя нѣкоторые изъ нихъ упорно сопровождали маленькую флотилію нашихъ путешественниковъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ подплывалъ слишкомъ близко, мѣткая пуля попадала ему въ голову, и онъ нырялъ подъ воду, послѣ чего уже снова не появлялся.

Послѣ полудня наши путешественники убѣдились, наконецъ, что передъ ними, дѣйствительно, широчайшая рѣка, и муловъ, волей не волей, пришлось пустить вплавь, чтобы добраться до ближайшаго острова, поросшаго прекрасными пальмами и, повидимому, достаточно большого, чтобы весь маленькій караванъ могъ въ безопасности провести тамъ ночь.

Челноки выстроились въ два ряда, и между ними пустили плыть муловъ. Нѣкоторые изъ нихъ боялись идти въ воду, но въ концѣ концовъ всѣ благополучно добрались до островка. На слѣдующій день имъ пришлось совершить еще вторую такую же переправу, но только еще болѣе продолжительную и затруднительную вслѣдствіе болѣе сильнаго и быстраго теченія рѣки въ этомъ мѣстѣ, и добраться до второго острова, такого же лѣсистаго и красиваго, какъ и первый. Тутъ наши путешественники провели еще одну ночь, и отсюда можно было уже видѣть предѣлъ голубого водяного пространства и зубчатую стѣну лѣса на краю горизонта.

— На завтра, если ничего не случится въ пути,—подумалъ про себя Рамиро,—можно будетъ продолжать путешествіе уже сухимъ путемъ.

Эта мысль показалась ему отрадной и успокоительной. И люди, и животныя измучились за эти два дня, да кромѣ того и въ провіантѣ начиналъ чувствоваться недостатокъ.

— Ну, что же, Обіа,—говорилъ уже чуть ли не въ двадцатый разъ докторъ,—гдѣ же твое обѣщанное животное?

— О, мы его еще найдемъ!—успокаивалъ индѣецъ.

— Лодка! лодка!—крикнулъ вдругъ Бенно,—дикіе!

Всѣ поспѣшили втащить на берегъ челноки и, схватившись за ружья, которыя на всякій случай были постоянно заряжены, ожидали, что будетъ.

— Это чистый Ноевъ ковчегъ! — сказалъ Халлингъ, — я слышу, что тамъ лаетъ собака, кричатъ и плачутъ ребятишки.

Халлингъ досталъ свою подзорную трубу и объявилъ: —на веслахъ сидятъ двѣ женщины, затѣмъ кто-то присѣлъ и держитъ удочку или что-либо подобное, а на носу, кажется, разведенъ огонь, потому что я вижу дымъ.

— Это странно! Но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ громадномъ суднѣ, подъ густымъ навѣсомъ изъ луба и листьевъ, нѣтъ ничего грознаго, а все носитъ скорѣе какой-то семейный характеръ.

Дѣйствительно, вскорѣ громадная лодка настолько приблизилась къ берегу, что гребцамъ можно было подать сигналъ. Обіа выступилъ на открытое мѣсто и, держа высоко надъ головою большой кокосовый орѣхъ, какъ бы предлагалъ его сидѣвшимъ въ лодкѣ. Тѣ поняли миролюбивый знакъ; мужчина, занятый рыбною ловлей, поднялся на ноги и, доставъ изъ своей корзины большую рыбу, ловко перебросилъ ее на островъ, послѣ чего сильнымъ движеніемъ повернулъ руль, и громоздкое судно пристало къ берегу.

Въ лодкѣ не было ни скамеекъ, ни настилки. Женщины и дѣти ютились на днѣ судна, всего ихъ было десять человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ мужчина, занятый ловлей. Когда ихъ громадная лодка пристала къ острову, онъ привязалъ ее крѣпкимъ канатомъ къ одному изъ прибрежныхъ деревьевъ и, взявъ изъ своей корзины двѣ самыя крупныя рыбы, поднесъ ихъ бѣлымъ въ даръ. Тѣ, желая отблагодарить его въ свою очередь, предложили ему прекраснѣйшую кисть банановъ и нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, но индѣецъ отрицательно покачалъ головой.

— Мы этого не ѣдимъ,—сказалъ онъ,—мы ѣдимъ только рыбу, мы—Гуатосы!

— Аа... вы принадлежите къ тому легендарному исчезающему племени водяныхъ жителей!—и наши друзья съ особымъ вниманіемъ и интересомъ смотрѣли на этихъ своеобразныхъ людей.

Это были красивѣйшіе, самые рослые и статные индѣйцы во всей Бразиліи; ихъ длинные, какъ уголь, черные волосы густыми прядями ниспадали на плечи и въ то же время были связаны красивымъ узломъ на темени; ихъ кроткія, задумчивыя лица съ пріятными правильными чертами и скромная сдержанность въ обращеніи производили самое лучшее впечатлѣніе. Даже обильныя украшенія изъ зубовъ крокодиловъ не придавали имъ свирѣпаго, дикаго вида. Языкъ ихъ очень трудно было понять, такъ что не только Тренте, но даже и Обіа сильно затруднялся, объясняясь съ ними, и нерѣдко прибѣгалъ къ помощи мимики и разныхъ знаковъ.

— Неужели вы постоянно живете въ вашихъ лодкахъ и день, и ночь, въ теченіе круглаго года?—спросилъ докторъ.

— Да, всегда. Мы не имѣемъ другихъ жилищъ, кромѣ одного большого общаго дома для всего нашего племени, да и самый домъ этотъ построенъ на сваяхъ на водѣ. Когда кому-либо изъ племени является надобность построить себѣ новую лодку, или если кто-либо умретъ, то его семья переселяется на время въ этотъ домъ, всего на какихъ-нибудь нѣсколько дней. Въ этомъ же домѣ собираются ежегодно всѣ мужчины нашего племени на общій совѣтъ и собраніе, но женщины въ это время остаются у себя дома на своихъ лодкахъ.

— Неужели мы ничѣмъ не можемъ порадовать васъ, ничего не можемъ подарить вамъ?—сказали бѣлые,—можетъ быть, вамъ нужно что-либо изъ хозяйственныхъ вещей, какой-нибудь котелокъ или сковороду?

— Нѣтъ, намъ они не нужны, мы печемъ рыбу прямо на камняхъ!

Тогда дикарю показали буравчикъ, и онъ ухватился за него съ видимой радостью и восхищеніемъ, а женѣ его подарили ножницы, отъ которыхъ та была въ восторгѣ. Затѣмъ, послѣ

нѣсколькихъ дружескихъ привѣтствій, этотъ новѣйшій американскій ковчегъ отчалилъ отъ острова и продолжалъ свое безконечное странствованіе по водамъ.

Подарокъ Гуатоса, этого красиваго представителя столь рѣдко встрѣчающагося теперь племени, двѣ крупныя рыбы, тотчасъ же поступилъ въ общій котелъ, обѣщая нашимъ друзьямъ вкусный и сытный ужинъ.

Поужинавъ, всѣ послѣ утомительнаго дня расположились на ночлегъ; слабый и мѣрный рокотъ волнъ, ударявшихъ о берегъ, укачивалъ и располагалъ ко сну,—и вскорѣ все маленькое общество заснуло крѣпкимъ сномъ, собираясь съ силами къ предстоящимъ трудностямъ завтрашняго дня.

Вѣдь завтра они могли разсчитывать добраться до берега и продолжать свой путь сухимъ путемъ. Опять пришлось не мало повозиться съ мулами, прежде чѣмъ удалось заставить ихъ войти въ воду и плыть въ надлежащемъ порядкѣ между двухъ вереницъ челноковъ.

Но вотъ ужъ берегъ совсѣмъ близко. Обіа, стоя въ своемъ челнокѣ, уже нѣсколько времени внимательно смотрѣлъ впередъ на блестѣвшую и сверкавшую на солнцѣ воду. Вдругъ онъ поднялъ руку вверхъ, какъ бы требуя всеобщаго вниманія.

— Шшъ! тихо!—сказалъ онъ,—кажется, что-то плыветъ тамъ впереди, подъ водою, что-то большое! Я думаю, что это огромная рыба.

— Гдѣ? гдѣ?—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Тихо! Не то она уйдетъ на дно!

Рамиро осторожно вскинулъ ружье и нацѣлилъ его на какой-то темный предметъ, выставлявшійся надъ поверхностью воды. Раздался выстрѣлъ, какая-то громадная темная масса высоко подпрыгнула изъ воды въ воздухъ и вслѣдъ затѣмъ грузно плюхнулась обратно въ воду. Вся вода окрасилась кругомъ кровью, волны заходили и запѣнились вокругъ того мѣста.

— Ножъ, скорѣе большой ножъ!—шепотомъ крикнулъ Обіа.

Съ десятокъ ножей одновременно протянулись къ нему. Онъ схватилъ одинъ изъ нихъ и, не задумываясь ни на секунду, прыгнулъ въ воду.

— Подъѣзжайте ближе и приготовьте два крѣпкихъ каната подлиннѣе! —успѣлъ онъ только сказать. Ему повиновались; съ минуту онъ совершенно исчезъ подъ водою, затѣмъ вынырнулъ снова подъ носомъ передней лодки.

— Громадная рыба уже мертва, я прикончилъ ее!—крикнулъ онъ,—теперь у насъ будетъ мяса вдоволь.

— Гдѣ же твоя добыча?

— Тамъ, на днѣ, не глубоко, въ водоросляхъ!—Давайте мнѣ веревку!— и онъ снова нырнулъ, а минуту спустя, появился на поверхности, держа оба конца веревки.—Теперь давайте другую!

— Неужели ты тамъ, подъ водой, обвязываешь ею туловище твоей громадной рыбы?

— Ну, конечно!

Докторъ и Рамиро соединенными усиліями держали концы одной веревки, между тѣмъ какъ нѣсколько человѣкъ ихъ товарищей выѣхали немного впередъ, чтобы тамъ принять изъ рукъ Обіа концы второй веревки.

Всѣ были въ ожиданіи, и вниманіе всѣхъ было обращено на Обіа, который въ это время, вручивъ перуанцамъ, находившимся въ передней лодкѣ, концы второй веревки, съ сіяющимъ лицомъ обратился къ остальнымъ.—Теперь мнѣ нужна одна свободная лодка въ полное мое распоряженіе и кромѣ того тыквенный сосудъ или сковорода!

— Сковорода!—засмѣялись почти всѣ въ одинъ голосъ, но все-таки поспѣшили исполнить его требованіе.

Обіа проворно прыгнулъ въ свободный челнокъ, съ еще болѣе удивительнымъ проворствомъ вдвинулъ свой челнокъ между тѣми двумя, въ которыхъ находились люди, державшіе веревки, и сталъ наполнять свой челнокъ водою болѣе чѣмъ до половины, такъ что онъ на три четверти затонулъ.

— Ну вотъ!—воскликнулъ онъ,—теперь тяните веревки кверху, но только осторожнѣе: рыба эта скользкая, какъ угорь! Она больше двухъ человѣкъ, взятыхъ вмѣстѣ!

Четверо здоровыхъ мужчинъ осторожно стали натягивать веревки до тѣхъ поръ, пока громадное животное не показа-

лось на поверхности воды. Тогда Обіа ловкимъ толчкомъ подвелъ свой полузатонувшій челнокъ подъ туловище чудовищнаго животнаго и принялся съ тѣмъ же проворствомъ и ловкостью вычерпывать изъ своей лодки воду, съ какою онъ раньше наполнялъ ее. Нашлись и другіе, которые стали помогать ему въ этомъ дѣлѣ, и когда челнокъ всплылъ, Обіа ловко повернулъ его такъ, что громадное животное легло въ него по всей длинѣ.

Громкіе крики одобренія привѣтствовали этотъ ловкій маневръ индѣйца.

— Вы всегда такъ управляетесь съ ламантиномъ? (Ламантинъ, или травоядный китъ).

— Всегда!—отвѣчалъ Обіа,—вѣдь иначе его не вытащить на берегъ, онъ такой скользкій и тяжелый!

Добыча была знатная: чудовище имѣло болѣе двухъ саженъ длины и притомъ сравнительно маленькую голову съ безобразною мордой, нѣсколько напоминавшей свиную. Пуля размозжила ему голову.

— Ну, теперь выберемся поскорѣе на берегъ, разложимъ хорошій костеръ и распластаемъ нашу добычу,—весело сказалъ докторъ Халлингъ,—приготовьте карандашъ и бумагу, я хочу измѣрить легкія, печень и внутренности этого ламантина!

Между тѣмъ мулы, давно уже выказывавшіе нѣкоторое безпокойство и нетерпѣливо рвавшіеся впередъ, что наши друзья приписывали чувству нетерпѣнія съ ихъ стороны при видѣ берега и желанію скорѣе выбраться на сушу, теперь положительно точно обезумѣли отъ страха. Не было никакой возможности удержать ихъ. Въ какомъ-то дикомъ отчаяніи эти животныя били ногами, высоко задирали головы и даже старались схватить зубами тѣхъ, кто пытался удержать ихъ за поводья.

— Ужъ нѣтъ ли здѣсь по близости крокодиловъ?—замѣтилъ Рамиро, окидывая зоркимъ взглядомъ водную поверхность. Вдругъ онъ замѣтилъ какой-то небольшой предметъ, плывшій противъ теченія, затѣмъ, приглядѣвшись къ нему, воскликнулъ:

— Смотрите! Вѣдь это унца!

— Не стрѣляй, чужестранецъ! не стрѣляй!—крикнулъ ему

Обіа, видя, что Рамиро вскинулъ ружье и готовъ спустить курокъ. Но было уже поздно, выстрѣлъ грянулъ, и почти одновременно съ нимъ раздалось еще нѣсколько другихъ съ сосѣднихъ лодокъ, гдѣ тоже замѣтили приближеніе унцы.

Ягуаръ нырнулъ и скрылся подъ водою; трудно было сказать, задѣла ли его хоть одна пуля.

Тѣмъ временемъ мулы порвали свои привязи, вырвались и, что было мочи, въ страшномъ смятеніи поплыли къ берегу. Бѣлая пѣна покрыла всю поверхность воды въ тѣсномъ пространствѣ между двумя рядами челноковъ; высокія волны захлестывали лодки, и цѣлый туманъ брызгъ стоялъ въ воздухѣ отъ бѣшенаго бѣгства муловъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ничего нельзя было видѣть или разобрать.

И вотъ, не успѣли наши друзья очнуться отъ этого страшнаго переполоха, не успѣли ихъ челноки уравновѣситься на расходившихся волнахъ, какъ передъ однимъ изъ нихъ неожиданно вынырнула изъ воды голова ягуара, и переднія лапы его вцѣпились сильными когтями въ бортъ челнока. Пасть его, усѣянная острыми зубами, была полураскрыта, изъ груди его вырывалось глухое рычаніе.

Всѣ находившіеся не были въ состояніи ни обсудить своего положенія, ни предпринять какихъ-либо мѣръ для своей самозащиты: это случилось такъ неожиданно, что захватило всѣхъ врасплохъ. Одинъ наносилъ страшному хищнику удары прикладомъ по головѣ, другой стрѣлялъ по немъ изъ пистолета, почти не цѣлясь, просто на угадъ, третій старался всадить въ него ножъ, но все это дѣлалось безъ толка, почти безсознательно, и унца какъ будто не замѣчала всего этого. Не взирая на всѣ эти усилія избавиться отъ нее, она въ этотъ моментъ однимъ ловкимъ прыжкомъ очутилась въ лодкѣ, а всѣ находившіеся въ ней повыскакали изъ нее въ другіе ближайшіе челноки и бѣжали отъ страшнаго звѣря, кто какъ могъ. Всѣ успѣли бѣжать, всѣ, кромѣ одного! Бепно споткнулся, упалъ и не успѣлъ вскочить достаточно быстро, чтобы послѣдовать за другими. Унца, очутившись въ лодкѣ, сдѣлала громадный пры-

жокъ и устремилась прямо на него. У всѣхъ присутствующихъ даже въ глазахъ потемнѣло при видѣ происходившаго въ злосчастномъ челнокѣ, и никто не рѣшился выстрѣлить или сдѣлать что-либо для спасенія своего товарища.

Челнокъ качался изъ стороны въ сторону, грозя ежеминутно перевернуться. Унца не могла вѣрно разсчитать своего прыжка, благодаря качкѣ лодки, и проскочила мимо, черезъ Бенно. Пристыженная своей неудачей, она, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, потупилась и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не подымала головы; въ это время Бенно успѣлъ вырвать одинъ изъ шестовъ, поддерживавшихъ навѣсъ, и когда освирѣпѣвшее животное подняло свою голову съ раскрытою пастью, вонзилъ ему этотъ шестъ въ самую глотку. Рамиро, видя это изъ сосѣдней лодки, совершенно не разсуждая, перескочилъ въ лодку Бенно, и прежде чѣмъ унца успѣла очнуться нанесъ ей нѣсколько сильныхъ ударовъ прикладомъ ружья между глазъ, такъ ошеломившихъ ягуара, что онъ тотчасъ же потерялъ сознаніе и рухнулъ почти замертво на дно лодки.

Затѣмъ, схвативъ едва державшагося на ногахъ Бенно въ свои объятія, Рамиро почти перебросилъ его подоспѣвшимъ на другихъ лодкахъ товарищамъ, которые уже протягивали руки, чтобы принять его. Вслѣдъ за нимъ вскочилъ въ лодку и Рамиро и въ нѣсколько ударовъ веселъ отогналъ свой челнъ далеко отъ того, въ которомъ остался ягуаръ, вскорѣ очнувшійся. Теперь онъ поднялся на ноги въ нерѣшимости и стоялъ, выпрямляясь во весь ростъ, въ покинутомъ всѣми челнокѣ.

— Пристрѣлите же его!—крикнулъ докторъ.

На этотъ разъ мѣткая пуля попала въ самое сердце и уложила на мѣстѣ страшнаго хищника.

Но Рамиро уже не думалъ болѣе о ягуарѣ, онъ обхватилъ обѣими руками своего любимца и заботливо осматривалъ его, какъ бы не вѣря, что тотъ остался совершенно невредимъ.

— Я былъ на волосокъ отъ смерти! Я чувствовалъ на себѣ тяжелое дыханіе ягуара, я ощущалъ прикосновеніе его мягкой, пушистой шерсти къ моему лицу!—сказалъ Бенно, невольно содрогаясь при этомъ воспоминаніи.

— Ну, слава Богу, слава Богу, что вы остались живы!— повторялъ въ сотый разъ Рамиро. — Если бы васъ не стало, я, право, дошелъ бы до совершеннаго отчаянія, а теперь у меня есть утѣшеніе, что мнѣ удалось спасти вамъ жизнь! Скажите Бенно,—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,— какъ вамъ кажется, передъ лицомъ Властителя судебъ нашихъ можетъ ли одинъ такой поступокъ искупить другой, противоположный ему. Можетъ ли одинъ необдуманный, безотчетный поступокъ загладить другой, такой же и необдуманный, безотчетный?

— Да, я полагаю, что никакое доброе дѣло не останется безъ послѣдствій!

— Увы, вѣдь это обоюдострый мечъ! Ваши слова одинаково примѣнимы и къ дурнымъ поступкамъ—значитъ, и тѣ не остаются безъ послѣдствій, Бенно! Но, довольно объ этомъ, займемся теперь ламантиномъ, посмотримъ, каковъ онъ въ качествѣ жаркого!

— Что ламантинъ!—воскликнулъ Тренте съ нѣкоторымъ презрѣніемъ,—унца несравненно лучше жаркое! Она ничѣмъ не хуже молодой козы или армадиля (броненосца).

Челноки одинъ за другимъ приставали къ берегу, люди выходили на сушу; мулы катались на травѣ и весело рѣзвились на свободѣ, почуявъ, наконецъ, подъ ногами твердую почву. Путники возились съ добычей, другіе складывали въ кучу поклажу, выгруженную изъ челноковъ, третьи подвѣшивали свои гамаки и разводили большой костеръ, покрытый свѣжими зелеными вѣтвями для устраненія москитовъ. Наши путешественники рѣшили устроить настоящій пиръ: сварили супъ изъ маленькихъ зеленыхъ попугаевъ, сварили вкусныхъ, крупныхъ рѣчныхъ раковъ, изжарили и унцу, и лучшія части ламантина и лакомились вволю лучшими бананами и апельсинами.

Обіа часто взглядывалъ на небо и, наконецъ, объявилъ:— Завтра будетъ дождь, москиты прячутся, и пчелы закупориваютъ свои летки.

— Значитъ, мы должны приготовиться мокнуть въ теченіе

цѣлыхъ шести недѣль безъ просушки, спать въ лужѣ и ѣсть все смоченное дождевой водой! — сказалъ Беппо.

— Да, если мы не успѣемъ до того времени благополучно добраться до мѣста!—отвѣтилъ кто-то.

Между тѣмъ мѣстная фауна, вѣроятно, никогда не видавшая человѣка, безбоязненно толпилась вокругъ нашихъ путешественниковъ и вблизи ихъ костровъ. Вдругъ послышался хрустъ и шумъ въ кустахъ опушки сосѣдняго лѣса, сопровождаемый тихимъ пискомъ и глухимъ рычаніемъ.

— Это пеккари!—сказалъ Обіа, прислушавшись,—и дикія кошки, вышедшія теперь на добычу.

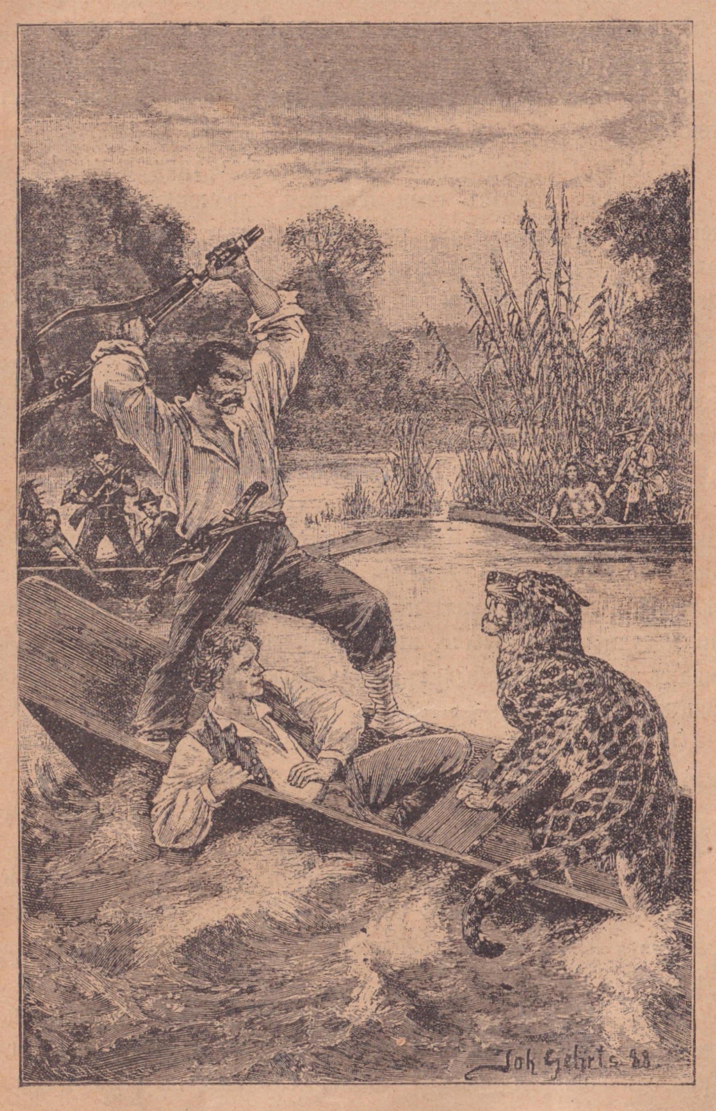
Всѣ схватились за ружья.

— Надо запасаться мясомъ!—сказалъ кто-то.

Вскорѣ большое стадо маленькихъ черныхъ свинокъ съ перепуга устремилось прямо на костеръ. Обезумѣвъ отъ страха и чуя за собою погоню, онѣ метались изъ стороны въ сторону; вдругъ что-то зашелестѣло въ листвѣ куста, и громадное панцырное боа (удавъ) выхватило изъ стада одну изъ маленькихъ свинокъ, которая съ душу-раздирающимъ воплемъ мгновенно исчезла въ громадной пасти страшной змѣи. Почти одновременно съ этимъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ уложило на мѣстѣ еще десять такихъ маленькихъ пятнистыхъ свинокъ. Ихъ тутъ же прирѣзали и, разрубивъ на части, посолили и развѣсили на ближайшія деревья, чтобы ни хищные звѣри, ни животныя не могли стащить ихъ. Нѣсколько человѣкъ, съ ружьями наготовѣ, остались караулить, тогда какъ остальные съ особымъ наслажденіемъ улеглись спать.

Караульщики смѣнялись каждые два часа; ночь прошла благополучно, только подъ утро, когда здѣзды стали гаснуть одна за другою на небѣ, сѣрыя тучи заволокли небо, и въ воздухѣ подулъ прохладный вѣтерокъ. Чуткіе къ холоду туземцы почувствовали дрожь; крупныя капли дождя застучали по деревьямъ, сначала рѣдко, затѣмъ все чаще и чаще, пока не превратились въ настоящій ливень.

Не было никакой возможности развести огонь, всѣ труды Обіа пропадали даромъ.



«Прежде чѣмъ ягуаръ успѣлъ опомниться, испанецъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ прикладомъ»... (къ стр. 46).

— Нѣтъ, здѣсь ничего не подѣлаешь,—сказалъ онъ,—надо идти въ лѣсъ: тамъ стоитъ только поджечь изнутри дуплистое дерево, и тогда у насъ, несмотря на дождь, будетъ хорошій костеръ.

— Ну, а если вдругъ случится лѣсной пожаръ, если десятки, сотни, тысячи этихъ цѣнныхъ деревьевъ уничтожитъ огонь?

— О, это не бѣда, чужестранецъ, лѣсъ такъ великъ!

Путники, собравъ свои пожитки, промокшіе до нитки, двинулись въ глубь лѣса, полагая, что тамъ дождь все же не такъ проникаетъ сквозь густую листву. И здѣсь лѣсъ изобиловалъ всякаго рода превосходнѣйшими плодами, которые манили взоры и разжигали аппетитъ путешественниковъ.

— А вотъ и агуакатъ,—сказалъ Рамиро, указывая на небольшой грушевидный плодъ, напоминавшій вкусомъ своимъ вкусъ приготовленной въ маслѣ кисловатой овощи,—это вполнѣ можетъ замѣнить хлѣбъ и картофель къ жаркому.

Тѣмъ временемъ Обіа нашелъ дуплистое дерево, которое такъ долго искалъ. На высотѣ полутора аршинъ зіяло огромное, поросшее мхомъ и вьющимися растеніями, дупло; повсюду виднѣлись на немъ наросты и дыры отъ выпавшихъ и вымершихъ сучьевъ. Очевидно, этотъ умирающій, разрушающійся великанъ питалъ и ютилъ въ себѣ множество другихъ мелкихъ живыхъ существъ и растеній.

Обіа осторожно ощупалъ длиннымъ шестомъ дно дупла и вдругъ оттуда послышалось сердитое рычаніе.

— Для унцы это дупло мало, но весьма вѣроятно, что тамъ сидитъ дикая кошка!—замѣтилъ докторъ.

Тѣмъ временемъ Обіа, вооружившись длиннымъ ножомъ, удалилъ въ одномъ мѣстѣ кору и затѣмъ осторожно сталъ проталкивать ножъ сквозь дряблую, какъ труха, древесину внутрь дупла.

Съ пронзительнымъ визгомъ выскочило при этомъ изъ дупла пестрошерстое стройное животное прямо въ ту сторону, гдѣ Тренте копошился около муловъ; слѣдомъ за первымъ звѣремъ выскочилъ второй и съ перепугу вскочилъ прямо на плечи бѣдному проводнику, который въ первую минуту совер-

шенно обезумѣлъ отъ страха, но затѣмъ, увидавъ передъ собой кошачью морду, принялся душить несчастное животное съ такою злобой и остервенѣніемъ, потомъ, не взирая на громкій хохотъ окружающихъ, добѣжалъ до небольшого, но довольно глубокаго прудочка, расположеннаго неподалеку, и со всего размаха швырнулъ въ него злополучнаго леопарда. Бѣдный зверь плюхнулся, точно камень, въ воду, но вслѣдъ затѣмъ выплылъ на поверхность и, фыркая и откашливаясь, поплылъ къ противоположному берегу, гдѣ и скрылся въ кустахъ.

Пока все это происходило, Обіа успѣлъ уже развести въ дуплѣ яркій огонь, на которомъ жарилось на громадной сковородѣ прекрасное свиное жаркое съ очищенными агуакатами вмѣсто картофеля. Вмѣсто кофе приходилось теперь довольствоваться кипяченой водой, сдобренной сокомъ, выжатымъ изъ различныхъ плодовъ.

— Все это прекрасно,—сказалъ докторъ,—но намъ слѣдовало бы соорудить себѣ какой-нибудь навѣсъ для защиты отъ дождя, а еще лучше настоящую хижину, съ каменнымъ очагомъ и сухимъ мхомъ для постелей, и...

— Просидѣть въ немъ въ полномъ бездѣйствіи всѣ шесть недѣль,—докончилъ за него Рамиро.—О, я умру отъ нетѣрпенія!

Дымъ разведеннаго въ дуплѣ костра спугнулъ многосемейныхъ обитателей стараго дерева, которыхъ раньше вовсе не было замѣтно: черныя и мѣдно-красныя змѣи свалились съ вѣтвей и быстро спрятались въ высокой мокрой травѣ; пара бѣлыхъ совъ съ круглыми красными глазами пугливо закружилась на мѣстѣ и съ пронзительнымъ крикомъ вылетѣла на свѣтъ; проворныя бѣлки громадными прыжками перескакивали на сосѣднія деревья; въ вершинѣ съ громкимъ тревожнымъ крикомъ кружились попугаи и другія птицы; жуки, величиною съ маленькую мышь, сороконожки, муравьи, пауки-птицеѣды, громаднѣйшія жабы, величиной въ тарелку,—все это подъ вліяніемъ жара и дыма покидало свои уголки и появлялось на мгновеніе передъ глазами нашихъ путешественниковъ. Но вотъ всеобщее вниманіе было привлечено жалобнымъ звукомъ, донесшимся съ самыхъ верхнихъ вѣтвей дерева.

*

— Это тихоходъ, или лѣнивецъ, его тревожитъ этотъ ѣдкій дымъ, вѣроятно, онъ виситъ тамъ, гдѣ-нибудь вверху!

— Вотъ, вотъ, я вижу это маленькое некрасивое существо съ длинными обезьяньими руками и густой шерстью. Смотрите, какъ онъ неуклюже тянетъ свои переднія лапы, стараясь ухватиться за сосѣднюю вѣтку; точно безпомощный старикашка, ощупываетъ онъ тотъ сучекъ, за который сбирается ухватиться, и теперь медленно волочитъ за собой свое неуклюжее тѣло.

На эту операцію потребовалось болѣе пяти минутъ, такъ медленны и неловки были всѣ движенія этого животнаго. У Бенно явилось желаніе взобраться на дерево и стащить оттуда лѣнтяя, чтобы поближе разглядѣть его, но Обіа разсмѣялся,— «стащить тихохода! Да его двое, даже трое самыхъ здоровыхъ и сильныхъ мужчинъ не въ состояніи оторвать отъ сука, въ который онъ впился своими когтями». Тогда срубили сукъ, на которомъ висѣлъ лѣнтяй, но и это не заставило его измѣнить своего положенія. Онъ не огрызался, не ворчалъ, не оборонялся, когда его дразнили, тревожили или щекотали, а только смотрѣлъ какимъ-то умоляющимъ взглядомъ, полнымъ нѣмого упрека на своихъ мучителей. Это—единственное животное, которое никогда не обороняется и не спасается бѣгствомъ, какая-бы ему ни грозила опасность.

Тѣмъ временемъ изготовили обѣдъ; жареныя свинки пеккари и небывалая еще овощь агуаката были очень вкусны, но ѣсть ихъ пришлось, стоя подъ проливнымъ дождемъ.

— И шесть недѣль такого дождя! Да при такихъ условіяхъ никто изъ насъ не уцѣлѣетъ—вѣдь нѣтъ никакой возможности не схватить лихорадки! Днемъ еще тепло, а ночью подымается прохладный вѣтеръ, да кромѣ того и все платье на насъ развалится, не просыхая въ теченіе шести недѣль!—сказалъ докторъ. И Рамиро прекрасно зналъ все это, но не могъ, не хотѣлъ выжидать на мѣстѣ эти шесть недѣль. Онъ торопилъ товарищей идти впередъ.

— Только бы намъ добраться до горъ, а тамъ уже всѣ главныя трудности пути останутся у насъ за плечами. Впередъ,

друзья! Погоняйте вашихъ муловъ, оставаться здѣсь положительно невыносимо!

— Теперь еще что!—шепнулъ Обіа на ухо Бенно,—а дальше еще хуже будетъ; всѣ плоды свалятся съ деревьевъ, вся почва превратится въ сплошное болото, листва порѣдѣетъ, и дождь будетъ сильнѣе проникать сквозь вѣтви деревьевъ!

— Что же вы дѣлаете въ это время?—спросилъ Бенно.

— Мы строимъ хижины на высокихъ столбахъ, запасаемъ туда заранѣе и мяса сушенаго, и рыбы, и плодовъ, и орѣховъ и топлива на все это время, затѣмъ укрываемъ всю хижину и внутри, и снаружи въ нѣсколько рядовъ звѣриными шкурами.

— Такъ какъ же ты думаешь, что будетъ съ нами, Обіа? Возможно ли намъ будетъ продолжать путь?

— Нѣтъ, чужестранецъ, придется и намъ построить домъ и ѣсть бѣдныхъ муловъ, или же...

— Не договаривай!—остановилъ его Бенно и замолчалъ. Всѣ подвигались молча и уныло, у всѣхъ было не весело на душѣ.

IV.

Непріятное пребываніе.—Тощая пища.—Постройка хижины.—Необходимый дикарь.—Охота на тапира.—Богатая добыча.—Изготовленіе яда.—Черная унца.

Прошли еще три дня и три ночи; то тутъ, то тамъ попадались дуплистыя деревья, въ которыхъ разводили огонь и стряпали что-нибудь; но мяса пеккари уже не было, а новой дичи не пришлось настрѣлять. Плоды валялись на землѣ, гнили въ водѣ, а на деревьяхъ и кустахъ ихъ почти не оставалось. Зарѣзали одного мула и мясомъ его питались въ теченіе нѣсколькихъ дней; кромѣ того, въ сильно разлившемся ручьѣ, благодаря удивительному половодью, наловили рыбы. Тамъ и сямъ, въ особенно хорошо защищенныхъ мѣстахъ, встрѣчался еще дикій маисъ и маніокъ, но почва стала совершенно непроходимой. Нигдѣ нельзя было присѣсть и отдохнуть, и люди и животныя выбились изъ силъ. Наконецъ, одинъ изъ перу-

анцевъ, добравшись до большого камня, торчавшаго изъ болота, тяжело опустился на него и сказалъ:—Идите съ Богомъ, товарищи, я дальше идти не могу; я боленъ, ноги меня не держатъ... продолжайте свой путь, а я останусь здѣсь—такова, знать, моя судьба, и я съумѣю примириться съ ней, какъ мужчина:

Докторъ подошелъ къ нему и съ перваго же взгляда заявилъ:

— У васъ лихорадка! Дѣло дрянь! Но мы всѣ останемся съ вами; во всякомъ случаѣ я не уйду отъ васъ!

— И мы тоже и мы,—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, да!—поддакнулъ и Рамиро, но въ этихъ двухъ словахъ звучало такое горе, такое отчаяніе, что его положительно было жаль. Однако, идти дальше не было никакой возможности.

Всѣ рѣшили остаться здѣсь и построить хижины. Обія объявилъ, что мѣсто это вполнѣ удобно, и что строительнаго матеріала здѣсь кругомъ много.

И вотъ, болѣе шестидесяти человѣкъ принялись за работу, и подъ руководствомъ Обія, безъ гвоздей и молотковъ, безъ пилъ и рубанковъ, стали строить воздушные дома съ крышами изъ мягкой и гибкой коры ятоба, поломъ изъ густого слоя плотно убитаго луба и пальмовыхъ стружекъ и съ очагами изъ большихъ камней.

Пока одни трудились надъ сооруженіемъ жилищъ, другіе запасали топливо и собирали послѣдніе оставшіеся на деревьяхъ плоды.

Вскорѣ въ первой большой хижинѣ запылалъ на очагѣ яркій огонь, измокшее платье развѣсили на шестахъ передъ огнемъ, варили теплый ужинъ и развѣшивали кой что для спанья.

Нѣкоторые затѣйщики стали даже мастерить столы и скамьи. Собирали послѣдніе остатки маиса и всего съѣдобнаго, что еще уцѣлѣло, но трудно было себѣ представить, чѣмъ бы могли здѣсь питаться въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль столько людей. Оставались еще мулы. Эти бѣдняги, конечно, представляли собою мясо, но вѣдь они были необходимы для дальнѣйшаго путешествія, если не въ качествѣ верховыхъ коней, то въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

— А пальмы то!—сказалъ Обіа

— Что пальмы? Развѣ онѣ съѣдобны?

— Да, сердцевину ствола можно ѣсть, кромѣ того, подъ корой у нихъ есть громадные черви, толщиною въ палецъ и длиной не менѣе фута; поджаренные, на огнѣ, они даже очень вкусны и питательны!—сказалъ индѣецъ.

Бенно даже покоробило отъ чувства гадливости при этихъ словахъ, а Тренте воскликнулъ.

— Ахъ, эти дикари—настоящіе лѣсные люди, это какія-то всеядныя существа!

Затѣмъ Тренте отправился на поиски какого-нибудь ручья или прудка по близости, гдѣ-бы можно было пострѣлять утокъ или половить рыбы.

Между тѣмъ стѣны дома уже начинали выростать. Больнаго положили въ просушенный надъ огнемъ гамакъ, сняли съ него мокрое платье и накрыли просушеннымъ теплымъ одѣяломъ. Халингъ устроилъ себѣ своеобразный стѣнной календарикъ изъ куска коры ятоба, въ который онъ вбилъ 42 маленькихъ колышка, а сбоку прикрѣпилъ полоску бумаги съ обозначеніемъ на ней чиселъ и дней.

Каждый день надлежало выдергивать по колышку, что означало одинъ истекшій день.

— Жаль, что у насъ нѣтъ освѣщенія въ этомъ домѣ. Безъ оконъ у насъ будетъ вѣчный мракъ!—сказалъ докторъ.

— Ты хочешь свѣта?—сказалъ Обіа,—свѣта здѣсь много, онъ течетъ изъ деревьевъ!

— А, смола!—подумалъ докторъ,—ну, что же, изготовимъ факелы, но они чадятъ и скоро сгораютъ, хорошо было бы имѣть какой-нибудь металлическій или глиняный сосудъ!

Обія напомнилъ доктору объ его серебряной табакеркѣ; она могла бы дѣйствительно пригодиться для этой цѣли, но доктору было жаль разстаться съ нею.

Къ ночи домъ былъ уже почти готовъ, а въ послѣдующіе за тѣмъ дни неутомимый строитель построилъ еще большой плотный навѣсъ для муловъ и склада вещей, такъ-что теперь и бѣдныя животныя могли укрыться отъ дождя, а поклажа не загромождала и безъ того тѣснаго помѣщенія въ жиломъ домѣ.

Ни пруда, ни ручья по близости не оказалось, но въ одинъ прекрасный день Обіа, выходившій ежедневно постранствовать по окрестности, принесъ радостную вѣсть о томъ, что напалъ на слѣдъ тапира.

Несмотря на проливной дождь, не перестававшій ни на минуту, большинство нашихъ друзей снарядилось на охоту. Очень ужъ хотѣлось имъ отвѣдать вкуснаго, сочнаго мяса: мясо муловъ было сухое и не вкусное.

Накрывъ головы громадными стружковыми шляпами собственной работы и засучивъ брюки выше колѣнъ, босые, безъ сюртуковъ и жилетовъ, шлепая по колѣно и выше въ водѣ, отправились наши охотники подъ проливнымъ дождемъ на охоту.

Вся эта цвѣтущая, прекрасная страна превратилась въ сплошное болото и выглядѣла какой-то безотрадной пустыней. Звѣри, птицы и все живущее безслѣдно изчезло, а точно свинцовое, безпросвѣтное небо наводило тоску и уныніе.

— Смотрите на эти деревья!—воскликнулъ Бенно,—какіе уроды!

— Это «барригудо»,—сказали перуанцы,—т. е. брюхатики, въ нихъ гнѣздится множество червей.

Дѣйствительно, на высотѣ нѣсколькихъ футовъ отъ земли стволъ этихъ деревьевъ уродливо утолщался въ видѣ громаднаго губчатаго нароста, образуя огромный барабанъ со множествомъ трещинъ и бугорковъ, придававшихъ ему крайне уродливую форму. Въ этомъ мѣстѣ стволъ достигалъ самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ въ поперечникѣ, тогда какъ дальше онъ снова уменьшался въ объемѣ и принималъ нормальную толщину всего ствола.

Рамиро случайно поднялъ глаза вверхъ и вдругъ увидѣлъ необычайное зрѣлище.

На самомъ концѣ сучка, гдѣ уже начинались гибкія вѣтки, сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, двѣ крошечныя обезьянки и, пища отъ страха, неотступно смотрѣли въ хищные зеленые глаза какого-то животнаго изъ кошачьей породы, присѣвшаго на томъ же суку у самаго ствола и готовившагося сдѣлать роковой прыжокъ.

— Черный леопардъ!—прошепталъ Обіа,—плохо дѣло! Этотъ звѣрь напалъ, конечно, на слѣдъ вашихъ тапировъ и теперь подкарауливаетъ ихъ. Смотрите, не сегодня—завтра онъ и къ намъ навѣдается. О, это такое кровожадное животное, какихъ мало! Смотрите, не стрѣляйте, а то онъ освирѣпѣетъ, и тогда съ нимъ трудно будетъ справиться. Теперь, мучимый голодомъ, онъ еще злѣе!

Хруснувшая подъ ногою одного изъ охотниковъ вѣтка вспугнула леопарда, который двумя громадными скачками очутился на землѣ и съ быстротою молніи исчезъ въ чащѣ лѣса.

— Онъ вернется,— сказалъ Обіа со вздохомъ,—быть можетъ, уже въ слѣдующую ночь побываетъ у насъ; я сдѣлаю себѣ хорошее копье и сварю яду.

— Что ты, Обіа! Вѣдь у насъ всего два горшка! Если одинъ изъ нихъ лопнетъ, тогда намъ не въ чѣмъ будетъ варить пищу!

— Мясо можно будетъ жарить на вертелѣ, а рыбу печь на камняхъ, — сказалъ индѣецъ, — кромѣ того, вы спокойно можете кушать и изъ того горшка, въ которомъ я буду варить свой ядъ: онъ ничуть не вреденъ для желудка.

Наши друзья не захотѣли огорчить пріятеля, выказавъ недовѣріе къ его словамъ, но въ душѣ каждый изъ нихъ рѣшилъ, что лучше не пробовать, насколько безвреденъ этотъ ядъ. Промокнувъ до костей, почти ослѣпленные частой сѣтью безпрерывно падающихъ капель, добрались они до того мѣста, гдѣ Обіа видѣлъ слѣдъ тапировъ.

— Въ эту ночь они еще не были здѣсь,— заявилъ индѣецъ, наклонившись къ землѣ и внимательно разглядывая слѣдъ.

— Ну, такъ поищемъ то мѣсто, куда они ходятъ на водопой!

— Сеньоръ Бенно,—прошепталъ Тренте,—вѣдь вы будете стрѣлять только молодыхъ тапировъ, не правда ли?.. а то легко можетъ случиться... помните?.. это было-бы ужасно!

Бенно разсмѣялся.

— Ужасно было-бы ѣсть мясо стараго тапира, хочешь ты сказать! Ну, это не такъ еще ужасно: сидѣть безъ мяса еще хуже!

— И видите-ли, я стрѣлять почти не умѣю—я стрѣляю очень очень плохо... я вамъ не помощникъ... такъ ужъ я...

— Удеру въ кусты!—докончилъ за него Бенно.

— А вотъ и водопой; это большое болото,—прошепталъ Обіа,—здѣсь они во всякомъ случаѣ купаются, если не пьютъ.

Охотники очутились у небольшого озера, за которымъ тянулась большая болотистая равнина. Съ одной стороны озера росли большія развѣсистыя деревья, съ другой—густой лѣсъ камышей. Здѣсь легко было спрятаться и подстеречь дичь.

— Если не увидимъ тапировъ, то можно будетъ настрѣлять утокъ и гусей: ими буквально усѣяно все болото!—сказалъ Рамиро.

— А вотъ и тапиры!—шепнулъ Обіа, прислушавшись къ отдаленному еще шуму,—готовьте свои ружья, и ни звука: тапиръ обладаетъ удивительнымъ слухомъ. Я подамъ знакъ, когда надо будетъ стрѣлять.

Всѣ притаили дыханіе.

Тѣмъ временемъ изъ густой заросли броманіевыхъ кустовъ, доходившей досамаго болота, показалось пять взрослыхъ тапировъ и два молоденькихъ, шкура которыхъ не приняла еще своей обычной свинцово-сѣрой почти черной окраски, а была полосато-пѣгая, какъ у всѣхъ молодыхъ тапировъ.

Не подозрѣвая грозившей имъ опасности, тапиры съ видимымъ наслажденіемъ принялись валяться въ болотѣ, хрюкая, сопя и тихонько насвистывая отъ удовольствія, а затѣмъ, наваляв шись вволю, пустились вплавь въ самое озеро, гдѣ ихъ появленіе не только не спугнуло, но даже ни мало не смутило водяную птицу, довѣрчиво полоскавшуюся вокругъ нихъ.

— Не стрѣляйте!—еще разъ остерегъ Обіа,—а то тапиръ нырнетъ, и вы не увидите его, вѣдь эти громадныя черныя свиньи плаваютъ и ныряютъ, какъ утки!

Покупавшись и утоливъ свою жажду, неуклюжія животныя стали одно за другимъ вылѣзать изъ воды, чтобы пощипать молодыя побѣги тростниковъ и другихъ болотныхъ и водяныхъ растеній. Передній тапиръ, необычайно крупное животное, старый самецъ, очевидно, получилъ какое-нибудь серьезное поврежденіе передней лѣвой ноги, такъ какъ колѣно его вспухло до величины громаднаго кочня, и бѣдное животное

при каждомъ движеніи громко и тяжело пыхтѣло и даже жалобно посвистывало носомъ.

Вдругъ, чуть не через головы охотниковъ перелетѣлъ громаднымъ, легкимъ прыжкомъ тотъ самый черный леопардъ, котораго наши друзья уже видѣли, и очутился на спинѣ стараго тапира, тщетно стараясь вцѣпиться въ него когтями. Но мокрая, скользкая кожа тапира не представляла никакой точки опоры его когтямъ, и леопарду приходилось держаться одними зубами, что было крайне трудно. Старый тапиръ, повидимому, хорошо знакомый съ характеромъ и особенностями своего врага, не пытался освободиться отъ него или сбросить его съ себя, а собравъ всѣ свои силы, несмотря на больную ногу, съ быстротою молніи устремился въ броманіевые кусты. Ихъ громадные, острые, какъ у терна, шипы, или колючки, нечувствительные для кожи тапира, причиняли ужасную боль тонкой, чувствительной шкурѣ леопарда и ежеминутно наносили ей тысячу страшно болѣзненныхъ ранъ, какъ что послѣдній принужденъ былъ выпустить свою жертву и былъ сброшенъ сплетшимися между собою вѣтвями колючаго кустарника на землю.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Произошелъ страшный переполохъ: тапиръ громко, пронзительно свистнулъ отъ боли укуса, леопардъ громко взвылъ отъ бѣшенства и боли, прежде чѣмъ исчезъ въ чащѣ лѣса, а на болотѣ разомъ грянуло три выстрѣла, уложивъ на мѣстѣ двухъ матокъ и одного молодого тапира.

— Опять этотъ черный леопардъ!—сказалъ докторъ.

— О, ты его вскорѣ опять увидишь!—отозвался Обіа,—мнѣ надо собрать все необходимое для приготовленія яда, а вы пока тащите себѣ убитыхъ тапировъ домой!

— Да, но какъ? Вѣдь они тяжелы!

— Волокомъ: ихъ шкура выдержитъ,—не бойтесь!

Охотники достали захваченные съ собою крѣпкіе ремни, сдѣлали изъ нихъ три петли и надѣли каждому убитому тапиру по такой петлѣ на шею, послѣ чего по двое мужчинъ взялось за каждый конецъ ремня и потащило за собою свою добычу,

между тѣмъ какъ Обіа и Бенно отправились собирать необходимые для составленія яда припасы.

— Смотри, чужестранецъ, примѣчай дорогу,—сказалъ Обіа своему товарищу, — и когда увидишь огненнаго муравья, то скажи мнѣ.

— Развѣ для составленія твоего яда онъ нуженъ тебѣ?

— Да, и еще особый родъ ліанъ, и вѣтка съ лиственными пупочками, и еще голова змѣи, и плавни одной рыбы, которой мы не ѣдимъ!

— Экое зелье изъ всего этого выйдетъ! Но скажи, Обія, откуда ты здѣсь возьмешь такую рыбу, вѣдь здѣсь по близости нигдѣ нѣтъ рѣки.

— Надо найти, а то, помяни мое слово, черный леопардъ явится къ намъ въ слѣдующую ночь. Онъ теперь очень голоденъ!

— А вотъ и гнѣзда огненныхъ муравьевъ!—вдругъ воскликнулъ онъ, прерывая самъ себя.—Дай-ка мнѣ, господинъ, твой ножъ, съ нимъ я скорѣе управлюсь, чѣмъ съ топоромъ.

Бенно съ удивленіемъ смотрѣлъ на громадное дерево, которое, повидимому, и въ ясное время года не имѣло ни листьевъ, ни молодыхъ побѣговъ. Все оно окончательно высохло, было черно, точно обуглившееся. Почти на каждомъ суку и на каждой вѣткѣ висѣли десятки темно-сѣрыхъ конусообразныхъ фунтиковъ, свитыхъ изъ волоса и мха. Эти странныя воронки были гнѣзда огненныхъ муравьевъ.

Обія срѣзалъ два такихъ фунтика и, тщательно закрывъ стружками и лубомъ верхнюю открытую часть воронки, завернулъ затѣмъ оба гнѣзда въ большой листъ какого-то водяного растенія, нарочно захваченный имъ съ этою цѣлью съ пруда.

— Развѣ эти муравьи ядовиты?—спросилъ Бенно

— Сами по себѣ—нисколько! Но, посмотри, чужестранецъ, вотъ та ліана, о которой я говорилъ, а вотъ и то дерево; мы на всякій случай срѣжемъ нѣсколько вѣтвей.

— Это родъ фикуса, совершенно безобидное растеніе!—подумалъ про себя Бенно.

Идя дальше, все глубже и глубже въ самую чащу лѣса,

Обія тщательно осматривалъ каждое дупло, каждую щель въ корѣ, постукивалъ и пошаривалъ длинной заостренной палкой и затѣмъ внимательно прислушивался.

— Теперь всѣ змѣи спятъ!—сказалъ Обія,—а въ ясную погоду, когда свѣтитъ солнышко, ихъ можно видѣть на любомъ большомъ камнѣ, въ любомъ кусту, теперь-же трудно угадать, куда онѣ запрятались.

Но вотъ старанія его увѣнчались успѣхомъ. Въ небольшомъ дуплѣ, на высотѣ человѣческой груди, какъ только Обія просунулъ въ него свою палку, вдругъ послышалось шипѣнье.

— Я слышу два голоса,—сказалъ онъ,—въ этомъ дуплѣ пріютились двѣ змѣи!

И онъ принялся медленно всовывать и затѣмъ вытаскивать изъ дупла свою палку, какъ-бы желая совершенно вытащить ее. Это ужасно разозлило змѣю, раздалось вторичное, болѣе сильное и болѣе злобное шипѣніе, и секунду спустя Обія выдернулъ изъ дупла свою палку, а вмѣстѣ съ нею и превосходно окрашенную большую змѣю съ блестящею красной и зеленой съ металлическимъ отливомъ чешуею. Разъяренный гадъ съ бѣшенствомъ впился въ палку, стараясь перекусить ее и не переставая бить хвостомъ по землѣ; шея его вздулась зобомъ и, вѣроятно, въ слѣдующій за тѣмъ моментъ змѣя набросилась-бы на Обія, если-бы онъ не успѣлъ предупредить этого, отрубивъ ей голову ловкимъ взмахомъ топора. Затѣмъ, обернувъ голову змѣи самымъ тщательнымъ образомъ длинною лентою луба, онъ передалъ ее Бенно.

— Развѣ эта голова не отвалится отъ палки?—спросилъ юноша.

— Никогда!—воскликнулъ индѣецъ,—эти зубы никогда не выпускаютъ того, что разъ схватили!

Пока Обія упаковывалъ свою добычу, безголовое туловище змѣи все еще продолжало извиваться, но яркій красивый рисунокъ на немъ постепенно блѣднѣлъ и принималъ какой-то мертвенный оттѣнокъ, судорожныя движенія постепенно слабѣли. Надъ мѣстомъ происшествія вдругъ послышались тяжелые взмахи крыльевъ, и взглянувъ вверхъ, наши друзья уви-

дѣли громаднаго коршуна, вытянувшаго шею надъ добычей, въ которую онъ жадно впился глазами, не рѣшаясь спуститься въ присутствіи человѣка. И онъ, бѣдняга, былъ голоденъ!

— Ну, теперь намъ надо достать еще жабу,—сказалъ Обія.—А вотъ и она какъ разъ!

Дикарь, не задумываясь, отрубилъ ей голову вмѣстѣ съ шеей.

— У жабы ѣдкій сокъ! — сказалъ онъ.—Ну, теперь все.

— Кромѣ рыбы!—замѣтилъ Бенно.

— Рыбу-то я достану послѣ, а пока пойдемъ домой!

По пути онъ срѣзалъ громадный сукъ особаго твердаго дерева для изготовленія копья. Полчаса спустя, индѣецъ и его спутникъ были уже дома.

Здѣсь они застали друзей за вкуснымъ свинымъ жаркимъ, къ которому, ввидѣ приварка, Тренте сварилъ изрядное количество пальмовой сердцевины, при чемъ находившихся въ ней большихъ червей онъ поджарилъ спеціально для Обія.

На нихъ-то нашъ дикарь набросился съ жадностью и уничтожилъ почти всѣхъ, добавивъ къ этому еще кусочекъ жаренаго тапира.

Перекусивъ, онъ заявилъ, что теперь отправится одинъ отыскивать свою рыбу, но во время отсутствія своего просилъ ихъ помочь ему въ изготовленіи его знаменитаго яда.

— Вы ужъ дайте мнѣ одинъ изъ вашихъ горшковъ, а завтра я сварю въ немъ мясо и съѣмъ его на вашихъ глазахъ, чтобы убѣдить васъ, что ядъ мой не вредитъ желудку. И табакерку свою ты тоже дай мнѣ, намъ необходимъ свѣтъ въ эту ночь!

Докторъ вручилъ ему табакерку.

— Ну, хорошо!—продолжалъ Обія,—теперь слушайте, что вамъ надо дѣлать. Изжарьте мнѣ на горячихъ камняхъ огненныхъ муравьевъ, не вынимая ихъ изъ гнѣздъ и не раскрывая этихъ гнѣздъ; затѣмъ дайте этому сучку и этимъ ліанамъ прокипѣть съ часъ въ котлѣ, а къ тому времени я и самъ успѣю вернуться!

— Будь покоенъ, все будетъ исполнено въ точности!—сказали бѣлые.

— Теперь пусть двое изъ васъ отправятся со мной до начала лѣса, я покажу, какъ слѣдуетъ обращаться съ тѣмъ сокомъ, который даетъ свѣтъ, и какія деревья даютъ этотъ сокъ. Надо еще прихватить съ собой одну запасную шляпу,—добавилъ онъ,—мнѣ она нужна для моей ловли.

Съ этими словами Обія и двое перуанцевъ ушли.

Оставшіеся добросовѣстно занялись изготовленіемъ яда, и когда индѣецъ вернулся, то остался всѣмъ очень доволенъ и былъ весьма радъ, что одинъ изъ перуанцевъ приготовилъ ему копье и даже пожертвовалъ лезвіе своего прекраснаго стального ножа для изготовленія этого оружія. Въ шляпѣ, исполнявшей роль корзины и принесенной Обія изъ его экскурсіи, трепетало нѣсколько рыбокъ съ длинными острыми комочками у боковыхъ плавней.

Теперь у него было все, необходимое для изготовленія его смертоноснаго зелья.

— Лѣтомъ мнѣ пришлось-бы, пожалуй, потратить цѣлый день на поимку нѣсколькихъ такихъ рыбъ, а теперь всѣ рѣчки и ручьи вышли изъ береговъ, и рыба эта остается почти на сушѣ, запутавшись своими колчюками въ травѣ, откуда она уже не можетъ выбраться. Я всѣхъ ихъ изловилъ руками!—сказалъ Обія.

Убѣдившись, что его муравьи надлежащимъ образомъ изжарились, дикарь ловко срѣзалъ колючія, длинныя иглы у принесенныхъ имъ рыбъ и подойдя къ кипящему котлу, изъ котораго Бенно только что вынулъ по его распоряженію варившійся въ немъ сукъ и ліаны, опустилъ туда эти комочки, голову змѣи съ помертвѣвшими глазами и голову жабы. Въ нѣсколько секундъ вода въ котлѣ окрасилась въ густо-коричневый цвѣтъ, и вся хижина наполнилась какимъ-то острымъ, но отнюдь не противнымъ, а скорѣе даже пріятнымъ запахомъ.

Затѣмъ Обія принялся растирать на столѣ своихъ муравьевъ, которые вскорѣ превратились въ черный порошекъ и были всыпаны въ тотъ-же котелъ, отчего содержимое его приняло еще болѣе темный цвѣтъ.

— Теперь, чужеземцы, я попрошу васъ говорить по-

меньше и не такъ громко! — какъ-то конфузливо вымолвилъ индѣецъ.

— Какъ видно, онъ станетъ ворожить надъ этой бурдой, чтобы мнимыя свойства ея стали дѣйствительными и вѣрными,— сказалъ Халлингъ,— отойдемте немного, друзья, пусть онъ видитъ, что мы не хотимъ мѣшать ему!

Всѣ удалились въ самые отдаленные уголки хижины и въ угоду Обіи смолкли на время.

Дикарь принялся подпрыгивать вокругъ котла то на одной ногѣ, то на другой, сначала довольно медленно, бормоча вполголоса все на одинъ и тотъ-же протяжный мотивъ какіе-то звуки въ родѣ: *Ху...у...умъ!—ва...зэ...каа!—Ху...у...умъ!*

Въ это время варево въ котлѣ сильно кипѣло, вздымаясь высокой пѣнистой шапкой. Своеобразная пляска Обіи становилась все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ, онъ, какъ бы произнося заклинаніе, протянулъ впередъ правую руку и сталъ выкликать громко и отчетливо какое-то имя. Затѣмъ дикарь протянулъ впередъ лѣвую и при этомъ выкликалъ другое имя. Теперь онъ уже не подпрыгивалъ, а прыгалъ и скакалъ, какъ съумасшедшій, около котла, при чемъ кричалъ какъ-то особенно рѣзко и пронзительно, положительно не помня себя, въ какомъ-то чаду и опьянѣніи.

Но вотъ надъ густою черною массой вскочилъ громадный пузырь и лопнулъ съ глухимъ звукомъ. Это, очевидно, было принято индѣйцемъ какъ знакъ того, что его дѣло окончено, и зелье совершенно готово.

Онъ разомъ остановился, точно вкопанный, и, осторожно снявъ горшокъ съ огня, отставилъ его въ сторону, а самъ бросился въ гамакъ и растянулся въ полномъ изнеможеніи.

Было около полудня, когда все это дѣло было окончено. На дворѣ бушевала страшная буря, съ ливнемъ и грозой; обитатели маленькой хижинки на курьихъ ножкахъ, такъ какъ полъ ея отстоялъ болѣе чѣмъ на полтора аршина отъ земли, жались другъ къ другу, дрожа отъ холода, несмотря на теплую погоду, потому что пронизывающій рѣзкій вѣтеръ обдавалъ ихъ поминутно холодомъ. По временамъ слышно было, какъ



«Къ группѣ нашихъ путешественниковъ подъѣхалъ незнакомецъ на росломъ мулѣ»... (къ стр. 78).

что-то трещало и съ глухимъ шумомъ рушилось на землю. Вѣроятно, какой-нибудь старый дуплистый лѣсной великанъ сломился подъ напоромъ бури и валился на землю, ломая при этомъ и другія деревья.

Всѣ тоскливо молчали; ни выдти, ни приняться за обычную работу не было никакой возможности. У всѣхъ на умѣ была одна и та же мысль: когда же настанетъ этому конецъ. Д-ръ Халлингъ, чутьемъ угадавъ это, объявилъ:

— По моему календарю видно, что прошло уже 11 дней.

— Но остается еще 31 такой день, какъ сегодня, а быть можетъ, даже и хуже,—замѣтилъ кто-то,—потому что у насъ можетъ оказаться недостатокъ въ пищѣ!

Теперь уже вмѣсто одного больного ихъ было четыре. Это было тоже весьма неутѣшительно.

— Завтра придется намъ рыть могилу,—грустно сказалъ докторъ,—бѣдный Карлосъ доживаетъ послѣдніе часы!

— Кто знаетъ, не ждетъ-ли и насъ не сегодня—завтра,—такая-же участь!—подумалъ про себя почти каждый, но никто ничего не сказалъ, а только старался подавить невольный вздохъ.

Между тѣмъ Обія, отдохнувъ немного, принялся додѣлывать свою пику. Когда она была совершенно готова, дикарь испыталъ ее, метнувъ на очень большомъ разстояніи съ порога хижины въ большое старое дерево. Копье вонзилось въ него, но не переломилось, и даже самый конецъ его ничуть не пострадалъ.

— Пусть только явится черный леопардъ, я теперь справлюсь съ нимъ одинъ! — проговорилъ индѣецъ, весело потирая руки отъ удовольствія.

Варево въ горшкѣ успѣло уже совершенно остыть и, слѣдовательно, стало годно къ употребленію. Обія нѣсколько разъ погрузилъ остріе своего копья въ эту густую черную жидкость, послѣ чего накрылъ горшокъ кускомъ древесной коры и отставилъ его въ сторону.

— Завтра *курарэ* настолько затвердѣетъ, что образуетъ одинъ твердый комокъ, который можно будетъ зарыть въ землю, а

горшокъ опять пойдетъ въ дѣло. А теперь пойдемте, надо хорошенько осмотрѣть всѣ стѣны нашей конюшни. Черный леопардъ явится, конечно, съ тѣмъ, чтобы зарѣзать одного изъ муловъ, на людей въ ихъ жилищѣ онъ никогда не нападаетъ.

Обія добросовѣстно осмотрѣлъ всѣ стѣны, прилегавшія къ жилой хижинѣ и непосредственно сообщавшейся съ нею конюшни и убѣдился, что онѣ повсюду вполнѣ надежны.

— Все равно,—сказалъ онъ,—черный леопардъ гдѣ-нибудь да продѣлаетъ себѣ лазейку съ помощью своихъ острыхъ когтей, надо только по возможности знать слабое мѣсто, чтобы именно тамъ и подкараулить его.

— Скажи, Обія, — спросилъ Бенно,—тебѣ уже случалось имѣть дѣло съ леопардами? Убивалъ ты ихъ когда-нибудь?

— О, нѣсколько разъ,—улыбаясь отвѣтилъ индѣецъ,—я уложилъ пятерыхъ, только еще ни одного чернаго, а черные и крупнѣе и сильнѣе, и гораздо опаснѣе, потому что ни одно животное не сравнится съ нимъ по своей кровожадности. Мы загоняемъ на ночь нашихъ козъ тоже въ конюшни изъ бамбуковыхъ кольевъ, какъ вотъ это, и вотъ, когда леопардъ или унца очень оголодаетъ, такъ явится ночью къ конюшнѣ, выкрадетъ какую-нибудь козу черезъ щель между двумя кольями—щель, которую сама она продѣлаетъ, если у добраго хозяина не найдется для нее готовой щели.

Когда стемнѣло, Обія зажегъ смолу въ табакеркѣ доктора, и эта своеобразная лампа освѣтила все помѣщеніе пріятнымъ, хотя и слабымъ свѣтомъ. Съ наступленіемъ ночи. Плутона привязали въ самомъ переднемъ углу жилой хижины, нѣсколько человѣкъ отправилось въ конюшню и все время ходило между мулами, спокойно дремавшими, лежа на своей подстилкѣ. У всѣхъ караульщиковъ ружья были наготовѣ, всѣ ожидали рѣшительнаго момента Время было за полночь, буря бушевала съ какимъ-то злобнымъ неистовствомъ.

Вдругъ мулы, вѣроятно, почуявъ невидимаго врага, навострили уши, многіе изъ нихъ быстро поднялись на ноги, точно вспугнутые чѣмъ-то, другіе нетерпѣливо рыли землю копытами,—словомъ, въ нихъ ясно замѣчалось какое-то встрево-

женное состояніе. Тренте ходилъ между ними и ласково старался успокоить ихъ. Обія окинулъ глазами всѣхъ присутствующихъ и сказалъ:

— Черная унца здѣсь! Она крадется вдоль стѣны!

И какъ-бы понявъ эти слова, мулы вдругъ разомъ точно обезумѣли; многіе порвали свои уздечки и устремились прямо на стѣну.

— Не лучше-ли намъ, въ такомъ случаѣ, пожертвовать однимъ муломъ и избавиться отъ этого ужаснаго волненія, которое мы переживаемъ теперь?—сказалъ Рамиро, подходя къ Обія.

Тотъ отрицательно покачалъ головой!

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — вѣдь это было-бы только до завтра, а тамъ черная унца явится опять и опять будетъ требовать еще и еще, а затѣмъ придетъ и нашъ чередъ, а если она разъ попробуетъ человѣческой крови, то уже не удовольствуется другимъ мясомъ!

Вдругъ тамъ, за стѣною, раздался страшный ревъ: не то злобное мяуканье кошки, не то гнѣвное рычаніе тигра. Обія внимательно прислушался, откуда донесся этотъ звукъ; очевидно, голодный хищникъ пришелъ въ ярость, потому что чуялъ вблизи добычу и не могъ никакъ пробраться внутрь огороженнаго помѣщенія, стѣны котораго были слишкомъ надежны.

Вдругъ случилось нѣчто, чего никто не ожидалъ; крикъ животныхъ и людей слился въ одинъ общій крикъ ужаса: надъ ихъ головами крыша съ трескомъ проломилась, и въ образовавшееся отверстіе, точно камень, упалъ черный леопардъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ всѣ, люди и животныя, а также и самъ хищникъ были до того ошеломлены случившимся, что не могли дать себѣ отчета. Прежде всѣхъ очнулся отъ этой неожиданности Обія: схвативъ обѣими руками свое копье, онъ съ пронзительнымъ крикомъ, со всей силы вонзилъ его между плечъ леопарду. Ударъ его былъ такъ силенъ, что древко переломилось, послѣ того какъ часть его вмѣстѣ съ лезвіемъ вошла въ рану хищника, и отважный охотникъ перелетѣлъ

далеко черезъ голову звѣря въ песокъ, усыпавшій полъ въ конюшнѣ.

— Побѣда! побѣда! — воскликнулъ индѣецъ, быстро вскочивъ на ноги, — копье — въ ранѣ!

— Да, но леопардъ еще на ногахъ!

— Все равно! Ядъ сдѣлаетъ свое дѣло!

Всѣ, и люди, и мулы, метнулись въ сторону къ самой крайней стѣнѣ. Охотники и животныя сбились въ кучу, леопардъ остался одинъ посреди опустѣвшей конюшни, злобно рыча отъ бѣшенства и боли; вокругъ рта его образовалась пѣна, острые когти злобно скребли землю, но, несмотря на страшную рану, онъ сохранилъ еще достаточно силъ, чтобы подняться и изготовиться къ прыжку.

Не помня себя отъ бѣшенства, черный леопардъ кинулся на перваго попавшагося врага, который встрѣтилъ его пистолетнымъ выстрѣломъ. Пуля попала звѣрю въ голову, но леопардъ еще не сразу упалъ. Проворно отбросивъ пистолетъ, Тренте, — это былъ онъ, — выхватилъ у кого-то ружье и съ бѣшенствомъ раздробилъ смертельно раненому звѣрю черепъ прикладомъ.

Стрѣлять не было никакой возможности: въ этомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ легко можно было попасть въ кого-нибудь изъ товарищей.

Съ бѣшенымъ ревомъ, собравъ остатокъ силъ, леопардъ поднялся еще разъ на ноги и длиннымъ скачкомъ очутился на крупѣ одного изъ обезумѣвшихъ отъ страха муловъ, безтолково носившихся взадъ и впередъ по конюшнѣ. Леопардъ повалилъ несчастное животное подлѣ себя на песокъ, но тутъже самъ запрокинулся навзничь и, корчась въ предсмертныхъ судоргахъ, глухо зарычалъ.

Обія подошелъ къ издыхающему звѣрю и вырѣзавъ у него сердце, понесъ его въ хижину, чтобы возложить его, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ кушанья и маленькимъ пучкомъ волосъ, на раскаленные уголья: это онъ приносилъ благодарственную жертву своимъ богамъ за ихъ помощь въ этой схваткѣ съ леопардомъ.

V.

Змѣиное жаркое.—Продолженіе странствованія.—Въ *Tierra fria*.—Горная болѣзнь.—Милосердый самарянинъ.—У охотниковъ за шеншиля.—Первыя вѣсти изъ Концито.

Проходили недѣли за недѣлями, оставалось всего еще шесть дней, но недѣли эти тяжелымъ гнетомъ легли на нашихъ путешественниковъ.

Вода, наполнявшая сперва всѣ углубленія почвы, теперь слилась въ одно сплошное озеро, бушевавшее у самыхъ дверей дома, съ шумомъ ударялась о стѣны и, наконецъ, проникла и внутрь дома, просачиваясь сквозь полъ; всякій, кто только слѣзалъ съ койки, долженъ былъ шлепать по колѣно въ водѣ.

Очагъ пришлось поднять на значительную высоту, а для топлива устроить высокую полку. Въ пищѣ чувствовался страшный недостатокъ. Всѣ мулы были уже пририѣзаны, и четверо товарищей почили вѣчнымъ сномъ.

Все тяжелѣй и тяжелѣй становилось на душѣ у остальныхъ.

А на дворѣ по прежнему бушевалъ вѣтеръ, и лилъ безпрерывный дождь. Вдругъ сильный порывъ вѣтра сорвалъ дверь хижины, и вода разомъ хлынула въ нее рѣкой, тысячи мелкихъ рыбокъ, жабъ и змѣй заплясали, зарѣзвились подъ гамаками нашихъ друзей; все это были, конечно, безобидныя созданія, но вмѣстѣ съ ними проникъ въ хижину и громадный удавъ. Очевидно, мучимый голодомъ, застигнутый водою въ своемъ сокровенномъ убѣжищѣ, онъ былъ случайно занесенъ сюда водою. Медленно вытянувъ голову, ужасная змѣя стала подыматься по одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ крышу дома, повидимому, намѣтивъ себѣ жертву: ее прельстилъ Плутонъ, стоявшій, выпрямившись во весь ростъ, въ одномъ изъ гамаковъ, выстланныхъ звѣриной шкурой, и отчаянно лаявшій на змѣю. Бенно замѣтилъ это и отчаянно звалъ къ себѣ своего любимца, научившагося ловко перескакивать изъ одного гамака въ другой.

Рамиро и Педрильо выстрѣлили въ удава почти одновременно, но раненое чудовище проворно скользнуло внизъ и бѣшено било хвостомъ по водѣ, не переставая протягивать свою широко разинутую пасть къ жертвѣ, собираясь схватить ее. Обія, перегнувшись впередъ, изо всей силы размахнулся топоромъ по головѣ удава и тутъ-же размозжилъ ее.

— Ура!—воскликнулъ Бенно,—теперь у насъ будетъ змѣиное жаркое!

Индѣецъ соскочилъ прямо въ воду, такъ ретиво, что только брызги полетѣли во всѣ стороны.

— Не тронь ее, господинъ!—крикнулъ онъ,—она живуча и сейчасъ еще можетъ сдавить человѣка.

И индѣецъ принялся крѣпко притягивать длинной полосой луба голову змѣи къ столбу, пока голова эта совершенно не отдѣлилась отъ туловища. Но даже и разрубленная на части змѣя продолжала извиваться и двигаться.

Передъ домомъ теперь постоянно сидѣли на пняхъ два громадныхъ коршуна, выжидая на свою долю различныхъ отбросовъ; они почти не отлучались отсюда вотъ уже двѣ недѣли. Прошло еще нѣсколько дней, и вотъ, наконецъ, наступилъ желанный день возрожденія природы. Солнце еще не появлялось на небѣ, но въ продолженіе всего дня не выпало ни одной капли дождя, и вода начала убывать. Въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ, ожидая лучезарнаго восхода.

Около четырехъ утра запѣла какая-то птица.

— Это гуа-комайо! Сейчасъ выглянетъ солнце!—воскликнулъ Обія,—смотрите, видите вы этихъ пурпурно-красныхъ птицъ, величиною съ голубя? Это они и есть, а вотъ и золотистый жучекъ расправляетъ свои крылышки, а вотъ и пчела!

— Я вижу тамъ, на востокѣ, узкую свѣтлую полосу,—сказалъ Бенно.—Ура! Вотъ и самое солнце!

И всѣ эти несчастные, полуголодные, истощенные люди, не видавшіе никакой пищи со вчерашняго дня, точно кучка огнепоклонниковъ, преклонили невольно колѣна и, простирая руки къ небу, стали благодарить Бога за то, что миновало тяжелое время невзгодъ и непогоды.

Съ первыми лучами солнца повсюду стала пробуждаться жизнь, и наши друзья тоже почувствовали, какъ въ ихъ душѣ вновь ожила надежда на благополучный конецъ ихъ путешествія, на близкое осуществленіе ихъ завѣтныхъ желаній.

— Обія!—воскликнулъ Бенно,—мы сегодня-же отправимся въ путь, не правда-ли?

Индѣецъ отрицательно покачалъ головой.

— Надо дать уйти водѣ, не то мы завязнемъ въ болотѣ и не въ состояніи будемъ выбраться изъ него.

— Но что намъ дѣлать здѣсь? Вѣдь намъ здѣсь нечего ѣсть!

— Я найду,—сказалъ Обія,—и, приподнявъ громадный расбухшій въ водѣ листъ, вытащилъ изъ-подъ него гигантскую лягушку съ красивыми разноцвѣтными пятнами и крапинами.

— Это очень вкусное мясо!—сказалъ онъ.

— А другого чего-нибудь нѣтъ?

— Другого ничего нѣтъ!—подтвердилъ тотъ.

Волей не волей пришлось удовольствоваться и этой пищей. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ-трехъ дней ничего, кромѣ лягушекъ, не имѣлось, но вѣдь это были послѣдніе дни мучительнаго заключенія и тяжелыхъ лишеній! Солнце дѣлало свое дѣло: вода быстро убывала, теперь можно было уже продолжать путешествіе, хотя сначала это было сопряжено съ немалыми затрудненіями. Измученные, полуголодные люди съ трудомъ пробирались по размокшей, точно болото, почвѣ и временами положительно выбивались изъ силъ.

Но теперь они повсюду встрѣчали желанную дичь, всѣ деревья были уже въ полномъ цвѣту, и не сегодня—завтра можно было ожидать и плодовъ.

Однажды по утру, послѣ двухъ-недѣльнаго странствованія, докторъ указалъ своимъ товарищамъ на синѣвшую вдали горную цѣпь и сказалъ:

— Видите вы эти горы? Это—Перу, ваша родина, сеньоръ Рамиро!

Тотъ отвѣчалъ только молчаливымъ кивкомъ головы: волненіе мѣшало ему говорить.

— Господа! — воскликнулъ Бенно, — кто пойдетъ съ нами на охоту? Обія напалъ на слѣдъ крупнаго муравьѣда!

Рамиро, не говоря ни слова, нахлобучилъ свою широкополую шляпу и пошелъ вслѣдъ за Обіей съ его вѣрнымъ спутникомъ Бенно.

Неуклюжій и грузный муравьѣдъ такъ вытопталъ тропу своего обычнаго пути, что прослѣдить его было весьма не трудно, но прокладывать себѣ дорогу сквозь густую сѣть ліанъ и вьюновъ было не легко. Послѣ продолжительныхъ дождей они разрослись до того, что на каждомъ шагу совершенно преграждали путь сплошной зеленой стѣной. Птицы, пестрыя красивыя змѣи, ожившія подъ вліяніемъ благодатнаго солнышка, золотистые жучки и роскошныя многоцвѣтныя бабочки наполняли лѣсъ, попугаи-перцеѣды качались на вѣтвяхъ деревьевъ, въ неимовѣрномъ количествѣ уничтожая полузрѣлые плоды и ягоды.

Въ одномъ мѣстѣ, какъ разъ поперекъ пути, проложеннаго ножами и топорами нашихъ охотниковъ, лежало громаднѣйшее дерево, разбитое грозой и поваленное бурей. Однако, дерево это не упало совсѣмъ, не легло на землю, а, зацѣпившись вершиной и вѣтвями въ вѣтвяхъ близъ стоявшихъ деревьевъ, осталось отчасти на вѣсу и, несмотря на вывороченные изъ земли корни, не умерло окончательно и давало пріютъ сотнямъ различныхъ паразитовъ и насѣкомыхъ.

Обія знакомъ далъ понять своимъ товарищамъ, чтобы они остановились на минуту, пока онъ убѣдится, нѣтъ ли здѣсь поблизости звѣря.

— Муравьѣдъ—глупое животное,—сказалъ Рамиро, — его очень не трудно захватить врасплохъ.

И дѣйствительно, не успѣлъ онъ договорить, какъ уже Обія сталъ манить ихъ къ себѣ.

У корней дерева, стоя на заднихъ лапахъ, громадное безобразное животное съ жесткой, почти дыбомъ стоящей густой черной шерстью на спинѣ и длиннымъ завороченнымъ кверху, какъ султанъ, чрезвычайно пышнымъ хвостомъ, отрывало своими когтями пласты коры, а дѣтенышъ, сидѣвшій на стволѣ,

съ жадностью погружалъ свой длинный, тонкій, какъ ниточка, языкъ, покрытый какимъ то сладкимъ липкимъ веществомъ, въ ворошившіяся подъ корою кучки черныхъ муравьевъ и затѣмъ проворно втягивалъ его обратно въ свое узкое длинное рыльце съ крошечнымъ, едва замѣтнымъ отверстіемъ рта, съ наслажденіемъ поглощая сразу десятки и сотни муравьевъ.

Разомъ грянули два выстрѣла, и матка, и дѣтенышъ, точно сраженные громомъ, повалились на землю.

— Ура!—воскликнулъ Бенно,—вотъ что я называю удачной охотой.

Тѣмъ временемъ Рамиро, сбросивъ куртку, сталъ взбираться на одно изъ близъ стоявшихъ деревьевъ, попросивъ, чтобы Обія связалъ ему изъ нѣсколькихъ тонкихъ полосокъ пальмоваго лубка длинную бичевку.

Обія немедленно исполнилъ его просьбу и, намотавъ эту первобытную веревку, или бичевку, на кусокъ сучка, ловко кинулъ ее вверхъ, прямо въ руки Рамиро. Срывая одну за другой громадныя красныя кисти ягодъ пальмы ассаи, онъ спускалъ ихъ на веревкѣ внизъ до тѣхъ поръ, пока не образовалась цѣлая куча этихъ красивыхъ плодовъ, чрезвычайно вкусныхъ и сочныхъ.

— А вотъ и другая находка!—воскликнулъ Обія,—вотъ дерево, которое, какъ корова, даетъ молоко. Подождите меня здѣсь, я сбѣгаю въ лагерь и принесу оттуда нашъ большой котелъ!

— Вотъ, по истинѣ, счастливый день!—воскликнулъ Рамиро,—ихъ тутъ цѣлый десятокъ! Экая благодать! Идите сюда, Бенно, мы сейчасъ полакомимся съ вами молокомъ!

Съ этими словами онъ срѣзалъ и сдѣлалъ изъ бамбука двѣ тоненькихъ дудочки толщиною въ палецъ и, подойдя къ мясистому бѣлому стволу густолиственнаго дерева, осыпаннаго почти сплошь ярко пунцовымъ цвѣтомъ, сдѣлалъ съ помощью перочиннаго ножа довольно глубокій надрѣзъ въ этой бѣлой корѣ, затянутой только одной тонкой пленкой, вставилъ въ рану приготовленныя бамбуковыя дудочки, и затѣмъ оба они принялись сосать превосходный прохладительный сокъ, чрезвы-

чайно похожій на молоко и по виду, и по вкусу. Напившись до сыта, они искусно заткнули крѣпкимъ колышкомъ отверстія, чтобы драгоцѣнная влага не пропадала даромъ.

Между тѣмъ въ сопровожденіи Тренте и еще двоихъ погонщиковъ муловъ возратился Обія, и, наполнивъ чудеснымъ пальмовымъ молокомъ громадный артельный котелъ, захвативъ съ собою двухъ убитыхъ муравьѣдовъ и цѣлый грузъ плодовъ ассаи, понесли все это въ лагерь.

На этотъ разъ у нашихъ путешественниковъ былъ пиръ горой, всѣ были веселы и полны надеждъ, забывая минувшія невзгоды.

Собравшись съ силами, наши друзья продолжали свой путь. Теперь почва начинала становиться неровной, холмистой; богатая растительность мало-по-малу уступала мѣсто чахлымъ травамъ, пестрыя бабочки и искристые колибри попадались все рѣже и рѣже, и воздухъ становился замѣтно прохладнѣе, а горы надвигались все ближе и ближе. На ихъ вершинахъ лежали вѣчные снѣга: въ этой «tierra fria» не было никакой растительности, никакихъ насѣкомыхъ, даже животныя и птицы тамъ попадались очень рѣдко. Даже у подножія этихъ горъ, на безплодной каменистой почвѣ, не произрастало почти ничего, кромѣ громадныхъ колючихъ кактусовъ, корявыхъ и чахлыхъ акацій и разнаго рода ольхъ, мѣстами усѣивавшихъ почву своими колючими отростками.

Здѣсь не было почти никакой возможности находить себѣ пищу. Мѣстами красовались, тамъ и сямъ, густолиственныя яблони, манившія взоръ путниковъ сотнями румяныхъ плодовъ, но перуанцы предупредили своихъ друзей, что не только эти плоды, но и самая кора и даже цвѣтъ этой яблони содержатъ въ себѣ смертельный ядъ.

День за днемъ, переходъ за переходомъ проходили наши путники, усталые и голодные, питаясь исключительно сочными стеблями какихъ-то ползучихъ низкорослыхъ растеній.

Все выше и выше уходили наши путешественники въ горы; на скатахъ, поросшихъ жалкою травой, паслись мѣстами цѣлыя стада горныхъ овецъ; орлы и коршуны кружили въ чи-

стомъ прозрачномъ воздухѣ; горные ручьи и потоки съ шумомъ и грохотомъ устремлялись въ долины, но воды ихъ были до того студеныя, что Обія, хлебнувъ такой воды, съ ужасомъ воскликнулъ:

— Это жжетъ! Жжетъ, какъ огонь!

И какъ его ни успокаивали, какъ ни увѣряли въ противномъ, бѣдняга никогда болѣе не рѣшался испробовать горной ключевой воды. И онъ, и Тренте, и всѣ остальные проводники, и погонщики положительно корчились отъ холода. Европейцы, привыкшіе лучше переносить холодъ, удѣлили имъ все, что могли, изъ своей одежды.

Халлингъ и Бенно ежедневно стрѣляли горныхъ овецъ и принуждали туземцевъ пить ихъ горячую еще кровь, чтобы отогрѣть этихъ бѣднягъ хоть сколько-нибудь и поддер ат . ихъ силы, такъ какъ они положительно коченѣли отъ холода. Въ скоромъ времени оказался еще и недостатокъ въ топливѣ; ночью не было чѣмъ развести костеръ, кругомъ торчали только голыя скалы, и лишь мѣстами пробивалась какая-то блѣдная травка, которой питалась особая порода кроликовъ.

Теперь приходилось уже не жарить мясо, а ѣсть его сырымъ, наскобливъ ножомъ, и за неимѣніемъ соли сдабривать это сырое мясо щепоткой пороха. Все труднѣе и труднѣе становилось это путешествіе. Большинство положительно выбилось изъ силъ и доходило до отчаянія отъ всѣхъ этихъ лишеній и усталости.

— Бога ради, не падайте духомъ! Потерпите еще немного!— молилъ Рамиро,—вѣдь теперь осталось всего еще нѣсколько дней пути.

— Ахъ, Бенно! Подумайте только о томъ, какія богатства ждутъ васъ тамъ! Не будьте такъ печальны и унылы; мнѣ больно видѣть васъ такимъ блѣднымъ и печальнымъ!

Бенно отвѣтилъ слабою улыбкой.

— Я не совсѣмъ здоровъ, сеньоръ Рамиро,—сказалъ онъ,— но думаю, что это скоро пройдетъ!

Рамиро испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Это у васъ горная болѣзнь, — сказалъ онъ, — докторъ Шомбургъ и Халлингъ тоже страдаютъ этой болѣзнью!

Вскорѣ не стало и воды. Положеніе было нестерпимо тяжелое и мучительное: томительная жажда мало-по-малу смѣнилась водобоязнью, а сильный голодъ—полнымъ отвращеніемъ къ пищѣ.

Теперь и горныя овцы, и прелестныя серебристыя шеншиля, родъ крупныхъ крысъ, нѣсколько напоминающихъ зайца, безпрепятственно бѣгали цѣлыми стадами мимо нашихъ друзей, но ни одинъ изъ нихъ не пробовалъ даже стрѣлять по нимъ. Только Плутонъ по нуждѣ гонялся за шеншиля и утолялъ ими мучившій его голодъ.

Всѣ шли молча, угрюмо подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ. Какъ только кто-нибудь пытался лечь на землю и отдохнуть, тотчасъ же члены его костенѣли, глаза потухали, взглядъ туманился, и даже языкъ съ трудомъ ворочался во рту, приходилось скорѣе вскакивать на ноги и усиленнымъ движеніемъ согрѣться. Только Рамиро сохранялъ еще бодрость духа и старался поддержать и остальныхъ.

— Друзья, вотъ долина!—воскликнулъ онъ,—смотрите, тамъ, внизу, лежитъ Перу, моя прекрасная родина, я награжу васъ всѣмъ, чего вы только пожелаете! Смотрите, моя страна ничѣмъ не хуже Бразиліи: и тамъ цвѣтутъ и благоухаютъ цвѣты и деревья, и зрѣютъ всевозможные прекрасные плоды.

— Увы! — сказалъ Бенно,—моя пѣсенка спѣта, у меня нѣтъ больше силъ; я не могу идти дальше. Да благословитъ васъ Господь, сеньоръ Рамиро, идите съ Богомъ своимъ путемъ, а насъ ужъ предоставьте нашей судьбѣ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда въ жизни... если умретъ одинъ изъ насъ, то всѣ мы умремъ здѣсь!

— Зачѣмъ? Вашъ долгъ повелѣваетъ вамъ идти впередъ своей дорогой,—сказалъ докторъ,—ваше счастье, что вы выносливѣе и сильнѣй другихъ, вы не вправѣ умышленно гибнуть со слабыми, вы обязаны идти дальше ради вашей жены и дѣтей!

— Нѣтъ! Нѣтъ! ни за что на свѣтѣ!—воскликнулъ Рамиро голосомъ, полнымъ отчаянія, и опустившись на колѣни подлѣ своего любимца, онъ обнялъ голову его обѣими руками и не

сводилъ глазъ съ его блѣднаго исхудалаго лица, заслоняя его собою отъ рѣзкаго пронизывающаго вѣтра. Но не одинъ Бенно, казалось, умиралъ въ этой голой холодной пустынѣ; почти всѣ остальные товарищи тоже готовы были проститься съ жизнью. Никто не надѣялся дойти до намѣченной цѣли, всѣ окончательно лишились силъ и вѣры въ счастливый и благополучный исходъ этого путешествія. Такъ прошло около часа времени. Рамиро громко рыдалъ надъ своимъ юнымъ другомъ, мысль о томъ, что онъ можетъ умереть, до того страшила его, казалась до того невыносимой, что онъ въ душѣ молилъ Бога не дать ему пережить его любимца.

Вдругъ Плутонъ сталъ проявлять замѣтное безпокойство. Рамиро, видя это, невольно спросилъ себя, неужели здѣсь, по близости, есть люди? И сталъ напрягать свой слухъ, въ надеждѣ уловить какой-нибудь звукъ. Наконецъ, ему показалось, что онъ слышитъ звукъ конскихъ копытъ.

— Нѣтъ, не можетъ этого быть!—рѣшилъ онъ.

Вдругъ Плутонъ сорвался съ мѣста и съ радостнымъ лаемъ, виляя хвостомъ, бросился на встрѣчу человѣку, укутанному съ ногъ до головы въ кожаное одѣяніе и ѣхавшему медленнымъ шагомъ на прекрасномъ росломъ мулѣ.

При видѣ собаки незнакомецъ былъ крайне удивленъ, совершенно недоумѣвая, какимъ образомъ здѣсь, на этой высотѣ, и вдругъ такая встрѣча. А Плутонъ мчался, какъ стрѣла, отъ незнакомца къ своему юному господину и затѣмъ обратно къ незнакомцу, ласкаясь къ нему и чуть не умоляя его слѣдовать за нимъ.

Человѣкъ въ кожаномъ одѣяніи слѣзъ съ мула, приказалъ ему стоять смирно и не трогаться съ мѣста и подошелъ къ группѣ нашихъ путешественниковъ.

При видѣ этого посторонняго человѣка, всѣ какъ будто ожили, приподнялись, попытались смахнуть себя на половину засыпавшій ихъ снѣгъ, но встать на ноги ни у одного не хватило силы.

Бѣлый незнакомецъ, высокій, сухощавый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, поклонился нашимъ друзьямъ и прежде всего обра-

тился къ сеньору Рамиро, все еще склонившемуся надъ бѣднымъ юношей, лежавшимъ съ закрытыми глазами въ полусознательномъ состоянiи.

— Здравствуйте, добрые люди! — сказалъ незнакомецъ. — У васъ, какъ вижу, больной?

Бенно полураскрылъ глаза и прошепталъ чуть внятно:— «спасенiе!.. Спасенiе!..»

— Бѣдный мальчикъ,—сказалъ незнакомецъ,—подождите, я принесу мою фляжку съ виномъ!

Онъ торопливо направился къ своему мулу и досталъ изъ своей кошмы, въ которой находились его припасы, небольшую бутылку вина, съ которой возвратился къ больному и заставилъ его проглотить нѣсколько капель. Пока онъ старался влить мальчику въ ротъ вино, Рамиро разсказалъ ему въ двухъ словахъ положенiе дѣлъ и прерывающимся отъ волненiя голосомъ спросилъ незнакомца, нѣтъ ли какой возможности придти на помощь этимъ несчастнымъ.

Старикъ, видимо, былъ тронутъ этой картиной бѣдствiй и страданiй и съ ласковой улыбкой отвѣчалъ, что надѣется, что ему удастся спасти отъ смерти всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей, такъ какъ тутъ, по близости, живутъ его друзья — индѣйцы, охотники за шеншилями. Они навѣрное съумѣютъ прiютить этихъ людей въ своихъ хижинахъ и оказать имъ необходимую помощь.

— Да, но у насъ нѣтъ денегъ и намъ нечѣмъ будетъ заплатить имъ за прiютъ и угощенiе!

— Объ этомъ не безпокойтесь, съ васъ они не потребуютъ никакой платы. Подождите меня немного, я сейчасъ вернусь!

И вскочивъ въ сѣдло, онъ почти моментально скрылся изъ глазъ. Плутонъ положительно не зналъ, что ему дѣлать. Онъ метался отъ больного мальчика къ незнакомцу, бросался къ нему на плечи, лаялъ и визжалъ отъ радости, какъ будто встрѣтилъ стараго знакомаго и, наконецъ, послѣ продолжительной, мучительной нерѣшительности, все же послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Скалы скрывали теперь отъ глазъ нашихъ друзей и незна-

комца, и собаку. Вдругъ этотъ незнакомецъ нагнулся къ Плутону и прижимаясь лицомъ къ его головѣ, полнымъ невыразимаго отчаянія прошепталъ:

— Ахъ, Плутонъ, добрая моя, дорогая моя собака, ты возвратилась ко мнѣ, значитъ, все погибло! Все погибло безвозвратно, значитъ, я осужденъ, осужденъ безвозвратно! Боже, Боже!

Затѣмъ, какъ-бы спохватившись, что его ждутъ, и желая наверстать потерянное время, онъ погналъ своего мула во всю прыть.

— Друзья! радуйтесь! Мы спасены! Мы уже въ Перу!— восклицалъ Рамиро, желая подбодрить товарищей, но лишь немногіе отозвались на его слова. Туземцы всѣ лежали недвижимы, какъ мертвые, на нихъ страшно даже было взглянуть

Но вотъ, по прошествіи получаса или немного болѣе, изъ-за выступа ближайшей скалы появилась голова мула, за ней другая, третья... и такъ двѣнадцать этихъ привычныхъ кроткихъ животныхъ, навьюченныхъ мѣхами и теплыми одѣялами и шкурами ламъ. Это возвратился добродѣтельный незнакомецъ и привелъ съ собою еще человѣкъ 12 туземцевъ, въ большихъ шапкахъ изъ шеншиля и самодѣльныхъ высокихъ сапогахъ изъ желтой кожи, одѣтыхъ всѣ до одного въ длинные кожаны, рослыхъ, здоровыхъ дѣтинъ.

Всѣ они принялись заворачивать и укутывать несчастныхъ въ эти мѣха и одѣяла. Нѣкоторыхъ усадили на муловъ, другихъ вели, поддерживая подъ обѣ руки, третьихъ прямо несли на рукахъ, какъ мертвыхъ. Бѣднаго Бенно несъ Рамиро, и добрый незнакомецъ самъ вызвался помочь владѣльцу цирка.

— А поселокъ этотъ далеко отъ сюда?—спросилъ по дорогѣ Рамиро.

— Нѣтъ! Не больше четверти часа ходьбы. Но вы, я вижу, не въ силахъ нести больного, я позову кого-нибудь изъ этихъ людей.

— Нѣтъ! Нѣтъ! —горячо возразилъ Рамиро, —я не могу отойти отъ этого мальчика!

— Это вашъ сынъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, но онъ мнѣ также дорогъ, какъ родное дитя, сеньоръ! Право, я не могъ-бы жить, если-бы Бенно умеръ!



«Выстрѣломъ изъ пистолета Бенно убилъ наповалъ хищную птицу».

(къ стр. 89).

— Бенно! Этого мальчика зовутъ Бенно! — воскликнулъ незнакомецъ глубоко взволнованнымъ голосомъ, но затѣмъ, какъ бы спохватившись, добавилъ уже совершенно спокойно,— это ничто иное, какъ горная болѣзнь, и дня черезъ два или три онъ будетъ совершенно здоровъ!

На этомъ разговоръ прекратился. Вскорѣ весь маленькій поѣздъ добрался до лагеря охотниковъ за шеншилями. Это были три довольно большихъ барака безъ оконъ, но съ плотно затворяющейся дверью и громаднымъ запасомъ топлива, сложеннаго у стѣны подъ навѣсомъ. Тутъ-же со скалы срывался свѣтлый горный ключъ, вливавшійся въ самородный бассейнъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ деревцевъ съ темнозелеными вершинами, здѣсь также не росло ничего, кромѣ мха и бѣловатыхъ вьюновъ, которыми питаются шеншиля.

Когда вновь прибывшіе приблизились къ этимъ хижинамъ, двери ихъ широко распахнулись передъ ними въ знакъ привѣтствія. На высокомъ каменомъ очагѣ ярко пылалъ огонь, надъ нимъ весело кипѣлъ вкусный супъ, запахъ котораго пріятно щекоталъ нервы несчастныхъ полуголодныхъ людей. Когда всѣ они вошли въ хижину, ихъ охватило пріятной теплотой; чисто вымытые полы были устланы опрятными матиками, тутъ-же стояли вдоль стѣнъ мягкія постели изъ сухого мха накрытыя мягкими шкурами ламъ. Все это произвело самое пріятное впечатлѣніе на нашихъ друзей, и ихъ простыя хижины показались имъ настоящимъ маленькимъ раемъ.

Всѣмъ распоряжался здѣсь незнакомецъ, и туземцы безпрекословно повиновались ему.

Больныхъ обмыли съ ногъ до головы теплой водой затѣмъ укутали въ мѣха, чтобы дать имъ хорошенько пропотѣть. Ничего больше и не требовалось, чтобы возстановить вновь правильное кровообращеніе.

Дѣйствительно, часъ или два спустя, больные пришли въ сознаніе, и хотя все еще жаловались на сильную головную боль и ломоту въ спинѣ, но все же имъ стало сравнительно легче. Только видъ воды и пищи возбуждалъ еще въ нихъ отвращеніе. Незнакомецъ вливалъ больнымъ въ ротъ по нѣ-

скольку капель вина, но и это было, повидимому, крайне непріятно. Наибольшія опасенія внушали своимъ состояніемъ краснокожіе, которые все еще не могли придти въ себя и лежали неподвижно, какъ мертвые, хотя и дышали. Бенно крѣпко спалъ, крупныя капли пота стояли у него на лбу, и дыханіе было ровное и спокойное, какъ у здороваго человѣка. Теперь Рамиро счелъ и себя вправѣ отдохнуть и уснуть немного, послѣ того какъ поѣлъ вкусной мясной похлебки, бобовъ и прекраснѣйшаго хлѣба изъ маисовой муки.

Но ему не спалось, хотя онъ и преудобно растянулся на приготовленной для него постели.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на низенькой скамеечкѣ сидѣлъ незнакомецъ, и у Рамиро явилось непреодолимое желаніе разспросить его о положеніи дѣлъ въ Перу, главнымъ образомъ о томъ, что дѣлалось на театрѣ военныхъ дѣйствій.

— Сеньоръ,—обратился онъ, наконецъ, къ незнакомцу,—извините, вашего имени я не имѣю чести знать...

— Называйте меня просто Эрнесто.

— Моя фамилія Фраскуело!—сказалъ владѣлецъ цирка,—я родомъ перуанецъ.

— Но въ данный моментъ вы прибыли сюда изъ Бразиліи, не такъ-ли?

— Да, въ пути къ намъ пристала эта собака, которая, повидимому, когда-то принадлежала вамъ и, вѣроятно, была у васъ украдена или утеряна вами.

— Ни то, ни другое!— спокойно возразилъ незнакомецъ и не добавилъ ни слова въ поясненіе.

Рамиро былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы усумниться хоть на минуту въ безошибочности своего предположенія, но изъ чувства деликатности не далъ этого понять незнакомцу и перевелъ разговоръ на другую тему.

— Я родомъ изъ Концито, сеньоръ Эрнесто, и очень желалъ-бы знать, не знакомъ-ли вамъ этотъ городъ?

— Концито!—воскликнулъ незнакомецъ—такъ вотъ почему мнѣ такъ знакома ваша фамилія! Ужъ не принадлежите-ли вы къ той семьѣ Фраскуэло, которые считаются обладателями ка-

кихъ-то сказочныхъ богатствъ, несмѣтныхъ сокровищъ, зарытыхъ гдѣ-то въ паркѣ монастыря св. Филиппа?

— Да,—сказалъ Рамиро,—я—единственный законный наслѣдникъ всѣхъ этихъ богатствъ!

— Хмъ!—отозвался незнакомецъ,—едва ли вамъ когда-нибудь удастся вернуть себѣ эти сокровища. Концито во власти непріятеля: громадные отряды испанскихъ войскъ расположены въ настоящее время между этимъ горнымъ хребтомъ и вашимъ роднымъ городомъ, и пробиться сквозь эту стѣну войскъ не такъ легко. Кромѣ того, я долженъ вамъ сказать, что испанцы перерыли весь монастырскій паркъ, всѣ даже гористыя мѣста его и тѣ громадныя скалы и ущелья, которыя придаютъ ему такой живописный характеръ; они обыскали даже всѣ кельи, поднимали всѣ плиты половъ и мостовой двора, и, несмотря на то, имъ ничего не удалось найти.

Рамиро невольно вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

— А настоятелемъ монастыря еще по прежнему состоитъ братъ Альфредо?

— Да,—сказалъ незнакомецъ,—въ то время, когда испанцы обыскивали весь монастырь и паркъ, пріоръ стоялъ на колѣняхъ передъ алтаремъ и горячо молился, припавъ лицомъ къ ступенямъ алтаря. Когда же испанцы, наконецъ, удалились послѣ продолжительныхъ, но тщетныхъ поисковъ, онъ приказалъ служить благодарственный молебенъ и устроилъ торжественную процессію съ факелами и музыкой при громадномъ стеченіи народа. Изъ этого, конечно, можно заключить, что пріору извѣстно о существованіи сокровища.

— Да, конечно! Вѣроятно, испанцы должны были придти къ тому же заключенію и стали употреблять силу противъ этого беззащитнаго монаха.

— Нѣтъ, испанцы уважаютъ духовный санъ и противъ служителя церкви никогда не употребятъ насилія. Они не сдѣлали пріору ни малѣйшаго вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ братъ Альфредо, вѣроятно, чувствуетъ себя не покойно, потому что онъ съ того времени сталъ хворать и часто бываетъ не въ состояніи встать съ постели.

— Онъ боленъ, боленъ! — воскликнулъ Рамиро, всплеснувъ руками,—о, Боже правый!

— Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ въ городѣ!

— А давно ли вы изъ Концито?

— Да ужъ недѣли четыре или пять!

— Чего только не могло случиться за это время, вѣдь это чуть-ли не полтора мѣсяца! — У Рамиро выступилъ холодный потъ на лбу, онъ вдругъ закрылъ лицо руками и безнадежно поникъ головой.

— Что съ вами? Ужъ не больны-ли вы? Не могу ли я вамъ помочь?

Рамиро хотѣлъ что то сказать, но судорога сдавила ему горло, только спустя немного, блѣдный и съ дрожащими губами онъ вымолвилъ:

— Сеньоръ Эрнесто, я долженъ сообщить вамъ одну тайну, о которой никто, кромѣ этого мальчика, не знаетъ, но вамъ я долженъ ее сообщить, потому что самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ. Я вижу, вы—добрый человѣкъ, который самоотверженно протягиваетъ руку помощи своему ближнему.

— Я—просто кающійся грѣшникъ, человѣкъ, который хочетъ помочь другому нести его ношу, чтобы собственная его ноша казалась ему менѣе тяжела, — прошепталъ растроганнымъ и взволнованнымъ голосомъ незнакомецъ,—говорите, я васъ слушаю и радъ служить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу!

Убѣдившись предварительно, что никто изъ его спутниковъ не можетъ его слышать, Рамиро въ короткихъ словахъ передалъ незнакомцу, что побудило его вернуться въ Перу.

— Вы знаете всѣ мѣстныя условія и одинъ можете мнѣ помочь добраться, какъ можно скорѣе, до Концито!

— Я готовъ, — сказалъ незнакомецъ,—во всякомъ случаѣ постараюсь сдѣлать все, что въ моихъ с[illegible]лахъ. Я знаю здѣсь всѣ индѣйскія племена, населяющія Перу отъ этихъ горъ и вплоть до побережья моря. У всѣхъ у нихъ я бывалъ не разъ и чувствую себя, какъ дома. Быть можетъ, мнѣ и удастся исполнить ваше желаніе.

— Я не знаю, чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить! Конечно, въ

данный моментъ я не смѣю ни гроша, но разъ принадлежащія мнѣ по праву сокровища будутъ въ моихъ рукахъ...

— О, я человѣкъ вполнѣ независимый и не нуждаюсь въ вознагражденіи, но въ случаѣ, если бы Богъ присудилъ вамъ получить эти несмѣтныя богатства, сдѣлайте какой-нибудь крупный подарокъ этимъ бѣднякамъ краснокожимъ, они, право, стоятъ того!

— О, конечно! конечно! Я по царски готовъ вознаградить ихъ!

Тѣмъ временемъ незнакомецъ заботливо склонился надъ Бенно, внимательно вглядываясь въ его лицо.

— Теперь вашъ мальчикъ уже внѣ опасности, — сказалъ онъ,—завтра онъ, вѣроятно, согласится принять немного пищи, а пока, покойной ночи, сеньоръ!

— Простите, позвольте мнѣ узнать, далеко-ли отсюда до ближайшей индѣйской деревни?

— Два дня пути; я доставлю вамъ муловъ и съѣстные припасы, будьте спокойны и спите теперь!

Незнакомецъ бросилъ нѣсколько большихъ полѣнъ въ огонь и вышелъ изъ хижины, плотно затворивъ за собою дверь. Плутонъ вышелъ тоже, слѣдуя за нимъ по пятамъ.

На дворѣ бушевала мятель и вьюга; вѣтеръ завывалъ вокругъ крыши дома, раздаваясь протяжнымъ жалобнымъ воплемъ въ глубокихъ скалистыхъ ущельяхъ. Измученный и тѣломъ, и душою Рамиро долго не могъ заснуть, но, наконецъ, усталость и утомленіе взяли свое, и онъ уснулъ впервые послѣ долгаго бдѣнія крѣпкимъ здоровымъ сномъ, съ нѣкоторой надеждой на благопріятный исходъ своего предпріятія.

VI.

Выздоравливающіе.—На охотѣ за шеншилями. — Горныя овцы. — Акробатическій фокусъ.—Нѣмецкая гаціенда въ Перу.

На слѣдующее утро всѣ больные, казавшіеся безнадежными, и даже краснокожіе чувствовали себя гораздо лучше. Обія, придя въ себя и раскрывъ глаза, движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ

Рамиро и сказалъ ему, указывая на чистыя бревенчатыя стѣны, досчатый полъ, устланный циновками и теплые мѣха, окутывающіе его со всѣхъ сторонъ.

— Неправда-ли, чужеземецъ, мы находимся теперь въ царствѣ бѣлаго коршуна? Вѣдь это не настоящая жизнь—заколдованное царство? Да?

— Нѣтъ, мой милый, это хижина индѣйцевъ, охотящихся за мѣхами. Здѣсь насъ обогрѣли и дадутъ намъ муловъ и съѣстныхъ припасовъ на дорогу и необходимое платье и одежду, а черезъ нѣсколько дней всѣ мы будемъ уже въ моемъ родномъ городѣ, а пока спи,—это тебѣ всего полезнѣе!

Въ этотъ день, вскорѣ послѣ восхода солнца, сеньоръ Эрнесто уѣхалъ одинъ, безъ провожатыхъ, въ другое селеніе индѣйцевъ охотниковъ за шеншилями, отстоявшее въ нѣсколько миляхъ отсюда, тоже въ горахъ.

— Черезъ два дня я вернусь обратно,—сказалъ онъ, прощаясь съ Рамиро,—а до того времени индѣйцы съ своими мулами все равно не успѣютъ прибыть сюда!

Когда незнакомецъ уѣхалъ, сеньоръ Рамиро попытался вступить въ разговоръ съ однимъ изъ охотниковъ индѣйцевъ, чтобы узнать кое-что о таинственномъ сеньорѣ Эрнесто. Оказалось, что индѣйцы эти всѣ прекрасно понимаютъ испанскій языкъ и даже могутъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, изъясняться на немъ. Отъ собесѣдника своего Рамиро узналъ, что «Отецъ Эрнесто», какъ его называли туземцы, очень добрый, хорошій человѣкъ, великій кудесникъ и колдунъ. Онъ научилъ бѣдныхъ краснокожихъ воздѣлывать поля, строить прочные и надежные дома, разводить сады и огороды, держать куръ и свиней, научилъ ихъ считать и помогалъ имъ сбывать за хорошія деньги шкуры и мѣха, продукты ихъ охоты. Мало того, онъ самъ пересчитываетъ мѣха, продавая ихъ торговцамъ и самъ получаетъ отъ нихъ счетомъ деньги; кромѣ того, онъ богатъ, имѣетъ много своихъ денегъ и раздаетъ имъ бѣднымъ и больнымъ въ разныхъ деревняхъ.

На другой день всѣ больные были уже на ногахъ; по совѣту сеньора Эрнесто, имъ необходимо было умытся холодной

водой, смочить ею немного губы, а руки держать въ водѣ до тѣхъ поръ, пока чувство болѣзненнаго отвращенія къ водѣ, характеризующее горную болѣзнь, не исчезнетъ совершенно. Кромѣ того, Бенно и Халлингъ, особенно сильно болѣвшіе, получили еще по нѣскольку глотковъ вина, нарочно оставленнаго для нихъ сеньоромъ Эрнесто. Послѣ сытной горячей мясной пищи бѣлые ожили.

Перуанцы не могли дождаться прибытія индѣйцевъ съ мулами, до того спѣшили они туда, на поле битвы, спѣшили помѣряться силами съ врагомъ. Кромѣ того, они считали неудобнымъ злоупотреблять гостепріимствомъ человѣка, совершенно незнакомаго имъ, тѣмъ болѣе, что онъ упорно отказывался отъ всякаго рода вознагражденія. Но пока не было ни проводниковъ, ни муловъ, и наши путешественники, не любившіе бездѣйствовать, стали помогать туземцамъ плести изъ конскаго волоса арканчики для ловли шеншиля. Стрѣлять этихъ звѣрьковъ было нельзя, такъ какъ и пуля, и стрѣла испортила бы ихъ нѣжную, шелковистую серебристо-сѣрую шкурку и обезцѣнила ее для продажи.

Когда туземцы отправились закидывать эти арканчики, то Бенно, укутанный въ мѣха, пошелъ съ ними, желая ознакомиться и съ этимъ новымъ родомъ охоты. На другой день, незадолго до восхода солнца, нѣсколько человѣкъ охотниковъ туземцевъ и нѣкоторые изъ нашихъ друзей ушли въ горы осмотрѣть ловушки, но оказалось, что въ нихъ не попался еще ни одинъ звѣрекъ.

— Еще рано, — пояснилъ туземецъ, — шеншиль спятъ, надо выходить раньше, не то, когда они попадутся въ силки, коршуны и орлы, постоянно сторожащіе здѣсь добычу, расклюютъ пойманныхъ звѣрьковъ, и намъ ничего не достанется. Когда сѣдой туманъ клубами начнетъ стлаться по землѣ, тогда шеншиля выползутъ изъ своихъ норъ, чтобы щипать мокрый отъ утренней росы мохъ и такимъ образомъ одновременно утолить и голодъ, и жажду!

И дѣйствительно, изъ едва замѣтныхъ подъ снѣгомъ норокъ стали показываться шеншиля, и штукъ тридцать этихъ

звѣрьковъ были пойманы хитро придуманными волосяными силками за заднія лапки.

Несчастныя животныя метались и выбивались изъ силъ, а коршуны и кондоры зорко сторожили ихъ, готовясь каждую минуту наброситься на безпомощную жертву.

Не медля ни минуты, туземцы подошли къ пойманнымъ звѣрькамъ и, предварительно ошеломивъ ихъ сильнымъ ударомъ по головѣ, прирѣзали ихъ по всѣмъ провиламъ искусства такъ, чтобы не попортить и не запачкать шкурки.

Бенно, видя, что одинъ изъ кондоровъ, не взирая на присутствіе охотниковъ, налетѣлъ и схватилъ одну шеншиля, не утерпѣлъ и убилъ тутъ же хищника наповалъ. Когда онъ вздумалъ растянуть его крылья, то оказалось, что обѣихъ его рукъ не хватаетъ на это: громадная птица имѣла около полутора саженъ въ розмахѣ крыльевъ.

Убитую птицу Бенно подарилъ туземцамъ, которые приняли ее съ величайшей благодарностью, и такъ какъ ловля шеншиля на этотъ день была окончена, то предложили своимъ гостямъ поохотиться еще, кромѣ того, на другую дичь, на особую породу мѣстныхъ барановъ.

Предложеніе это было встрѣчено съ радостью, и маленькая группа бѣлыхъ охотниковъ ползкомъ стала пробираться вслѣдъ за индѣйцами въ живописную долину, гдѣ росли группы горныхъ сосенъ, и шумѣлъ потокъ. Кругомъ торчали дикія черныя скалы; потокъ, пробиваясь между ними, образовалъ на дальнемъ краю этой мрачной долины небольшое озеро. Дикари полагали, что эта долина служила убѣжищемъ Вохарра, т. е. злого духа.

— Но теперь мы такъ не смѣемъ думать, потому что мы христіане!—сказали они.

— Ваши бараны приходятъ сюда на водопой?

— Они живутъ въ этихъ темныхъ ущельяхъ, среди скалъ, а за этими черными соснами ихъ песчаныя ямы, въ которыхъ они купаются, подымая цѣлыя облака мелкаго песку; тамъ такая глубина, что ни одинъ человѣкъ не можетъ спуститься туда. Этихъ гуанако нельзя силою выгнать изъ ихъ убѣжищъ,

а чтобы выманить ихъ, надо накрыться бараньей шкурой, лечь на ихъ пути и дѣлать всевозможныя странныя движенія, чтобы возбудить любопытство этихъ животныхъ, которыя тогда станутъ собираться со всѣхъ сторонъ къ заинтересовавшему ихъ предмету. Они живутъ здѣсь, въ этомъ песчаномъ ущельѣ, сотнями, мы всѣ это знаемъ, но до сихъ поръ мы ни разу не пробовали даже стрѣлять по нимъ. Къ чему убивать ихъ, если нѣтъ никакой возможности достать оттуда убитое животное и воспользоваться его шкурой и мясомъ!

— Ну, а мы попробуемъ! — заявили бѣлые, — только достаньте намъ длинную надежную веревку!

Веревка была принесена. Педрильо съ непостижимой ловкостью, спрыгивая съ одной скалы на другую, спустился внизъ, завернулся въ мѣхъ и продѣлалъ все, что требовалось, чтобы обратить на себя вниманіе этихъ гуанако. Тогда только они стали показываться на днѣ песчанаго ущелья изо всѣхъ расщелинъ скалъ. Первый баранъ, очевидно, вожакъ, замѣтивъ Педрильо, издалъ странный звукъ, напоминавшій не то блеяніе, не то конское ржаніе.

И вотъ всѣ бараны, одинъ за другимъ, стали спускаться внизъ, перескакивая со скалы на скалу, съ легкостью настоящихъ балеринъ, несмотря на то, что эти красно-бурыя животные достигали до двухъ аршинъ вышины и безъ малаго сажень длины. Небольшая остромордая голова и длинная шея были свободны отъ руна, все же остальное тѣло этихъ животныхъ было покрыто густой и длинной шерстью, которая у болѣе старыхъ животныхъ ниспадала и даже волочилась по землѣ. Эти странныя животныя напоминали отчасти барана, отчасти лошадь и отчасти верблюда. По словамъ туземцевъ, мясо ихъ чрезвычайно вкусно.

— Но, увы! Какъ ты его оттуда достанешь, если даже и убьешь; развѣ только, что тотъ, твой бѣлый братъ умѣетъ летать! —сказалъ Келли, одинъ изъ самыхъ сообщительныхъ туземцевъ.

Между тѣмъ болѣе сотни громадныхъ самцовъ, болѣе стройныхъ самокъ и ягнятъ обступили Педрильо, обнюхивали его и дотрогивались своими мордами съ видимымъ недоумѣніемъ.

— Что же, гуанако не кусается?—спросилъ Рамиро.

— Нѣтъ, за то плюются!

— Ну, это не бѣда! Смотрите, Бенно, не зѣвайте: сейчасъ Педрильо вскочитъ, и тогда мы будемъ стрѣлять!

Въ этотъ самый моментъ акробатъ ловко подбросилъ въ воздухѣ мѣхъ, въ которомъ онъ кутался до сего момента, и продѣлавъ удивительное «сальто-мортале» то на рукахъ, то на ногахъ, выбѣжалъ изъ круга барановъ.

Почти одновременно раздались два выстрѣла; пока все стадо мчалось въ паническомъ страхѣ, два большихъ барана остались на мѣстѣ: одинъ убитый наповалъ, другой—издыхающій.

Съ помощью веревки, перекинутой черезъ громадный сукъ гигантской сосны, Рамиро и Педрильо, вскарабкавшійся по спущеной веревкѣ на верхъ, втащили свою добычу и съ тріумфомъ вернулись домой. Въ этотъ день Рамиро былъ особенно радостно настроенъ.

— Еще нѣсколько дней,—и мы съ вами, быть можетъ, будемъ милліонерами! Да! Ахъ, Бенно, тогда мнѣ остается только пожалѣть, что нѣтъ у меня крыльевъ, чтобы полетѣть къ моимъ дорогимъ, — говорилъ онъ, — чтобы положить ихъ къ ногамъ женщины, сердце которой устало надѣяться и бояться за меня.

Вечеромъ вернулся сеньоръ Эрнесто, а сутки спустя прибыли и индѣйцы съ мулами, съѣстными припасами и всѣмъ необходимымъ. Теперь этимъ товарищамъ-спутникамъ столь долгаго и тяжкаго пути приходилось разойтись. Перуанцамъ-добровольцамъ, желавшимъ пристать къ дѣйствующей арміи, расположенной, главнымъ образомъ, по линіи прибрежья, приходилось сворачивать влѣво, тогда какъ маленькій городокъ Конціто, родина сеньора Рамиро, лежалъ въ равнинѣ, вправо отъ ихъ настоящей стоянки.

Шестеро больныхъ, не совсѣмъ еще оправившихся отъ трудностей пути, должны были остаться въ деревнѣ индѣйцевъ, тогда какъ остальные съ сеньоромъ Эрнесто готовились выступить впередъ. Во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться на пути

препятствій со стороны занимавшихъ страну испанцевъ, рѣшили выслать впередъ развѣдчиковъ.

— Концито,—сказалъ сеньоръ Эрнесто,—занятъ теперь испанскими войсками, а потому намъ придется переодѣться прежде, чѣмъ явиться туда. А ужъ тамъ-то мы какъ-нибудь просуществуемъ, не показываясь испанцамъ на глаза; вѣдь въ городѣ у меня есть собственный домъ.

— О, какъ это прекрасно, какъ удобно!—обрадовался Рамиро, сжигаемый одною мыслью поскорѣе достигнуть родного города и выполнить до конца ту задачу, которая стоила всѣмъ имъ уже столько трудовъ и лишеній.

— Будемъ надѣяться, что все будетъ хорошо, — возразилъ Эрнесто,—пока же отправимся на мою гаціенду, находящуюся въ нѣсколько миляхъ отъ города, гдѣ всѣ вы будете желанными гостями!

— Такъ намъ все-таки еще придется выжидать?—спросилъ обезкураженный наѣздникъ, — а я думалъ немедленно же отправиться въ Концито!

— Нѣтъ, другъ мой, и въ гаціендѣ-то, дай Богъ, чтобы все было благополучно. Эти разбойники-испанцы могутъ нагрянуть и туда, и по своему обыкновенію подвергнуть самому беззастѣнчивому грабежу мое имѣніе съ его фруктовыми садами, скотомъ, запасами, лошадями и всѣмъ, что имъ нужно и ненужно!

— И вы такъ хладнокровно говорите объ этомъ! Вы можете спокойно отдать во власть непріятеля все свое состояніе?

— Ну, нѣтъ! До болѣе существеннаго-то они не доберутся. Пускай они жгутъ домъ, обгложутъ вѣтви фруктовыхъ деревьевъ и обыскиваютъ кладовыя. Все наиболѣе цѣнное и пригодное, все, что только можно спрятать и угнать подальше, не попадется на глаза войскамъ притѣснителей!

Черезъ два дня небольшой отрядъ выступилъ изъ индѣйской деревушки, выславъ впередъ проводниковъ, вмѣстѣ съ которыми находился Обія, Тренте и другіе. Видъ встрѣчавшихся на пути туземцевъ, обрабатывающихъ поля и занятыхъ сборомъ фруктовъ, поразилъ Обію. Онъ уже понялъ смыслъ

часто произносимаго бѣлыми слова «дикарь» и теперь еще более былъ пораженъ тѣмъ, что его единоплеменники, люди одной съ нимъ расы, встрѣчавшіеся повсюду, носили такую же одежду, какъ и бѣлые, и говорили на одномъ съ ними языкѣ.

Честолюбіе закралось въ душу проводника, и слѣдствіемъ этого явилось немедленное исчезновеніе оловянной ложки изъ его волосъ, которымъ, несомнѣнно, скоро придется встрѣтиться съ ножницами парикмахера. Татуировку же, такъ безобразившую его стройное тѣло и смытую во время дождливаго времени года, онъ и не думалъ возобновлять.

Съ большой осторожностью подвигались путники впередъ. Однако, испанцевъ нигдѣ не было видно, кругомъ все дышало тишиною и миромъ. Среди густой растительности изрѣдка показывались всадники, не возбуждавшіе, однако, никакихъ опасеній: это были мирные пастухи—пеоны.

Вскорѣ передъ отрядомъ сеньора Эрнесто показалась его гаціенда. Прекрасный домъ, солидной архитектуры, былъ окруженъ цѣлой кучей различныхъ построекъ и великолѣпнымъ фруктовымъ садомъ. Ккругомъ шла плотная стѣна колючей изгороди изъ кактусовъ, которая, пожалуй, была надежнѣе любой каменной ограды.

При стукѣ копытъ лошадей дверь дома распахнулась, и на порогѣ показалась старушка. Прикрывая глаза отъ солнца, она долго вглядывалась въ подъѣзжавшихъ и, наконецъ, узнавъ среди нихъ и своего хозяина, громко закричала:

— Педро, Педро, иди скорѣе, господинъ вернулся!

Когда въ дверяхъ показался старикъ, собака Бенно стрѣлой бросилась къ нему и стала прыгать, ласкаться и ластиться около него, оглашая воздухъ радостнымъ лаемъ.

— Плутонъ! — вскрикнулъ старикъ, — Плутонъ, неужели это ты?!

Женщина, тоже узнавъ собаку, спросила хозяина дрожащимъ голосомъ.

— Сеньоръ Эрнесто, Рамонъ тоже съ вами?

Хозяинъ гаціенды поникъ головой. Его лицо было блѣдно.

— Нѣтъ, милая, нѣтъ! Я о немъ ничего не знаю. Ну, да объ этомъ мы еще поговоримъ!

Съ этими словами онъ слѣзъ съ мула и пригласилъ своихъ спутниковъ войти въ домъ.

— Здѣсь, въ этомъ домѣ,— сказалъ онъ, — родился и выросъ Плутонъ!

Бенно печально опустилъ голову и тихо спросилъ:

— А, этотъ Рамонъ о которомъ спрашиваетъ старуха?..

— Былъ тотъ мертвецъ, котораго вы видѣли на бортѣ покинутаго судна!

— Бѣдная старуха,—промолвилъ Бенно,—это былъ, вѣроятно, ея сынъ!

— Тише, тише!—остановилъ его Рамиро,—смотрите, какъ поблѣднѣлъ нашъ хозяинъ!

— Да, не будемъ его огорчать! — сказалъ Бенно, — этотъ сеньоръ Эрнесто очень понравился мнѣ.

VII.

Ручной серебряный левъ.—Другъ на чужбинѣ.—Тайникъ въ скалахъ.—Непріятельскія войска. - Во власти испанцевъ.

— Войдите, сеньоры! — ласково и привѣтливо сказалъ хозяинъ,—располагайтесь каждый, какъ ему нравится, и будьте здѣсь, какъ у себя дома.

— Мой добрый старый Педро и его старуха сдѣлаютъ по возможности все для вашего удобства, я же, со своей стороны, отъ души говорю вамъ: «добро пожаловать»! Будьте дорогими гостями на все время, пока вы сами того пожелаете!

Затѣмъ, берясь за ручку двери одной изъ комнатъ нижняго этажа, онъ добавилъ:

— Здѣсь, господа, есть нѣкто, съ кѣмъ я тоже долженъ поздороваться—это моя ручная пума, предупреждаю васъ о томъ, чтобы никто не испугался!

И, отворивъ дверь, онъ едва успѣлъ вступить на порогъ, какъ громадный серебряный левъ однимъ прыжкомъ очутился

подлѣ него и сталъ ластиться къ нему, какъ кошка, урча и катаясь у ногъ.

— Я убилъ на охотѣ его матку и вынулъ этого дѣтеныша изъ убитой, хотя онъ не былъ даже еще рожденъ, но, вѣроятно, долженъ былъ родиться въ тотъ же день. Мы выкормили его здѣсь съ рожка, и теперь это славное животное сильно привязалось ко мнѣ.

Въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжалъ Плутонъ.

— Карри, смотри, это Плутонъ, узнаешь ты его?—сказалъ хозяинъ дома. Но животныя уже скакали другъ около друга, катались и кувыркались по землѣ, усиленно виляя хвостами. А затѣмъ вмѣстѣ выбѣжали въ садъ, чтобы, вѣроятно, продолжать играть и забавляться. Появленіе кугуара не произвело на остальныхъ домашнихъ животныхъ, а также и на птицъ, ни малѣйшаго впечатлѣнія: очевидно, всѣ они знали и привыкли къ нему.

Между тѣмъ старый Педро проводилъ вновь прибывшихъ въ отведенныя для нихъ помѣщенія, при чемъ всѣ европейцы получили каждый по маленькой, но свѣтлой и опрятной комнаткѣ въ главномъ домѣ, а индѣйцы и нѣкоторые изъ перуанцевъ были размѣщены въ службахъ и пристройкахъ дома. Давъ время пріѣзжимъ умыться и привести себя въ порядокъ послѣ дороги, старушка принесла имъ скромный, но сытный ужинъ, вино и фрукты. Затѣмъ явился къ гостямъ скромнаго вида человѣкъ, съ любезной улыбающейся физіономіей, постоянно живущій въ этомъ домѣ, и предложилъ имъ свои услуги въ качествѣ брадобрея и портного. Всѣ очень обрадовались его появленію и тотчасъ-же воспользовались его услугами. Съ индѣйцевъ тоже сняли мѣрки, чтобы изготовить и имъ изъ бѣлаго холста приличную и опрятную одежду, при чемъ Обія дрожалъ отъ страха, воображая, что сниманіе мѣрки—какое-то колдовство, какой-то таинственный пріемъ кудесника. Когда же Бенно разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло, то дикарь глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Да, бѣлые люди умны и все знаютъ. Моимъ братьямъ, тамъ, въ лѣсу, еще многому надо поучиться отъ нихъ!

Для него, какъ и для всѣхъ остальныхъ, была приготовлена постель, но бѣдняга никакъ не могъ рѣшиться лечь на нее и, свернувшись клубкомъ въ углу на конскомъ потникѣ, заснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ почти въ ту-же минуту.

Бенно вернулся въ свою комнату, но тоже не легъ въ постель, а, придвинувъ стулъ къ открытому окну и закуривъ сигару, сталъ смотрѣть внизъ, на освѣщенный луною садъ и дальній ландшафтъ рисовавшихся на горизонтѣ Кордильеръ.

Вдругъ кто-то постучалъ въ его дверь.

— Войдите!—отозвался Бенно.

— Вы еще не спите? Я не помѣшаю вамъ?—спросилъ, входя, хозяинъ дома.

— Нѣтъ, нѣтъ, нисколько, я даже не собирался еще ложиться!—сказалъ Бенно, подвигая другой стулъ къ окну.

Сеньоръ Эрнесто сѣлъ и закурилъ сигару, предложивъ и Бенно сдѣлать тоже, такъ какъ при входѣ его молодой человѣкъ изъ вѣжливости отложилъ въ сторону свою.

— Если я не стѣсню васъ, то поговоримъ съ четверть часа о вашей собакѣ,—сказалъ сеньоръ Эрнесто,—скажите мнѣ, пожалуйста, какъ и когда пристала къ вамъ эта собака?

Бенно подробно разсказалъ все, какъ было.

— Итакъ, вы кромѣ Плутона и крысъ не нашли на суднѣ ни одного живого существа?—переспросилъ страшно измѣнившимся и упавшимъ голосомъ хозяинъ дома.

— Да, мы нашли тамъ только еще трупъ одного молодого человѣка, которому, вѣроятно, принадлежала эта собака.

— Да, да .. вы не осмотрѣли его кармановъ, не нашли въ нихъ письма?

— Да, но отъ этого письма, очевидно, съѣденнаго крысами, не осталось ничего, кромѣ мелкой трухи, которую развѣялъ вѣтеръ изъ моей руки. Эта мысль о письмѣ мучаетъ меня по сей часъ.

При этихъ словахъ сеньоръ Эрнесто порывисто схватилъ руку Бенно и горячо пожалъ ее.

— Вы—хорошій, сердечный человѣкъ!—воскликнулъ онъ,— вы пожалѣли несчастнаго человѣка! Бенно, это письмо



«Группа охотниковъ ползкомъ взобралась въ маленькую долину, гдѣ росли горныя сосны»... (къ стр. 89).

писалъ я, и собака, раньше по крайней мѣрѣ, принадлежала мнѣ!

— Въ такомъ случаѣ позвольте узнать, письмо ваше адресовано было въ Гамбургъ?

— Да!

— Ну, такъ напишите его вторично; если все будетъ обстоять благополучно, я съ однимъ изъ ближайшихъ отходящихъ отсюда пароходовъ думаю вернуться съ г. Халлингомъ и докторомъ Шомбургомъ въ Гамбургъ и могу передать по назначенію ваше письмо.

— Обратно въ Гамбургъ? Но развѣ вы не намѣревались присодиниться къ сеньору Рамиро и...

— Стать цирковымъ наѣздникомъ, хотите вы сказать? О, нѣтъ!—и Бенно разсказалъ своему собесѣднику о своемъ знакомствѣ съ Рамиро, о своей легкомысленной продѣлкѣ въ Гамбургѣ и объ изгнаніи не только изъ дома, но даже и изъ Европы, о своемъ бѣгствѣ отъ Нидербергера и дальнѣйшихъ скитаніяхъ.

— И послѣ всего этого вы все еще хотите вернуться туда?

— Но что же мнѣ остается дѣлать? Я былъ въ старшемъ классѣ гимназіи, я мечталъ поступить въ университетъ, но, конечно...

Ну, а не пожелали-бы вы заняться сельскимъ хозяйствомъ, напримѣръ?—сказалъ сеньоръ Эрнесто,—я живу одинъ, останьтесь у меня, займитесь этимъ дѣломъ, а родителямъ вашимъ я-бы написалъ.

— О, вы, право, такъ добры!.. но...

— Но васъ влечетъ наука! Тогда, конечно, другое дѣло, но все же я могу написать вашему отцу нѣсколько строкъ...

— У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ ни отца, ни матери: я нелюбимое, а только по необходимости терпимое въ домѣ дитя умершихъ родителей. Еще ребенкомъ я очутился въ домѣ моего дяди и тамъ выросъ, не зная ласки и любви... Фамилія моя, вы ее, кажется, не знаете еще,—Цургейденъ, мой дядя крупный коммерсантъ, сенаторъ Іоганессъ Цургейденъ, котораго знаетъ весь Гамбургъ!

— Цур...Цур...—произнесъ, почти задыхаясь, синьоръ Эрнесто

какъ будто выговорить эту фамилію, этотъ слогъ стоило ему напряженія всѣхъ его силъ. Онъ поблѣднѣлъ до того, что еслибы Бенно въ этотъ моментъ взглянулъ на него, то навѣрное-бы испугался. Но прошло нѣсколько времени, и сеньоръ Эрнесто успѣлъ оправиться и овладѣть собой.

— Да, все это печальныя обстоятельства, но вамъ не стоитъ еще отчаяваться, все можетъ устроиться, согласно вашему желанію, несмотря ни на что. Вашъ дядя одинокій человѣкъ? Вы только съ нимъ вдвоемъ жили? — и продолжалъ сеньоръ Эрнесто.

Тутъ Бенно вспомнилъ старика Гармса и разсказалъ своему собесѣднику о немъ, объ его преданности и любви къ всѣми покинутому мальчику, о томъ, что старикъ завѣщалъ ему все свое состояніе и т. д.

— Да благословитъ его Богъ за это!—воскликнулъ растроганный до глубины души сеньоръ Эрнесто,—въ Концито есть почтовая контора, вы можете отправить оттуда письмо и старику Гармсу, и господину сенатору, быть можетъ, онъ согласится на ваше возвращеніе и позволитъ вамъ поступить въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, а въ крайнемъ случаѣ можно будетъ сдѣлать это и помимо его.

— О, благодарю! благодарю васъ, сеньоръ Эрнесто! Ваша доброта трогаетъ меня до глубины души.

— Ну, а теперь, прощайте; покойной ночи, Бенно!—прервалъ его хозяинъ дома.

— Покойной ночи, сеньоръ!

Дверь затворилась за ушедшимъ. Бенно просидѣлъ еще нѣсколько времени въ раздумьѣ у окна, а сеньоръ Эрнесто, вернувшись въ свою спальню на другомъ концѣ корридора, присѣлъ къ столу и, опустивъ голову на руки, долго, долго рыдалъ.

— Боже мой! Боже мой!—восклицалъ онъ,—мнѣ кажется, что я сойду съ ума!

. . . .

На слѣдующее утро, одинъ изъ слугъ-туземцевъ, нагрузивъ нѣсколько корзинъ плодами гранатовъ, сталъ устанавливать эти корзины на легкую ручную телѣжку, когда къ нему подошелъ

сеньоръ Эрнесто и, ласково поздоровавшись съ Рамиро, стоявшимъ тутъ-же, спросилъ:

— Ну, что, Модесто, скоро ты управишься?

— Я хоть сейчасъ готовъ, сеньоръ, и могу отправиться въ городъ сію минуту!

— Позвольте и мнѣ, сеньоръ, отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ городъ!—сталъ просить Рамиро.

— Нѣтъ, сеньоръ, это совершенно невозможно. Вся страна возстала противъ чужеземнаго владычества, всѣ до того озлоблены, что не даютъ спуска никому, васъ могутъ принять за испанскаго шпіона, и тогда ваша пѣсенка спѣта. Модесто—дѣло другое, его здѣсь по дорогамъ и въ городѣ всѣ знаютъ, да и самъ онъ знаетъ здѣсь всѣ дороги и тропинки и въ случаѣ, если его остановятъ, онъ броситъ телѣжку и плоды и бѣжитъ въ городъ, какъ бы спасаясь отъ гнѣва своего господина, и даже и въ этомъ случаѣ добьется своего.

— Скажи мнѣ, Модесто, что тебѣ поручено разузнать въ городѣ?—спросилъ Рамиро.

— Я долженъ узнать, живъ-ли еще настоятель монастыря Св. Филиппа, братъ Альфредо и какъ его здоровье!—отвѣтилъ Модесто.

— Ну да, ну да,—прошепталъ Рамиро.—Ахъ, Боже, помоги ему!

Сеньоръ Эрнесто взглянулъ на верхъ; окно комнаты Бенно было еще завѣшено, очевидно, молодой человѣкъ еще спалъ.

— Не надо будить его!—замѣтилъ хозяинъ дома, обращаясь къ Рамиро,—пусть спитъ! Скажите, вы, кажется, хотѣли усыновить этого молодого человѣка, если не ошибаюсь?

— Когда я получу обратно свое богатство, то, конечно, да!

— И тогда онъ долженъ будетъ сдѣлаться цирковымъ наѣздникомъ?

— Боже сохрани! Онъ можетъ быть всѣмъ, чѣмъ онъ только пожелаетъ: графомъ, принцемъ, землевладѣльцемъ...

— А вотъ и онъ! Теперь пойдемте завтракать, всѣ остальные тоже встали, я ихъ уже видѣлъ.

Послѣ завтрака всѣ отправились осматривать помѣстье сеньора Эрнесто.

За садомъ тянулись виноградники, позади надворныхъ строеній виднѣлись шпалеры лучшихъ персиковъ и цѣлый лѣсъ плодовыхъ деревьевъ. Далѣе шли поля, луга и пастбища. Дошли и до прекраснаго пѣнящагося водопада, низвергавшагося съ высокой темной скалы въ обширный природный бассейнъ.

— Теперь, если хотите, я покажу вамъ мои провіантскіе магазины и склады,—сказалъ хозяинъ помѣстья,— они вотъ здѣсь, въ этихъ скалахъ!

— Да развѣ здѣсь есть пещеры? Я нигдѣ не вижу входа!

— Тѣмъ лучше! Это меня очень радуетъ, значитъ, и непріятель, въ случаѣ чего-нибудь, не увидитъ его! — сказалъ сеньоръ Эрнесто.

И онъ повелъ своихъ гостей въ гору. Обогнувъ двѣ-три небольшихъ скалы, они очутились передъ входомъ въ высокую и просторную пещеру, передъ которой, подобно серебристой просторной завѣсѣ, низвергался водопадъ, скрывая этотъ входъ со стороны долины.

Въ пещерѣ царилъ полумракъ, и различать предметы можно было не вполнѣ ясно. По приказанію сеньора Эрнесто одинъ изъ слугъ, сопровождавшій маленькое общество, зажегъ нѣсколько свѣчей въ жестяныхъ шандалахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ пещеры, и все кругомъ освѣтилось.

— Эти пещеры издавна служатъ мнѣ амбарами и кладовыми, но съ начала войны, предвидя возможность вторженія врага, я собралъ здѣсь громадные запасы всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ и внесъ сюда все, что у меня есть дорогого по воспоминаніямъ или цѣннаго само по себѣ. Эта пещера, въ случаѣ чего, можетъ даже служить жилищемъ.

Въ смежной съ этой пещерой, куда затѣмъ прошли хозяинъ и гости, находились запасы зерна, топлива и свѣчей, а въ третьей—страшная бездонная пропасть, въ которую не было даже никакой возможности заглянуть до дна, тамъ даже свѣтъ свѣчи оставался безсильнымъ противъ царящаго вокругъ мрака, и изъ глубины вѣяло могильнымъ холодомъ.

— Да, кто сюда упадетъ, тому ужъ нѣтъ спасенья!—сказалъ Бенно.

— Не говорите такихъ ужасныхъ вещей, Бенно!—съ тревогой въ голосѣ отозвался сеньоръ Эрнесто,—и дайте мнѣ свое слово, что вы никогда не придете сюда безъ меня.

— Будьте покойны, я никогда не сдѣлаю ничего вопреки вашему желанію!—успокоилъ его молодой человѣкъ.

— Вотъ тамъ, неподалеку, пастбища, и если кто-нибудь изъ васъ желаетъ прокатиться верхомъ, господа, то лошади мои къ вашимъ услугамъ!—любезно предложилъ хозяинъ.

Молодежь воспользовалась этимъ предложенiемъ, и весь этотъ день въ помѣстьи сеньора Эрнесто прошелъ прiятно и незамѣтно почти для всѣхъ.

Только сеньоръ Рамиро все время поглядывалъ на часы поджидая возвращенiя Модесто. Но прошелъ день и вечеръ, наступила ночь, а его все не было.

Когда все маленькое общество передъ отходомъ ко сну сидѣло на верандѣ, вдругъ изъ лѣсу явился Михаилъ и объявилъ съ сiяющимъ лицомъ, что, наконецъ-то, онъ нашелъ приворотный корешокъ и что теперь онъ можетъ повелѣвать всѣми русалками.

— Жаль только,—сказалъ онъ,—что я не знаю, находятся-ли здѣшнiя американскiя русалки въ какихъ-либо сношенiяхъ съ русалками Венгрiи, или же эти духи на всей поверхности земного шара незримо и неслышно для насъ ведутъ бесѣды и переговоры между собой. Но здѣсь, вблизи, вѣдь нѣтъ нигдѣ ни лодки, ни весла?—добавилъ онъ какъ всегда какимъ-то таинственно-испуганнымъ тономъ.—Бенно успокоилъ его на этотъ счетъ и сказалъ ему, что пора уже спать.

Вдругъ со стороны большой дороги послышался конскiй топотъ. Какой-то всадникъ мчался во весь опоръ, съ каждой минутой приближаясь къ усадьбѣ.

Всѣ переглянулись. Въ слѣдующiй моментъ этотъ всадникъ подскакалъ къ дому, и соскочивъ съ коня, торопливо вбѣжалъ на террасу.

— Добрый вечеръ, сеньоръ Эрнесто!—сказалъ онъ.

— Добрый вечеръ, Эстебанъ!—отвѣтилъ хозяинъ дома,—что скажешь?

— Часа черезъ два или три испанцы будутъ уже здѣсь сеньоръ!—вымолвилъ онъ.

При этомъ всѣ точно окаменѣли.

— Уже такъ скоро? Увѣренъ-ли ты въ этомъ, Эстебанъ?

— Да, сеньоръ, совершенно увѣренъ!—отвѣчалъ молодой пастухъ,—потому-то я и спѣшилъ предупредить васъ объ этомъ; ну, а теперь прощайте! Дай Богъ счастья, а мнѣ нужно спѣшить къ товарищамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними укрыть отъ врага коней!

Онъ наскоро проглотилъ поданный ему стаканъ добраго вина и, снова вскочивъ на коня, умчался тѣмъ-же бѣшенымъ галопомъ.

— Что же? Бѣжать намъ? спасаться?—спросилъ кто-то.

Хозяинъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, мы не станемъ сопротивляться, позволимъ непріятелю взять все, что онъ пожелаетъ, и предоставимъ остальное волѣ Божіей,—рѣшилъ онъ,—а теперь идите всѣ спать. Я самъ запру всѣ двери и ставни дома, идите съ Богомъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ слугамъ и пеонамъ.—Господа,—добавилъ онъ, по адресу своихъ гостей,—и вамъ я тоже рекомендую идти въ свои спальни и ложиться спать!

Всѣ молча разошлись по своимъ комнатамъ, но, конечно, никто не спалъ.

— Бенно,—сказалъ хозяинъ дома, схвативъ юношу за руку въ темномъ корридорѣ, ведущемъ къ ихъ спальнямъ,—обѣщайте мнѣ, что вы ни подъ какимъ предлогомъ не выйдете изъ своей комнаты!

— Обѣщаю!—сказалъ Бенно.

— Вы не знаете, на что способны эти испанцы. Оцѣпить домъ, запереть всѣ двери и всѣхъ живущихъ въ домѣ и затѣмъ поджечь этотъ домъ, для нихъ сущій пустякъ, это мы видимъ сплошь и рядомъ. Можетъ быть, эти войска тутъ, только проходятъ, чего дай Богъ, но если здѣсь произойдетъ битва, то трудно предвидѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться!

— Давно вы владѣете этимъ помѣстьемъ, сеньоръ?—спросилъ Бенно.

— Лѣтъ десять! Тогда здѣсь былъ еще глухой дѣвственный лѣсъ и пустыня; ближайшіе туземцы были настоящіе дикари, не имѣвшіе понятія ни о платьѣ, ни о работѣ, ни о деньгахъ; теперь почти всѣ они христіане, воздѣлываютъ свои поля и огороды и ведутъ торговлю. Да, слава Богу, все же я не совсѣмъ даромъ прожилъ эти 10 лѣтъ...

— Бенно,—вдругъ сказалъ онъ,—хотите вы остаться у меня на всегда... и владѣть всѣмъ, чѣмъ я владѣю, а это довольно орошее состояніе? Хотите унаслѣдовать отъ меня все, какъ если-бы вы... были моимъ единственнымъ сыномъ...—и голосъ его вдругъ порвался, перешелъ въ какое-то глухое подавленное рыданіе. Онъ обнялъ Бенно за плечи и прислонился своимъ пылавшимъ лбомъ къ щекѣ мальчика.

— Ахъ, Бенно, не говорите нѣтъ! Не отказывайтесь!—молилъ онъ,—останьтесь у меня, ну, хоть на время!

— Да, до тѣхъ поръ, пока не придутъ изъ Гамбурга письма!—сказалъ Бенно,—и мнѣ было-бы тяжело разстаться съ вами, но мнѣ такъ хочется поступить въ университетъ! Отчего-бы и вамъ не поѣхать съ докторами и съ другими въ Гамбургъ, сеньоръ?

— Нѣтъ, это невозможно, невозможно!—печально отвѣтилъ онъ,—покойной ночи, Бенно, постарайтесь заснуть!

Они разстались. Всѣ легли, но никто не спалъ. Рамиро тихонько постучалъ въ перегородку, отдѣлявшую его комнату отъ комнаты Бенно.

— А вѣдь Модесто все еще не возвратился!—почти со стономъ вырвалось у него.

— Знаю, но, можетъ быть, онъ еще вернется въ ночь или поутру; быть можетъ, мы узнаемъ отъ испанцевъ то, что намъ надо.

Рамиро только вздохнулъ и смолкъ.

Внизу заворчала собака. Вѣрно, испанцы уже близко. Все въ домѣ было тихо, всѣ какъ будто спали. Малѣйшій признакъ волненія или ожиданія считался испанцами за шпіонство, за признакъ того, что тутъ поддерживаютъ какія-то тайныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ, разъ уже знаютъ заранѣе объ ихъ приближеніи.

Всѣ слышали, какъ въ саду шелестѣли кусты: солдаты ползкомъ, прячась въ тѣни, оцѣпили весь домъ.

Но вотъ кто-то постучалъ въ дверь. Въ верхнемъ этажѣ распахнулось окно:

— Кто тамъ?—спросилъ хозяинъ дома.

— Солдаты Его Величества Короля Испаніи! Отворите, сеньоръ!

Спустя минуту, самъ хозяинъ отперъ двери дома и съ дрогнувшимъ сердцемъ сказалъ:

— Прошу войти, сеньоръ, чѣмъ могу вамъ служить?

Адъютантъ главнокомандующаго отрядомъ, графъ Лунаръ, ростомъ не выше четырнадцатилѣтняго мальчика, но съ чрезвычайно важнымъ и горделивымъ видомъ, любезно раскланялся и назвалъ себя по имени.

— Графъ Сильвіо Лунаръ! Прошу отъ имени солдатъ всего необходимаго для нихъ, вина, хлѣба, мяса и соломы для ночлега, а для гг. офицеровъ, кромѣ того, помѣщеніе въ домѣ, постели, услуги и т. д.

— Входите, господа!—сказалъ синьоръ Эрнесто, указывая рукою на внутренніе покои дома, мы находимся на военномъ положеніи, и я не могу воспрепятствовать вамъ считать все, что принадлежитъ мнѣ, вашей собственностью!

Адъютантъ приложилъ два пальца къ козырьку фуражки и съ полупоклономъ сказалъ:

— Между кавалерами не можетъ быть недоразумѣній. Прошу васъ дать намъ огня и раскрыть ваши парадные покои для его превосходительства, нашего главнокомандующаго!

Педро пришлось освѣтить всѣ парадныя комнаты дома и принести вино и кушанье на столъ гг. офицерамъ и ихъ начальству,

Вскорѣ весь домъ былъ занятъ блестящими офицерами, а ихъ главнокомандующій, какъ только развалился въ гамакѣ, тотчасъ же приказалъ позвать къ себѣ хозяина дома и съ неподражаемой надменностью и нахальствомъ сталъ чинить допросъ.

Узнавъ, что въ домѣ кромѣ него и его прислуги есть еще

гости, путешественники, онъ потребовалъ всѣхъ этихъ гостей къ себѣ, приказавъ солдатамъ обыскать весь домъ.

Всѣхъ привели, точно плѣнныхъ, предъ ясныя очи главнокомандующаго, который приказалъ записать всѣ имена и потребовалъ отъ нихъ ихъ бумаги, но таковыхъ не оказалось.

— Мы лишились всѣхъ документовъ и багажа при нападенiи индѣйцевъ на нашъ караванъ!—сказалъ Рамиро.

— Старыя басни! Ну, а куда вы держали путь?

— Въ Лиму, ваше превосходительство, гдѣ мы разсчитывали сѣсть на пароходъ и вернуться обратно въ Европу!

— И путешествiе это вы совершали исключительно съ научною цѣлью?—И вы сеньоръ, и этотъ молодой человѣкъ?

— Я ѣхалъ сюда по своимъ семейнымъ дѣламъ и присталъ къ гг. естествоиспытателямъ исключительно по своимъ частнымъ соображенiямъ, никакихъ вѣстей мы никому не передавали и никакихъ перуанскихъ отрядовъ на своемъ пути не видали и не встрѣчали!—Все это было сказано такимъ искреннимъ, убѣдительнымъ тономъ, что трудно было не повѣрить.

— Пока всѣмъ вамъ предписывается не отлучаться изъ помѣстья, а что дальше будетъ, мы еще увидимъ!

— Гдѣ ваши лошади и стада?—обратился онъ къ сеньору Эрнесто.

— Они пасутся по ту сторону рѣки, ваше превосходительство!

— Хорошо! Ну, а риги, житницы, кладовыя?

— Это все здѣсь въ надворныхъ постройкахъ!

— Но онѣ всѣ пусты! Гдѣ ваши запасы?

— Все, что у меня есть, здѣсь! Все, что вы здѣсь найдете, берите, а больше у меня ничего нѣтъ!

— Смотрите, берегитесь! Мы съ вами церемониться не будемъ!

Эрнесто только молча поклонился.

— Можемъ мы теперь удалиться отсюда?—освѣдомился онъ.

— Идите вы къ...

Онъ не произнесъ самаго слова, но для всѣхъ было ясно, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ чуялъ, что богатая добыча ушла

у него изъ-подъ рукъ, и это приводило генерала въ бѣшенство.

Въ сѣняхъ толпились солдаты, такъ что наши друзья и хозяинъ дома не могли даже обмѣняться ни словомъ до тѣхъ поръ, пока не очутились въ своихъ двухъ теперь уже общихъ спальняхъ на густой подстилкѣ изъ чистой соломы, такъ какъ всѣ комнаты и кровати были заняты незванными гостями.

— Сеньоръ, выдайте имъ ваши запасы,—молилъ Бенно,— что если они ихъ найдутъ?

— Чего-же вы боитесь, Бенно?

— Я за васъ боюсь, сеньоръ. Мнѣ кажется, что если бы съ вами случилось какое-нибудь несчастье, я уже никогда болѣе не могъ-бы чувствовать себя счастливымъ и покойнымъ!

— Благодарю, вы славный и сердечный человѣкъ, Бенно, вы сочувственно относитесь къ людямъ, но своихъ запасовъ я все-таки не выдамъ имъ. Завтра или же послѣзавтра они уйдутъ все равно отсюда!

— Но, вѣдь, до тѣхъ поръ можетъ многое случиться?!

— Не безпокойтесь, Бенно, въ случаѣ чего, я съумѣю укрыться, наши горы изобилуютъ пещерами и потайными ходами, доступными только близко знакомому съ ними человѣку. Тамъ они никогда не найдутъ меня. Если бы рѣчь шла только о стоимости моихъ запасовъ, я не сталъ-бы такъ отстаивать ихъ, но поймите, что они представляютъ собою все мое будущее благосостояніе и, быть можетъ, спасеніе отъ голода и нужды всего этого округа. Вѣдь, послѣ я ни за какія деньги не куплю ни съѣстныхъ припасовъ, ни сѣмянъ для посѣва своихъ полей. Но пора намъ попытаться заснуть хоть на часокъ,—добавилъ онъ, — вѣдь завтра намъ, вѣроятно, предстоятъ еще новые допросы!

Всѣ смолкли и хотя, быть можетъ, не спали, но старались заснуть и забыть хоть на время тяжелыя впечатлѣнія этой ночи.

XVIII.

Беззастѣнчивые побѣдители. — Приворотный корешокъ. — Ночное бѣгство.—Въ горной пещерѣ.—Удавшаяся хитрость.

Уже съ разсвѣтомъ солдаты стали хозяйничать повсюду, какъ въ своемъ карманѣ: грабили садъ, оранжереи, клѣти, срывали всюду замки и запоры, при чемъ начальство ихъ нисколько тому не противилось. Мало того, даже и сами господа офицеры шарили во всѣхъ углахъ, обыскивали всѣ ящики и комоды. Солдаты поминутно приводили въ домъ разныхъ окрестныхъ жителей, отъ которыхъ старались выпытать, нѣтъ-ли по близости отрядовъ добровольцевъ, гдѣ расположены перуанскія войска, и когда тѣ ничего не могли сообщить, то имъ грозили чуть-ли не пытками.

— Ну-съ, сеньоръ, гдѣ же ваши лошади и стада? Тамъ, за рѣкой, нѣтъ ни одной кошки!—грозно сверкнувъ очами, допрашивалъ гасіендеро главнокомандующій.

Сеньоръ Эрнесто только пожалъ плечами.

— Я ничего не могу вамъ сказать, эчеленца! Въ такихъ случаяхъ наши пеоны дѣйствуютъ всегда по своему усмотрѣнію, и мнѣ ничего не извѣстно о томъ, куда они могли угнать мои стада и табуны!

— Быть можетъ, вы успѣли перегнать ихъ черезъ границу?— съ бѣшенствомъ воскликнулъ главнокомандующій.

— Весьма возможно, что и такъ! Вѣдь прежде чѣмъ явились сюда вы и потребовали ихъ у меня во имя закона, они были моею неоспоримою собственностью, и я былъ въ правѣ располагать ими по своему усмотрѣнію!

— Прекрасно, прекрасно, сеньоръ! Знайте, что мы за вами строго слѣдимъ, и что я шутить не люблю!

— Какъ видно, всѣ эти черты голодны; смотрите, они набрасываются, какъ волки, даже на сырой виноградъ и роютъ изъ земли коренья, а хлѣба на нихъ не напастись!—говорили между собой люди сеньора Эрнесто.

— Да, не сегодня—завтра они двинутся дальше и уйдутъ отсюда!—утѣшалъ ихъ самъ гаціендеро.

Гости его безцѣльно бродили вокругъ дома, присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что дѣлалось вокругъ. Особенно усердно наблюдалъ за пришельцами Рамиро. Увидавъ на краю канавы, близъ опушки лѣса, стараго солдата съ пустою трубкою въ зубахъ, Рамиро, проходя мимо, предложилъ ему табаку.

Старикъ сталъ благодарить, и между ними завязался разговоръ. Рамиро присѣлъ подлѣ него на краю канавы и сначала молча слушалъ разсказъ о томъ, какъ они голодаютъ и терпятъ всякія лишенія, какъ въ цѣломъ Концито нельзя достать даже за деньги корки хлѣба.

— А долго вы тамъ были?

— Да цѣлые шесть мѣсяцевъ и все безъ прока! Мы слышали, что тамъ схоронены въ монастырскомъ саду несмѣтныя сокровища, и вотъ мы все искали ихъ, но увы! Всѣ наши труды и старанія пропали даромъ; мы работали, какъ каторжники, изрыли весь садъ. Еще вчера по утру мы въ послѣдній разъ избороздили длинными сѣтями и сачками все дно озера, обходили съ зажженными факелами и фонарями всѣ трещины и ущелья скалъ, но ничего ни нашли. Скрыто это сокровище въ монастырскомъ саду, и этотъ старый дряхлый монахъ, настоятель монастыря, братъ Альфредо, охраняетъ это сокровище, какъ вѣрный песъ; что бы мы ни дѣлали, всюду онъ ходилъ за нами слѣдомъ, и пока мы рыли и искали, стоялъ надъ нами и пѣлъ свои молитвы, вѣроятно, моля Бога, чтобы его сокровища не достались намъ. Чудакъ старикъ, а вѣдь онъ не сегодня—завтра умретъ и унесетъ съ собой въ могилу тайну этихъ сказочныхъ богатствъ!

— Развѣ онъ уже такъ старъ?

— Да очень старъ и дряхлъ! Онъ ходитъ не иначе, какъ опираясь на двухъ послушниковъ, и едва волочитъ ноги. Нашъ главнокомандующій тайно предлагалъ ему подѣлиться съ нимъ пополамъ, но этотъ старикашка не удостоилъ его даже отвѣтомъ и, какъ бы вовсе не замѣчая его превосходительства, повернулся къ нему спиною и пошелъ своей дорогой.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Знаешь, продолжалъ солдатъ,—ходитъ слухъ, что гдѣ-то шатается по-бѣлу свѣту настоящій законный владѣлецъ этихъ богатствъ, и что братъ Альфредо стережетъ эти сокровища для него. Хорошо-бы, если бы онъ явился и вступилъ во владѣніе наслѣдіемъ своихъ отцовъ; тогда-бы нечего было церемониться— вѣдь онъ не монахъ, не духовное лицо,—его-то я первый пристрѣлилъ-бы. Теперь у насъ война — одна человѣческая жизнь это сущій пустякъ, и цѣна ей грошъ, а между тѣмъ, если бы мнѣ посчастливилось это сдѣлать, я бы весь вѣкъ своей не зналъ ни горя, ни нужды!

Рамиро даже содрогнулся.

— Прощай, товарищъ, — сказалъ онъ солдату,—вонъ твой офицеръ идетъ! Мнѣ надо уходить, чтобы онъ насъ не видѣлъ вмѣстѣ!—и Рамиро проворно скрылся въ чащѣ лѣса.

Въ этотъ день вечеромъ, въ поздній часъ, Михаилъ и старый Филиппо вышли изъ дома, направившись къ водопаду. Старикъ былъ страшно суевѣренъ; какъ только рѣчь заходила о сверхъестественныхъ вещахъ, онъ разомъ оживалъ, глаза его разгорались и весь онъ словно преображался.

Остановясь на краю самороднаго бассейна, Филиппо сталъ объяснять Михаилу, по какимъ признакамъ легко узнать этотъ приворотный корешокъ, который онъ держалъ теперь въ своей рукѣ.

— Нашедшій этотъ корешокъ можетъ повелѣвать всѣми духами на небѣ, на землѣ и въ водѣ!—говорилъ онъ.

— О, Филиппо, призови русалокъ! — молилъ бѣдный помѣшанный.

— Смотри,—продолжалъ старикъ,—видишь ты этотъ корешокъ? Видишь широкій крестъ?

— Вижу! да... да... вижу!

— Видишь, на немъ распятаго, Его пронзенныя гвоздями руки и ноги, видишь ты все это? Вотъ въ чемъ и заключается его приворотная чудодѣйственная сила!

— Да, да!.. Слышишь ты, какъ вода журчитъ, какъ будто русалки гнѣваются на насъ!

— Онѣ поютъ! Прислушайся, какіе нѣжные, ласковые голоса!

— Да, да, поютъ! Пусть онѣ скажутъ мнѣ, здѣсь-ли Юзеффо! Это изгонитъ изъ моей головы тотъ жгучій огонь, который такъ давно жжетъ мнѣ мозгъ!

Не говоря ни слова, Филиппо, принялся чертить круги на землѣ и въ воздухѣ, затѣмъ сталъ произносить какія-то заклинанія.

Вдругъ, какъ изъ-подъ земли, появился подлѣ нихъ черное бородатое мужское лицо и чей-то голосъ спросилъ, — что вы здѣсь дѣлаете?

Михаилъ громко вскрикнулъ,—Юзеффо! Юзеффо! Онъ живъ! Русалки выпустили его опять на свободу! О, какъ я счастливъ! Какъ счастливъ!

Онъ хотѣлъ сдѣлать шагъ впередъ, но запрокинулся и упалъ навзничь, лишившись чувствъ.

Въ этотъ моментъ чернобородый незнакомецъ выхватилъ изъ рукъ Филиппо фонарь и хотѣлъ освѣтить имъ лицо старика, но тотъ съ удивительнымъ проворствомъ выбилъ фонарь изъ его рукъ, разбивъ его въ дребезги, и въ одно мгновеніе скрылся въ скалахъ.

— Измѣна!—крикнулъ бородатый брюнетъ,—Люди! Сюда, ко мнѣ!

Отовсюду стали сбѣгаться съ факелами и фонарями солдаты. Все въ домѣ и кругомъ разомъ ожило и засуетилось. Никто не зналъ, въ чемъ дѣло, но всѣ куда то бѣжали и спѣшили.

Наши друзья почуяли недоброе.

— Они сбѣгаются туда, къ вашей пещерѣ!—прошепталъ Бенно,—Боже правый, что если они найдутъ ваши запасы?

— На всякій случай я приму мѣры предосторожности, — сказалъ владѣлецъ помѣстья, — сеньоръ Рамиро, постарайтесь незамѣтно собрать всѣхъ моихъ людей и всѣхъ вашихъ товарищей туда, въ старую ригу, что у рѣки. Пусть всѣ немедленно соберутся туда. И сами вы останьтесь тамъ же съ ними, сейчасъ и мы съ Бенно придемъ туда!—добавилъ онъ.

Рамиро тотчасъ-же удалился.

— Я знаю здѣсь, по близости, еще одну пещеру, которой никто, кромѣ меня, не знаетъ.—сказалъ сеньоръ Эрнесто Бенно,— тамъ, въ случаѣ надобности, мы можемъ укрыться, и никто насъ не отыщетъ!

— Тамъ тоже есть запасы?—спросилъ Бенно.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, я не предвидѣлъ того, что случилось. Вода тамъ есть по близости, но болѣе ничего!

На порогѣ комнаты снова появился Рамиро.

— Сеньоръ, двоихъ изъ нашихъ не хватаетъ,—сказалъ онъ,— Михаила и Филиппо, не знаете-ли вы, куда они ушли?

Никто не зналъ. Вдругъ въ комнату вбѣжалъ, едва переводя духъ, Халлингъ.

— Бѣгите! спасайтесь! Бога ради, бѣгите, немедля!— воскликнулъ онъ,—ваши запасы найдены! Солдатамъ приказано немедленно окружить весь домъ, чтобы захватить васъ.

— Бѣгите, а то будетъ поздно!

Ночь была страшно темная. Бенно распахнулъ окно и, указывая на крышу веранды, сказалъ:

— Бѣгите, сеньоръ, этотъ путь безопаснѣе всякаго другого, бѣгите, а мы всѣ послѣдуемъ за вами!

Еще минута, и было бы уже поздно. Едва успѣли наши бѣглецы, подъ прикрытіемъ ночи, добраться до риги на берегу рѣки, гдѣ ихъ ожидали остальные, какъ въ домѣ блеснулъ огонекъ, другой: очевидно, гасіендеро искали по комнатамъ.

— Ищите! ищите его! — кричалъ солдатамъ главнокомандующій,—бочку вина тому, кто приведетъ его ко мнѣ!

Громкое «ура» раздалось въ отвѣтъ.

Между тѣмъ всѣ слуги дома, хозяинъ и гости осторожно и беззвучно, слѣдуя одинъ за другимъ, длинной вереницей направлялись къ пещерѣ, осторожно пробираясь между скалъ.

— Гдѣ-же Тренте?—спросилъ кто-то.

— Онъ пошелъ отыскивать Михаила,—сказалъ Обія,—я дождусь его, я непремѣнно разыщу его!

Вдругъ неподалеку раздался чуть слышный свистъ. Всѣ невольно содрогнулись, только Обія весело осклабился.

— Это Тренте!—шепнулъ онъ и отвѣчалъ тѣмъ же свистомъ



«Взобравшись въ нишу, Педрильо бросилъ горящую головню обратно на враговъ»... (къ стр. 123).

— Обія! Коста! Кто изъ васъ здѣсь? Помогите!

Однимъ прыжкомъ индѣецъ очутился подлѣ товарища, подхватилъ на руки безжизненное тѣло, которое тотъ несъ, и шепнулъ ему на ухо,—скорѣй! туда!

Проходила минута за минутой, люди ступали шагъ за шагомъ, двигаясь, точно тѣни, въ ночной темнотѣ. Но вотъ они, наконецъ, увидѣли передъ собою родъ узкой щели въ скалахъ, гдѣ-то близко, близко плескалась рѣка, но ея не было видно Пройдя шаговъ пятнадцать по этому коридору, они вступили въ довольно просторную ротонду, или круглую залу и здѣсь остановились.

Тренте и Обія опустили больного на землю; бѣдный мальчикъ смотрѣлъ на всѣхъ широко-раскрытыми глазами, повидимому, ничего не сознавая, и бормоталъ какія-то безсвязныя слова.

Всѣмъ было ясно, что бѣдный мальчикъ доживалъ послѣдніе часы своей жизни, но разставался съ нею безъ муки и страданій, въ какомъ радужномъ снѣ, съ блѣдной счастливою улыбкой на лицѣ.

— Гдѣ Юзеффо?—шепталъ онъ,—я его видѣлъ, слышалъ его голосъ... ахъ, какъ бы я хотѣлъ вновь услыхать пѣніе русалокъ... онѣ такъ дивно пѣли!..—и онъ впалъ въ забытье.

Рамиро опустился на землю подлѣ него, положилъ голову умирающаго къ себѣ на колѣни и, казалось, ловилъ каждое его слово. При имени Юзеффо, онъ невольно блѣднѣлъ и содрогался, и сердце его на мгновеніе замирало, а затѣмъ начинало биться съ удвоенной быстротой.

У ногъ владѣльца гасіенды что-то урчало и терлось, ласкаясь къ нему,—то былъ Карри, незамѣтно прокравшійся слѣдомъ за своимъ благодѣтелемъ и теперь ни на шагъ не отходившій отъ него. Плутонъ тоже былъ здѣсь, и это внушало не мало опасеній скрывавшимся здѣсь людямъ: собака могла залаять каждую минуту и выдать ихъ всѣхъ головой врагу. Солдаты шарили всюду и толпились такъ близко отъ этого мѣста, что можно было не только слышать ихъ голоса, но даже самыя слова.

— Нашъ эчеленца теперь рветъ и мечетъ! Хочется ему выпытать у этого гасіендеро, гдѣ у него припрятаны его чер-

вончики, да намъ-то что отъ того пользы? Мы, все равно, будемъ голодать или питаться старымъ саломъ, а всѣ эти припасы и денежки пойдутъ на долю начальства и офицеровъ, а мы-то все равно ни съ чѣмъ!.. Нѣтъ, братецъ, попадись мнѣ этотъ гасіендеро въ руки, дуракъ я буду, если представлю его главнокомандующему, а не самъ придушу его своими руками и буду душить до тѣхъ поръ, пока онъ не выдастъ мнѣ свои деньги. Эчеленца же даже и не узнаетъ объ этомъ!

— Но мы-то получимъ свою долю? Мы и силой возьмемъ!— загалдѣла толпа солдатъ.

— Не убивъ медвѣдя, шкуру не дѣлятъ!

— Ну, что, ничего не нашли?—освѣдомилась другая кучка солдатъ, подошедшая съ другой стороны.

— Ничего, а только они не далеко, здѣсь гдѣ-нибудь схоронились, это вѣрно! Я самъ видѣлъ,—заявилъ одинъ солдатъ,— какъ они утащили того молодого парня, котораго мы нашли въ безчувственномъ состояніи тамъ, у водопада!

— Ты видѣлъ! Такъ что же ты не преслѣдовалъ его?

— Это былъ краснокожій съ громаднымъ ножомъ въ зубахъ и страшными глазами; онъ взвалилъ его на плечи и бѣгомъ пустился вверхъ въ горы, а я былъ безоруженъ.

Съ веранды дома раздался сигнальный звукъ рожка.

— Сборъ!—воскликнулъ кто-то,—живо, ребята, теперь для насъ найдется сало и бобы!

— Тамъ найдено не мало и вина, и мяса, всего, что угодно, да только это не про насъ, гг. офицеры и начальство все себѣ приберутъ, а мы по прежнему будемъ грызть старое копченое или соленое сало!

— Брр! сало! Меня мутитъ при одной мысли. Идите, ребята, а я здѣсь подожду, мнѣ что-то неможется.

Солдаты, распущенные и не дисциплинированные, лѣниво поплелись на сборъ.

Теперь притаившіеся въ пещерѣ не слышали уже ничего болѣе, кромѣ свиста вѣтра, но, несмотря на то, имъ слѣдовало соблюдать крайнюю осторожность, такъ какъ кто-нибудь изъ солдатъ могъ находиться вблизи и заподозривъ, гдѣ они скры-

ваются, указать ихъ убѣжище товарищамъ. Въ пещерѣ было темно, только слабый лучъ свѣта проникалъ снаружи въ узкій длинный корридоръ, ведшій къ этой пещерѣ. Различать предметы было возможно, но только ввидѣ смутныхъ очертаній, подробности же совершенно исчезали.

У бѣглецовъ были при себѣ и карманныя свѣчи, и фонарики, и спички, но они опасались зажечь огонь, потому что свѣтъ могъ ихъ выдать врагу.

Въ моментъ бѣгства докторъ успѣлъ захватить и свою аптечку, и ящикъ съ инструментами. Это было весьма утѣшительно, такъ какъ теперь онъ имѣлъ возможность приготовить больному успокоительное питье.

Но даже здѣсь, въ пещерѣ, наши друзья не могли быть покойны: что если Михаилъ въ бреду вдругъ громко закричитъ, или Плутонъ, почуявъ чужого, залаетъ? Что если пума выскочитъ изъ пещеры порѣзвиться на вольномъ воздухѣ; вѣдь и она своимъ присутствіемъ могла выдать ихъ.

— Какъ я счастливъ! какъ я счастливъ! — тихо шепталъ умирающій,—Юзеффо живъ... я его видѣлъ, слышалъ его голосъ... все это былъ только тяжелый, страшный сонъ... теперь я вижу свой родной городъ... все залито розовымъ свѣтомъ... и ангелы поютъ хвалебную пѣснь...

— Я радуюсь только тому, что мой бѣдный Рамонъ теперь далеко и что онъ въ полной безопасности!—прошептала, набожно крестясь, жена Педро.

Хозяинъ гасіенды только вздохнулъ, но ничего не сказалъ.

Снаружи снова стали доноситься голоса.

— Ахъ, какъ мнѣ плохо, товарищъ, какъ меня знобитъ. .

— Да и мнѣ не легче твоего, я совсѣмъ заболѣлъ...

— Давай, попробуемъ добраться до костра, а то здѣсь такъ и околѣешь безъ призора.

Послышались тяжелые шаги, медленно удалявшіеся по направленію къ дому. Бенно прислушивался, вытянувъ впередъ шею.

— Надо посмотрѣть, что тамъ дѣлается, — сказалъ онъ,— я попытаюсь!

— Нѣтъ! нѣтъ!—остановилъ его сеньоръ Эрнесто.

— Я осмотрю окрестность, — сказалъ Обія,—меня бѣлые люди не съумѣютъ перехитрить!—и въ одно мгновеніе дикарь сбросилъ съ себя всю одежду и предсталъ въ своемъ первобытномъ нарядѣ.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ свисталъ и завывалъ въ горахъ и ущельяхъ. Беззвучно, точно ящерица, скользилъ индѣецъ между скалъ и по травѣ между деревьевъ. Спустя немного времени, онъ вернулся, заявивъ, что по близости нѣтъ ни души, и что говорить между собой они, во всякомъ случаѣ, могутъ, послѣ чего снова исчезъ.

— Куда это онъ опять исчезъ?—спросилъ кто-то.—Ужъ не пошелъ-ли онъ раздобыть намъ чего-нибудь изъ пищи?

Дѣйствительно, по прошествіи получаса времени Обія возвратился, нагруженный восемью ружьями и столькими же сумками съ патронами и зарядами.

Тренте и Бенно подскочили къ нему и помогли ему снять его ношу.

— Испанцы всѣ перепились, изъ нихъ нѣтъ ни одного трезваго,—сказалъ Обія,—они разгромили склады, завладѣли бочками, произвели настоящій бунтъ; ихъ вожди должны сидѣть въ домѣ и спокойно смотрѣть, какъ солдаты упиваются виномъ, и дѣло доходитъ до кровавыхъ схватокъ.

— Я бы желалъ, чтобы солдаты еще въ эту ночь разгромили все, что они не въ состояніи съѣсть.

— Однако, мнѣ мѣшкать здѣсь нѣкогда,—съ нѣкоторой важностью сказалъ Обія, — Тренте, пойдемъ со мной, ты мнѣ поможешь!

— Я готовъ! — отозвался тотъ и направился къ выходу пещеры.

— Стой! Куда ты? Въ этомъ бѣломъ платьѣ ты свѣтишься во мракѣ ночи, какъ луна. Тебя за версту видно! Живо снимай все это!

— Какъ! Ты хочешь, чтобы я вышелъ нагишемъ, какъ ты, точно какой-то дикарь!

— Ишь, какъ заважничалъ!—засмѣялся Обія,—ты не за-

бывай, что твоя бабушка еще ѣла человѣческое мясо, а моя и прабабка этого не дѣлала!

Теперь Тренте не сталъ уже разсуждать, а, проворно сбросивъ съ себя все, предсталъ въ своемъ натуральномъ видѣ и вышелъ вслѣдъ за Обія изъ пещеры.

— И вамъ можно, если хотите, выглянуть изъ пещеры здѣсь, по близости, нѣтъ ни души!—сказалъ Обія, уходя.

Сеньоръ Эрнесто и Бенно подошли къ выходу и стали смотрѣть на происходившее вокругъ. Тамъ, на опушкѣ лѣса, былъ разложенъ большой костеръ, и горѣло множество факеловъ, при свѣтѣ которыхъ шла дикая попойка; одни пѣли, другіе плясали; очень многіе лежали и стонали, изнемогая отъ боли и страданій, но никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Еще и еще разъ возвращался и уходилъ Обія и каждый разъ онъ и Тренте, а затѣмъ и Коста, и другіе краснокожіе, присоединившіеся къ нимъ, приносили къ пещерѣ цѣлые грузы оружія, ружей, сабель и пистолетовъ и безчисленное множество патронташей. Обія не хотѣлъ удовольствоваться тѣмъ, что каждый изъ находящихся въ пещерѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи по ружью, по саблѣ, по кинжалу и множество зарядовъ, но хотѣлъ еще окончательно обезоружить испанцевъ, и пока онъ и другіе краснокожіе сносили все это къ пещерѣ, Бенно, сеньоръ Эрнесто, Халлингъ и Педрильо сбрасывали все излишнее оружіе, порохъ, пули и готовые снаряды въ рѣку, которая журча катила по нимъ свои волны. Краснокожіе, какъ извѣстно, почти никогда не смѣются, но теперь Обія, присѣвъ на корточки у входа въ пещеру, весело смѣялся при мысли, что испанцы безоружны, какъ дѣти, и что никто изъ нихъ не видѣлъ и не замѣтилъ, какъ онъ цѣлыми десятками уносилъ ихъ ружья, сабли и снаряды.

— Ну, теперь пусть они явятся сюда,—говорилъ онъ,— мы встрѣтимъ ихъ такой пальбой, что имъ не сдобровать!

— Неужели ты думаешь, что ты обезоружилъ весь отрядъ?

— Да! да! У нихъ нигдѣ больше не осталось оружія.

— Но послушай, Обія, у нихъ, быть можетъ, часть его была спрятана въ домѣ, оружіе ихъ вождей во всякомъ слу-

чаѣ еще находится въ ихъ распоряженіи; кромѣ того, будь они даже дѣйствительно совершенно безоружны, они могутъ осаждать насъ здѣсь и заморить насъ голодомъ, если только узнаютъ, гдѣ мы отъ нихъ скрываемся.

Немного спустя, Обія снова направился къ выходу.

— Куда же ты опять?

— Солдаты играютъ апельсинами въ мячи, сотни этихъ плодовъ валяются на землѣ, я хочу собрать ихъ: все же женщины и больной прохладятся ими, кромѣ того изъ кожи каждаго апельсина мы получимъ по двѣ чарки, чтобъ черпать воду, и намъ не надо будетъ мочить наши шляпы въ рѣкѣ.

— Какой ты, право, находивый, Обія!—сказалъ Бенно,— безъ него мы положительно погибли бы въ лѣсныхъ дебряхъ, онъ же все знаетъ, все умѣетъ и придумаетъ.

— Пойдемъ, Тренте!—сказалъ Обія.

Но въ этотъ моментъ съ опушки лѣса взвилась высоко яркая ракета какъ разъ позади пьянствующей толпы солдатъ.

— Это сигналъ какого-нибудь перуанскаго шпіона,—сказалъ сеньоръ Эрнесто.—Скорѣе уходите въ глубь пещеры! Быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ здѣсь будутъ перуанскія войска, и произойдетъ битва!

— О, тогда мы спасены!

Въ лагерѣ все закопошилось, загомонило; испанцы разомъ какъ будто протрезвились, повскакали на ноги, спотыкались другъ на друга, кричали. Офицеры и начальство выбѣжали изъ дома: теперь уже никто не удерживалъ ихъ, не преграждалъ имъ дороги. Всѣ кинулись къ сараю, гдѣ было сложено оружіе, но оружія здѣсь не оказалось; все было унесено. Крикъ бѣшенства вырвался изъ десятковъ грудей.

— Врагъ! врагъ сдѣлалъ это, онъ притаился гдѣ-нибудь здѣсь. А мы всѣ безоружны!

— Ну, вотъ!—съ яростью кричалъ главнокомандующій,— такъ пусть же всѣ васъ перерѣжутъ, какъ телятъ! Я умываю руки!

— Всѣмъ собраться въ ограду сада!—приказалъ главнокомандующій,—разставить часовыхъ и раздать имъ пистолеты, которые еще найдутся у насъ. Съ разсвѣтомъ должны явиться наши раз-

вѣдчики, и тогда мы обыщемъ всѣ скалы, гдѣ-нибудь да запрятался же этотъ гасiендеро. Мы его вытащимъ, и тогда все почтенное общество вздернемъ на висѣлицы, прежде чѣмъ двинемся дальше!

Полупьяные и даже совсѣмъ пьяные солдаты стекались со всѣхъ сторонъ подъ защиту изгороди, бормоча молитвы, и, дрожа отъ суевѣрнаго страха, ожидали разсвѣта.

IX.

Успѣшные поиски.—Осада.—Отчаянная борьба.—Кончина безумнаго.—Раненъ за друга.—Отступленiе испанцевъ.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра; тонкiя струйки воды проникали сквозь трещины и расщелины скалы въ пещеру. Холодный вѣтеръ врывался то съ той, то съ другой стороны. Въ пещерѣ, несмотря на то, что уже разсвѣло, по прежнему царилъ полумракъ, такъ какъ солнце скрывалось за тучами.

Педрильо и Халлингъ смѣняли нѣсколько разъ Рамиро у изголовья умирающаго, потому что Рамиро самъ нуждался въ поддержкѣ болѣе, чѣмъ Михаилъ. Онъ разомъ постарѣлъ на десятокъ лѣтъ: густые темные волосы его подернулись частой сѣдиной, живое смуглое лицо было безжизненно и мертвенно сѣро, глаза тусклы, и во всѣхъ движенiяхъ ясно чувствовалось полнѣйшее изнеможенiе. На взглядъ это былъ уже старикъ, а еще день тому назадъ Рамиро былъ бодрый, энергичный и здоровый мужчина, въ полномъ расцвѣтѣ силъ.

Измученные, обезкураженные, всѣ притихли и примолкли, только женщины тихо плакали въ уголку, утираясь фартуками. Между тѣмъ снаружи начинали доноситься голоса, испанцы сходились около того мѣста, гдѣ находилась пещера.

— Ребята, теперь приказано обыскать всѣ скалы и закоулки. Днемъ намъ легче будетъ отыскать ихъ. Да вотъ постойте, я придумалъ кое что!

— А что такое?

— Подождите, сейчасъ увидите! Смотрите, адъютантъ опять ужъ роется въ сѣнѣ, онъ всю ночь не спалъ, вездѣ ша-

рилъ и рылся, все хочетъ найти хозяйскій кошель съ день гами и припрятать его себѣ за пазуху, ты его знаешь!

— Шштъ! вонъ идетъ нашъ главнокомандующій со всѣмъ своимъ офицерствомъ, что-то будетъ!

— Всѣ скалы и горы, обысканыя вплоть до господскаго дома, и нигдѣ не найдено ни одной кошки; бѣглецы должны быть гдѣ-нибудь здѣсь, ребята! Ищите ихъ, и если вы доставите ихъ мнѣ живьемъ, я, такъ и быть, забуду о вчерашнихъ безпорядкахъ и не наложу на васъ никакихъ взысканій!

Громкое «ура» было ему отвѣтомъ, и солдаты гурьбой разсыпались во всѣ стороны.

— Плутонъ! Плутонъ! сюда!—вдругъ крикнулъ кто-то изъ солдатъ.—Это, вѣроятно, и былъ тотъ хитрый пріемъ, который придумалъ солдатъ, похвалявшійся тѣмъ, что онъ придумалъ нѣчто.

Собака отозвалась на это короткимъ глухимъ лаемъ, прежде чѣмъ кто-либо изъ заключенныхъ успѣлъ подскочить къ ней и заставить ее молчать.

Восхищенный удачей солдатъ повторилъ свой призывъ, но на этотъ разъ Плутонъ не откликнулся; быть можетъ, строгій взглядъ или жестъ его господина теперь остановили умное животное.

— Все равно, братецъ,—воскликнулъ торжествующій начальникъ,—теперь эти мерзавцы не уйдутъ отъ насъ. Не лѣзьте на проломъ, мы имѣемъ возможность заставить ихъ сдаться, проморивъ голодомъ, этого всего проще!

Ободренные первой удачей, солдаты стали шарить, стучать и обходить вокругъ каждой скалы, каждаго камня. И вотъ одинъ изъ нихъ, конечно, случайно очутился у самаго входа въ пещеру. Нѣсколько ружейныхъ стволовъ, направленныхъ ему на встрѣчу, заставили его тотчасъ же отскочить въ сторону.

— Они засѣли здѣсь! Нашелъ!—крикнулъ онъ остальнымъ.

— Впередъ! впередъ!—скомандовалъ начальникъ,—тащите ихъ сюда! Гасіендеро доставьте мнѣ живымъ, во что бы то ни стало!

— Ну, конечно!—пробормоталъ сквозь зубы одинъ сол-

датъ,—тебѣ вѣдь нужно выпытать у него, гдѣ припрятаны его капиталы, такъ на что же покойникъ-то нуженъ!

Два три солдата осмѣлились приблизиться къ входу въ пещеру, разсчитывая захватить осажденныхъ врасплохъ, но четыре дружныхъ выстрѣла раздались изъ пещеры, и четверо солдатъ опрокинулись навзничь. Встревоженный шумомъ выстрѣловъ Карри выскочилъ изъ пещеры и, завидѣвъ наступавшихъ на него людей, вцѣпился въ горло одному изъ нихъ. Тотъ захрипѣлъ, но въ то же время успѣлъ своимъ кинжаломъ распороть брюхо бѣдному животному, которое стояло, обливаясь кровью, и подохло тутъ же на мѣстѣ.

— Карри! Карри!—почти застоналъ сеньоръ Эрнесто.

Старый Педро, не помня себя отъ злобы, далъ выстрѣлъ и разомъ уложилъ того злодѣя, который былъ причиною смерти ихъ общаго любимца.

Теперь солдаты уже не такъ рѣшительно шли на приступъ.

— Мы не мишени, чтобы такъ подставлять себя подъ выстрѣлы!—ворчали они,—это какая-то бойня, а не сраженіе!

— Ваше превосходительство,—сказалъ адъютантъ графъ Лунаръ, подходя къ главнокомандующему и держа руку подъ козырекъ, — осмѣлюсь доложить, что солдаты не рѣшаются больше пытаться проникнуть въ пещеру; эти бунтовщики стрѣляютъ безъ промаха, разрѣшите прибѣгнуть къ другому средству!

— Вы предлагаете принудить ихъ къ сдачѣ голодомъ?

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ долго, и при томъ же у нихъ, быть можетъ, и здѣсь есть запасы, которыхъ можетъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Я предложилъ бы развести передъ входомъ въ пещеру костеръ изъ смоляныхъ факеловъ и зеленыхъ сучьевъ; ѣдкій дымъ скорѣе голода принудитъ ихъ къ сдачѣ.

— Да, графъ, это блестящая мысль! Распорядитесь привести ее въ исполненіе!

И вотъ въ одну минуту закипѣла работа; со всѣхъ сторонъ тащили смоляные факелы, зеленыя вѣтви и сучья молодыхъ персиковыхъ деревьевъ. Груда росла съ каждой минутой.

Осажденные молча переглянулись. Тренте, не сказавъ ни-

кому ни слова, сбросилъ съ себя одежду, смочилъ ее всю въ водѣ, затѣмъ посовѣтовалъ и остальнымъ сдѣлать то же.

— Надо постараться притушить пламя, пока оно еще не успѣло разгорѣться,—сказалъ онъ,—мы забросаемъ ихъ костеръ мокрымъ платьемъ, и это помѣшаетъ ему разгорѣться!

Между тѣмъ Обія сговаривался о чемъ-то съ Педро.

— Ты, бѣлый человѣкъ, встанешь здѣсь, за выступомъ скалы, у самаго входа, а четверо другихъ встанутъ за тобой, будутъ постоянно заряжать ружья и передавать тебѣ, а ты стрѣляй въ каждаго солдата, который принесетъ сюда охапку хвороста, понимаешь?

— А ты, обратился, онъ къ Педрильо,—ты можешь продѣлывать всякія штуки, можешь ты взобраться туда, вонъ на этотъ выступъ скалы?

— Могу!—сказалъ Педрильо, взглянувъ вверхъ и измѣривъ глазами высоту.

— Такъ влѣзь туда и бросай на головы нападающимъ каждую головню, которую я передамъ тебѣ!

Легкимъ, граціознымъ прыжкомъ взобрался Педрильо въ самородную нишу надъ входомъ въ пещеру, имѣвшую наружу родъ слухового окна.

— Они идутъ!—шепнулъ онъ индѣйцу, предварительно выглянувъ изъ слухового окна.

— Ты хорошо придумалъ, Обія, это прекрасная позиція, отсюда можно все видѣть, что дѣлается тамъ, внизу!

Спустя минуту, первая горящая головня, брошенная врагами, описавъ дугу, упала въ пещеру къ ногамъ Обіи. Тотъ спокойно поднялъ головню и подалъ ее акробату.

— На, чужеземецъ, передай привѣтъ дальше!—сказалъ онъ.

Педрильо, скрѣпя сердце, исполнилъ, что ему было сказано: не легко вѣдь бросать горящую головню на голову людямъ. Но дѣлать было нечего, побѣдители тоже не стали бы церемониться съ ними, попадись они только имъ въ руки. Самыя ужаснѣйшія пытки выпали бы на долю бѣднаго гасіендеро и служащихъ у него женщинъ и дѣтей.

Педрильо бросилъ удачно. Съ трескомъ и шипѣньемъ вле-

тѣла горящая головня въ ряды солдатъ. Крикъ ужаса огласилъ воздухъ при этой страшной неожиданности. Одному солдату ожгло руки, другому лобъ, третьему волосы, но никого серьезно не поранило и не убило. Испанцы положительно ревѣли отъ бѣшенства, они освирѣпѣли, какъ звѣри, и съ удвоеннымъ озлобленіемъ швыряли въ пещеру горящіе факелы и головни, которые сыпались обратно имъ на головы. Но число нападающихъ росло и увеличивалось съ каждой минутой, и защитники пещеры сознавали, что ихъ силы слабѣютъ и истощаются.

Дымъ, чадъ и смрадъ наполняли пещеру. Время отъ времени раздавался выстрѣлъ: то Педро стрѣлялъ въ каждаго непріятеля, отваживавшагося подойти слишкомъ близко ко входу въ пещеру.

Между тѣмъ Рамиро, склонясь надъ Михаиломъ, съ замирающимъ сердцемъ сознавалъ, что бѣдный мальчикъ доживаетъ послѣднія минуты.

— Юзеффо здѣсь!.. Онъ говоритъ о васъ, сеньоръ Рамиро... смотрите, онъ протягиваетъ вамъ руку и хочетъ пожать вашу...

— Молчи! молчи!—дрожащими губами молилъ его Рамиро,— тебѣ нуженъ покой... засни, мой бѣдный мальчикъ!

— Ахъ, сеньоръ, Юзеффо здѣсь... онъ... онъ шлетъ вамъ поклонъ... да... вамъ... сеньоръ... Ра...—послѣдняго слова онъ не договорилъ. Блѣдное лицо его откинулось назадъ, а губы остались неподвижны, взглядъ потухъ. Все было кончено. Рамиро опустилъ голову умершаго на землю и накрылъ ему лицо платкомъ, затѣмъ, съ помощью Халлинга, отнесъ его въ дальній уголокъ пещеры и, опустившись на колѣни подлѣ покойника, молча склонился надъ нимъ, какъ бы не сознавая ничего, что происходило вокругъ. Ему не стали мѣшать и оставили его въ покоѣ. Все равно, этотъ надломленный, пришибленный глубокимъ горемъ человѣкъ не былъ пригоденъ для борьбы и общаго дѣла защиты.

— Надо скорѣй покончить съ этимъ!—раздражительно прозвучалъ голосъ молодого графа Лунаръ.—Эй, ребята, влѣзай на верхъ и лей имъ на головы въ щели и трещины горящую смолу. Это, надѣюсь, лучше подѣйствуетъ на нихъ!

Но это предложеніе не встрѣтило всеобщаго одобренія.

— Я хочу, чтобы мнѣ этого негодяя владѣльца гаціенды доставили живымъ,—сказалъ главнокомандующій,—а сжечь его мы можемъ и послѣ!

Юркій, маленькій адъютантъ былъ въ глубинѣ души другого мнѣнія, но что могъ онъ сказать?! Ему, конечно, мало было пользы отъ того, если начальству удастся выпытать, гдѣ находятся деньги землевладѣльца, потому что тогда на его долю, на долю графа Лунаръ, вѣроятно, не пришлось бы ничего.

Явились лѣстницы, и нѣкоторые изъ солдатъ стали взбираться на скалу.

— Ура!—крикнулъ одинъ изъ нихъ,—вотъ громадная трещина!.. Но дальше онъ не могъ договорить: мѣткая пуля тутъ же уложила его на мѣстѣ. Послѣ него ни одинъ не отважился подойти къ этому опасному мѣсту.

— Нашихъ двѣнадцать человѣкъ убито!—сказалъ кто-то,—это настоящіе черти!

— Но отступить теперь постыдно, надо ихъ взять, во что бы то ни стало!

— Ребята тамъ, на рѣкѣ, есть двѣ лодки; попробуемъ сдѣлать нападеніе со стороны рѣки: изъ этой пещеры есть ходъ и на рѣку, оттуда, быть можетъ, легче будетъ ихъ донять!

Десятка два солдатъ бросились къ лодкамъ, а оставшіеся продолжали метать въ пещеру горящіе факелы и головни. У осажденныхъ слезились глаза отъ ѣдкаго дыма; дышать становилось все труднѣе и труднѣе. У Обіи и Педрильо не хватало уже силъ продолжать свой маневръ, и ихъ пришлось на время замѣнить другими.

— Доступа со стороны рѣки мы не съумѣемъ преградить,—сказалъ сеньоръ Эрнесто,—они ворвутся сюда, и тогда все будетъ кончено!

— Но вы не думайте сдавать имъ нашу крѣпость! Все равно, никто не останется живъ: испанцы никого не пощадятъ теперь!

— Да потому-то я и хочу выкинуть бѣлый флагъ, и при условіи, что ихъ начальникъ обѣщаетъ мнѣ даровать жизнь всѣмъ остальнымъ, я предамъ себя въ его руки!

— Нѣтъ, этого не будетъ! Мы никогда не согласимся допустить васъ до такого поступка, лучше всѣмъ умереть!—горячо воскликнулъ Бенно.

— Я старъ, и жизнь моя не имѣетъ особой цѣны, ваша много дороже; лучше спасти ее и жизнь другихъ людей цѣной моей!

— Ахъ, что вы говорите! Обо мнѣ никто не будетъ горевать, я никому не нуженъ, а добрый отецъ Эрнесто, какъ васъ называютъ окрестные индѣйцы, добрый отецъ Эрнесто нуженъ для счастья многихъ десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ людей!

Гасіендеро отыскалъ въ полутьмѣ наполненной дымомъ пещеры руку своего молодого собесѣдника и, крѣпко сжимая ее въ своихъ, сказалъ молящимъ, растроганнымъ голосомъ:

— Ахъ, Бенно, повторите еще разъ это слово «Отецъ Эрнесто»! Повторите его еще!

Юноша повторилъ.

— Да, да, я могу васъ увѣрить, что индѣйцы именно такъ называютъ васъ!

— Нѣтъ, сдаваться не надо! Никакая жертва ни къ чему не послужитъ! Надо стараться продержаться еще нѣкоторое время!—сказалъ Халлингъ,—у меня все не выходитъ изъ головы та ракета, которая такъ напугала испанцевъ!

— Ахъ, какъ знать, чей это сигналъ! Быть можетъ, это другой отрядъ испанцевъ.

— Нѣтъ, что-то говоритъ мнѣ, что это наше спасеніе!—сказалъ Халлингъ, настаивая на своемъ мнѣніи.

— Вотъ! вотъ они!—раздалось вдругъ среди защитниковъ пещеры.

Женщины, дѣвушки и дѣти съ крикомъ кинулись въ противоположную сторону. Произошло всеобщее смятеніе; окликали другъ друга, не получая отвѣта; одни устремлялись къ входу, другіе бѣжали въ глубь пещеры. Въ этотъ моментъ раздалось разомъ нѣсколько выстрѣловъ; испанцы расчищали себѣ дорогу.

Но Обія и Тренте уже схватили одинъ изъ громадныхъ осколковъ скалы, валявшихся повсюду въ пещерѣ, и соединенными усиліями и не взирая на пистолетныя пули, со всей силы

бросили его въ ближайшую лодку въ тѣсные ряды нападающихъ испанцевъ, не умѣвшихъ управляться съ лодками.

Двоихъ изъ нихъ этотъ осколокъ уложилъ на мѣстѣ, а тѣ своимъ паденіемъ нарушили равновѣсіе лодки, и послѣдняя перевернулась, такъ что всѣ находившіеся въ ней очутились въ водѣ.

— Давайте скорѣе другой камень! —крикнулъ Тренте.

Испанцы ругались и кричали, что было мочи. Тѣ изъ нихъ, что находились во второй лодкѣ, безъ толку стрѣляли въ скалы.

Индѣйцы швырнули другой обломокъ скалы во вторую лодку, но на этотъ разъ имъ не удалось пустить ее ко дну, а между тѣмъ одна изъ ихъ пуль ранила Обія въ руку.

Бѣдняга не издалъ ни стона, ни звука, но всѣ видѣли, что бороться далѣе у него не хватитъ силъ. Тренте одинъ не въ состояніи былъ поднять такихъ тяжелыхъ камней, остальные же были заняты у другого входа, гдѣ осаждающіе не переставали бомбардировать ихъ горящими головнями. Вслѣдствіе этого двумъ или тремъ солдатамъ удалось таки, наконецъ, высадиться и ворваться въ пещеру со стороны рѣки.

Сеньоръ Эрнесто, видя это, бросился впередъ и крикнулъ: — Я сдаюсь!

Солдаты грубо расхохотались.

— Теперь поздно! Ребята, хватай его!

Но теперь уже было поздно хватать: въ одинъ моментъ четверо смѣлыхъ и рѣшительныхъ борцовъ окружили гасіендеро, готовые защищать его цѣною своей жизни. Рамиро, Халлингъ, докторъ и Бенно держали ружья на готовѣ, и всякій кто бы подступился ближе, палъ бы замертво подъ ихъ выстрѣлами.

Ворвавшіеся непріятели и защитники гасіендеро съ минуту молча глядѣли другъ другу въ глаза съ одинаково вызывающимъ видомъ, какъ вдругъ со двора донесся сигнальный звукъ рожка. Трубили тревогу и сборъ. Но изъ присутствующихъ въ пещерѣ никто въ первый моментъ не слыхалъ сигналовъ. Одинъ изъ испанцевъ, незамѣтно подкравшись сзади, готовъ былъ ужъ нанести владѣльцу помѣстья здоровый ударъ по головѣ рукояткой своего пистолета, чтобы не убить, но на

время оглушить его, какъ вдругъ Бенно бросился между нимъ и своимъ новымъ пріятелемъ, и ударъ, предназначавшійся последнему, пришелся по лбу молодому человѣку. Широко раскинувъ руки, мальчикъ запрокинулся и грузно повалился навзничь

— Бенно! Боже правый!—воскликнулъ душу раздирающимъ голосомъ сеньоръ Эрнесто.

Но вотъ опять раздался сигналъ, громче и ближе, и на этотъ разъ испанцы услыхали его; они вдругъ точно очнулись отъ какого-то опьянѣнія, точно всѣ разомъ пришли въ себя.

— Сборъ! Тревога! — сорвалось у нихъ съ губъ. Изъ сада уже не кидали горящихъ головней, тамъ все вдругъ опустѣло

— Іеронимо! Мигуэль! да гдѣ вы?

Ворвавшіеся въ пещеру солдаты всѣ устремились къ выходу. Барабанная дробь и звуки сигнальной трубы оглушительно раздавались въ воздухѣ, врываясь и въ пещеру.

Спустя минуту, ни одного солдата не оставалось въ пещерѣ.

Наступила томительная тишина. Ставъ на колѣни, сеньоръ Эрнесто держалъ обѣими руками голову Бенно. Мальчикъ былъ совершенно безъ сознанія, но докторъ, осмотрѣвшій его, успокоилъ гасіендеро, увѣряя, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, и что Бенно скоро придетъ въ себя. Слова доктора скоро оправдались.

— Гдѣ же испанцы? Отчего здѣсь такъ тихо? — спросилъ Бенно, открывъ глаза.

— Ахъ, Бенно! Боже правый, благодарю Тебя! — воскликнулъ сеньоръ Эрнесто, — онъ живъ! Вы не очень страдаете, Бенно?—тревожно обратился онъ къ мальчику.

Тотъ улыбнулся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—завтра я и думать объ этомъ забуду, но гдѣ же наши враги?

Между тѣмъ Тренте успѣлъ уже побывать въ саду и во дворѣ и теперь вернулся сообщить, что испанцевъ нѣтъ и въ поминѣ, точно вѣтромъ развѣяло.

— Ужъ не военная-ли это хитрость, чтобы выманить насъ изъ пещеры?

— Нѣтъ, нѣтъ, нигдѣ нѣтъ ни души, — они, какъ видно,



«Долой испанцевъ!—крикнулъ мчавшійся впереди индѣецъ»...
(къ стр. 133).

сами чего-то испугались и бѣжали отсюда. Ахъ, если бы вы видѣли, на что похожъ вашъ садъ!—съ глубокимъ сожалѣніемъ добавилъ Тренте.

— Ну, это не бѣда! Все это дѣло поправимое, пойду-ка я, посмотрю, что въ домѣ дѣлается!

— Нѣтъ, — сказалъ Обія, которому докторъ успѣлъ уже сдѣлать перевязку,—нѣтъ, ни одинъ бѣлый не выходи отсюда, это, быть можетъ, еще опасно, пойду я и Тренте!

Краснокожіе вышли, чтобы окольными путями пробраться въ домъ, а Педрильо, выглянувъ изъ своего слухового окна, заявилъ, что нигдѣ кругомъ не видно не только испанцевъ, но даже и палатки ихъ лагеря исчезли, а также и обозъ; очевидно, на возвращеніе испанцевъ въ скоромъ времени нечего было разсчитывать.

Немного спустя, Обія и Тренте вернулись.

— Въ домѣ оставалось еще двое солдатъ,—сказалъ Тренте,— мы ихъ заперли въ погребѣ, откуда они никуда не уйдутъ. Въ домѣ все переломано, все перебито, и стекла, и зеркала, и стулья, и столы—точно послѣ пожара!

— Все это не бѣда, все дѣло поправимое! Но пойдемте въ домъ, все же тамъ, можетъ быть, найдется хоть одна комната, гдѣ, разостлавъ солому, мы хоть немного отдохнемъ.

Всѣ двинулись къ выходу. Мужчины держали на всякій случай свои ружья наготовѣ, двое изъ нихъ осторожно несли тѣло покойнаго Михаила, а Педро поднялъ и несъ въ домъ убитую испанцами пуму. Дѣйствительно, садъ былъ въ самомъ плачевномъ видѣ, все было изрыто, поломано, истоптано.

Веранда была тоже наполовину разрушена, крыша съ нее сорвана, стекла перебиты, сушеные плоды, маисъ, и другое зерно все разсыпано по полу и по землѣ.

По приказанію хозяина дома Тренте и еще нѣсколько другихъ привели двухъ плѣнныхъ испанскихъ солдатъ въ гостиную нижняго этажа, гдѣ имъ предстояло подвергнуться допросу.

— Куда ушелъ вашъ полкъ? — спросилъ сеньоръ Эрнесто.

— Въ горы! Мы принуждены были бѣжать, такъ какъ наши

развѣдчики увѣдомили насъ, что сюда идетъ большой отрядъ перуанскихъ войскъ и индѣйскихъ добровольцевъ.

— Почему же вы остались здѣсь?

— Намъ было приказано разыскать адъютанта его превосходительства, котораго въ моментъ отступленія нигдѣ нельзя было найти.

— Ну, а что у васъ въ этихъ раздутыхъ карманахъ?

Испанцы, видимо, сконфузились.

— Это... это... въ военное время... знаете-ли...

— Часто случается, что крадутъ серебро! — говорилъ за нихъ самъ хозяинъ дома,—ну, да! Но иногда приходится и выдавать обратно накраденное. Выложите-ка все это сюда на столъ!

Тѣ начали выкладывать цѣлыя дюжины серебряныхъ ложекъ, вилокъ, ножей и еще многіе другіе предметы.

Когда карманы ихъ оказались пустыми, солдаты продолжали стоять, уныло опустивъ головы, въ ожиданіи заслуженнаго наказанія.

Сеньоръ Эрнесто указалъ имъ на дверь.

— Ну, а теперь маршъ вонъ! — сказалъ онъ.

— Какъ? Неужели ваше превосходительство разрѣшаетъ намъ уйти? Неужели...

— Ну, да! И какъ можно скорѣе, видъ вашихъ мундировъ раздражаетъ насъ!

Обмѣнявшись между собой быстрымъ выразительнымъ взглядомъ, оба солдата, точно настеганные, выбѣжали изъ дверей и пустились бѣжать, что было мочи, по пыльной проѣзжей дорогѣ, гдѣ вскорѣ совершенно скрылись изъ вида.

— Теперь пойдемте и посмотримъ, что у насъ дѣлается наверху!—сказалъ хозяинъ дома.

Вдругъ до слуха всѣхъ присутствующихъ донесся ужасный, душу раздирающій человѣческій крикъ. Всѣ невольно содрогнулись. Что бы это могло быть? — невольно спросилъ себя каждый.

— Это со стороны водопада! — сказалъ Бенно.

— Тамъ эта страшная пропасть, — прошепталъ, какъ бы про себя, Рамиро,—я пойду и посмотрю!

— Тому, кто туда провалился, нѣтъ никакой возможности помочь!—грустно сказалъ сеньоръ Эрнесто.

Рамиро вышелъ, а всѣ остальные оставались неподвижны, точно окаменѣлые. Никто не проронилъ ни единаго слова до самаго возвращенія Рамиро.

Онъ молча вошелъ и также молча положилъ на столъ передъ хозяиномъ офицерскую фуражку и сорванный орденъ, который всѣ они видѣли на молодомъ адъютантѣ. Рамиро былъ страшно блѣденъ, онъ прислонился къ притолкѣ двери и закрылъ глаза.

— Гдѣ вы это нашли?

— На краю пропасти. Я бросилъ въ нее камень, но до меня не донеслось ни малѣйшаго звука.

Сеньоръ Эрнесто содрогнулся.

— Судъ Божій совершился!--сказалъ онъ и осѣнилъ себя крестомъ.

X.

Перуанскіе борцы за свободу.—Походъ и рѣшительное сраженіе.—Кузнецъ изъ Концито.—Взятіе города.

Ночь прошла спокойно. Всѣ спали крѣпкимъ сномъ послѣ мучительной осады, подорвавшей силы большинства осажденныхъ.

У Бенно былъ легкій жаръ; онъ временами бредилъ и тревожно метался изъ стороны въ сторону.

— Дорогой докторъ, вѣдь это не опасно?—каждые четверть часа справлялся сеньоръ Эрнесто и всякій разъ получалъ успокоительный отвѣтъ.

— Вѣдь онъ получилъ ударъ за меня, онъ нарочно подвернулся, чтобы ударъ миновалъ меня!

— Да, конечно, Бенно чудный мальчикъ, я его очень люблю!

— И я тоже!—сказалъ гасіендеро.

Рамиро тоже тихонечко подкрался къ изголовью больного.

— Скажите, докторъ, вѣдь этотъ случай не представляетъ ничего серьезнаго?

— Ну, еще васъ не доставало, идите вы себѣ, ложитесь

спать, вѣдь на васъ лица нѣтъ, а Бенно совершенно здоровъ, можете быть спокойны!

Подъ утро всѣ обитатели дома были пробуждены топотомъ, коней, отъ котораго дрожала земля. Въ первую минуту всѣми овладѣлъ невольный страхъ: впечатлѣнія недавняго погрома были еще слишкомъ свѣжи въ памяти у всѣхъ. Но вскорѣ оказалось, что то былъ многочисленный отрядъ конныхъ индѣйцевъ, возставшихъ на защиту Перу и дѣйствующихъ за одно съ добровольцами-перуанцами.

Всѣ вышли на террасу привѣтствовать эту шумную пеструю толпу. Они неслись, какъ вихрь, на своихъ маленькихъ коняхъ, въ яркомъ уборѣ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, безъ всякихъ признаковъ одежды, съ большими луками и колчанами за спиной, съ длинными копьями на перевѣсъ.

Съ пронзительнымъ воинственнымъ крикомъ подскакала тысяча нагихъ воиновъ къ дому сеньора Эрнесто.

— Да здравствуетъ Перу! Долой испанцевъ! — крикнулъ одинъ изъ нихъ, мчавшійся впереди остальныхъ.

Ему отвѣтили тѣмъ же.

— Есть съ вами и бѣлые добровольцы?

— Да, ихъ немного и всѣ пѣшіе, потому мы и выѣхали впередъ, а они слѣдуютъ за нами. Но гдѣ же испанцы, мы разсчитывали застать ихъ здѣсь, нашъ развѣдчикъ подалъ намъ сигналъ именно отсюда!

Сеньоръ Эрнесто разсказалъ обо всемъ происшедшемъ и сказалъ, что испанцы обобрали его до тла, и что въ данный моментъ онъ не только не можетъ угостить чѣмъ-нибудь своихъ посѣтителей, но даже самъ со своими гостями нуждается въ съѣстныхъ припасахъ.

Въ отвѣтъ на это индѣйцы указали на свои туго набитые торока и вынули сушеные овощи, маисъ и вяленое мясо.

— Мы рады подѣлиться, потому что имѣемъ большіе запасы всего и цѣлыя стада воловъ и овецъ!

— Теперь, скажите мнѣ, вы собираетесь идти на Концито?

— Да, конечно, мы хотимъ выгнать ихъ изъ Концито и не позже, какъ завтра. А вотъ и наши добровольцы!

Дѣйствительно, на дорогѣ показалась пестрая толпа, состоявшая изъ людей всѣхъ націй, начиная отъ природныхъ перуанцевъ и кончая неграми южной Африки, во всевозможныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ. Имъ предшествовалъ хоръ музыкантовъ, составленный изъ усердныхъ любителей, весело игравшій патріотическія пѣсни, въ которыхъ вѣрныя и фальшивыя ноты дружно сливались въ общемъ мотивѣ. Позади слѣдовали вьючные мулы, нагруженные самыми разнообразными вьюками.

— Да здравствуетъ Перу!—весело крикнули добровольцы.

Громкое «ура!» раздалось имъ въ отвѣтъ съ веранды дома сеньора Эрнесто.

Минуту спустя, наши друзья радостно привѣтствовали своихъ бѣлыхъ спутниковъ, Альфео и Карлоса и всѣхъ остальныхъ, съ которыми они разстались въ горахъ у охотниковъ на шеншиля.

Съ обѣихъ сторонъ привѣтствія были самыя горячія, самыя искреннія.

Рѣшено было провести здѣсь однѣ сутки, чтобы, поотдохнувъ, двинуться на Концито. Войска эти не получали никакого вознагражденія отъ правительства и существовали сами собою, ведя безпрерывную войну гверильясовъ съ испанцами, отбивая у нихъ добычу, гдѣ только могли, и существуя, чѣмъ попало и какъ попало, встрѣчая всюду радушный пріемъ и дѣйствуя отдѣльно отъ регулярныхъ войскъ.

— Мы всѣ отправимся вмѣстѣ съ вами,—сказалъ сеньоръ Эрнесто, отыскивая глазами Рамиро,—здѣсь намъ нельзя оставаться, потому что усадьба моя представляетъ теперь собою груду развалинъ!

— Бенно, — шепнулъ Рамиро, — Бенно, завтра мы отправимся въ Концито! О, неужели это не сонъ?

— Дай Богъ, чтобы все исполнилось по вашему желанію, сеньоръ!

Между тѣмъ Тренте и Лунцъ разыскали гдѣ-то среди развалинъ непочатую бочку вина и выкатили ее для угощенія желанныхъ гостей. Тѣ подѣлились своими съѣстными припасами, зарѣзали быка и нѣсколькихъ барановъ, разложили веселые

костры, и незатѣйливый пиръ начался. Индѣйцы поочередно несли сторожевую службу, образовавъ вокругъ своего лагеря сплошную частую цѣпь, сквозь которую не могла прокрасться незамѣченной ни одна кошка.

Бенно уложили въ постель, такъ какъ онъ все еще былъ слабъ и ощущалъ лихорадочное состоянiе. Хозяинъ дома также удалился въ свою комнату, которая, по счастiю, сравнительно уцѣлѣла и даже могла запираться на ключъ.

Здѣсь, оставшись одинъ, онъ снялъ съ себя широкiй кожаный поясъ, который онъ носилъ подъ платьемъ, и досталъ изъ этого пояса довольно объемистый, туго набитый бумажникъ. Изъ него посыпались на столъ различные документы, старыя пожелтѣлыя бумаги, письма и записки.

Въ числѣ этихъ бумагъ находится также рисунокъ, сдѣланный карандашемъ и, изображавшiй старинный высокiй домъ съ остроконечной крышей и тяжелой рѣзной дубовой дверью, надъ которой виднѣлась надпись: «In deo spes mea». Никакой подписи, ничего не было на этомъ рисункѣ, а между тѣмъ рисунокъ производилъ потрясающее впечатлѣнiе на сеньора Эрнесто. У дверей этого дома изображенъ былъ ангелъ, державшiй въ поднятой рукѣ огненный мечъ и указывавшiй рукою вдаль, тогда какъ подавленный сознанiемъ своей вины человѣкъ, закрывая лицо руками, повидимому, готовъ былъ безпрекословно, хотя и съ болью въ душѣ, повиноваться этому приказанiю.

Кромѣ этого рисунка на столѣ лежало теперь еще много разныхъ бумагъ и документовъ и между ними актъ крещенiя Теодора Эрнеста Цургейдена, выданный болѣе полустолѣтiя тому назадъ въ г. Гамбургѣ. При видѣ этой бумаги сердце сеньора Эрнесто болѣзненно сжалось. «Теодоръ Эрнстъ Цургейденъ» это было его имя! О, если-бы онъ могъ произнести его вслухъ, если-бы онъ могъ услышать изъ устъ Бенно это отрадное слово «*Отецъ*», какъ бы непомѣрно счастливъ былъ онъ! Но нѣтъ! Тотъ ангелъ у порога дома на всегда изгонялъ его изъ рая. Неужели Бенно долженъ былъ узнать о тяжкой винѣ его отца? Упасть такъ низко въ глазахъ единственнаго горячо любимаго сына, лишиться не только его любви

но, быть можетъ, и его уваженія! О, нѣтъ! нѣтъ!.. И онъ покорно опустилъ голову на грудь и долго, долго сидѣлъ молча въ скорбномъ раздумьѣ. Казалось, всѣ старыя раны его души снова раскрылись и болѣли, и все давно, давно прошедшее воскресло съ новой силой. Наконецъ, истомленный и обезсиленный бросился онъ на постель въ тщетной надеждѣ заснуть и набраться новыхъ силъ и бодрости духа, чтобы продолжать свой тяжелый жизненный путь. А тамъ, внизу, у костра весело раздавались шутки и пѣсни добровольцевъ, слышалась дружная бесѣда на различныхъ нарѣчіяхъ, жали другъ другу руки и сидѣли, обнявшись, люди самыхъ различныхъ племенъ и народностей, сливались въ одну дружную семью, движимую однимъ общимъ желаніемъ, стремящуюся къ одной и той же цѣли—изгнанію испанцевъ изъ Перу.

. . . .

Вечеромъ этого дня должны были состояться похороны всѣхъ погибшихъ въ схваткѣ, а также и двухъ бѣдныхъ товарищей и спутниковъ, Михаила и Филиппа, котораго нашли съ кинжаломъ въ груди. Для всѣхъ испанцевъ вырыта была одна общая братская могила, для Михаила же и Филиппа были приготовлены руками ихъ товарищей двѣ отдѣльныхъ могилы. Могилу юноши осыпали цвѣтами, всѣ помнили его и сожалѣли о немъ. Рамиро стоялъ, какъ убитый, надъ этою могилой, и когда она, наконецъ, сравнялась съ землей, упалъ на колѣни и долго и громко рыдалъ.

— Что этотъ юноша приходился вамъ сыномъ, сеньоръ?— спросилъ его кто-то.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Рамиро,—но его мать, умирая, поручила мнѣ его. У него не было ни крова, ни куска хлѣба, ни гроша денегъ, ни друзей, ни родныхъ. Бѣдная женщина благодарила Бога, когда я предложилъ ей взять его къ себѣ и сдѣлать изъ него настоящаго человѣка. Мальчикъ имѣлъ способности...

— Но у него не было разума. Скажите, какъ это случилось, вѣдь онъ еще не заговаривался тогда, когда вы взяли его къ себѣ?

— Нѣтъ, тогда онъ еще не заговаривался!—беззвучно отозвался Рамиро.

Собесѣдникъ его не сталъ дальше разспрашивать, понявъ, вѣроятно, что сеньору Рамиро не легко поддерживать этотъ разговоръ.

Бенно съ перевязкой на головѣ и все еще чувствуя себя слабымъ, стоялъ подлѣ Рамиро; ему тяжело было смотрѣть на него, такъ жалокъ, такъ убитъ былъ этотъ всегда столь бодрый и мужественный человѣкъ.

— Смотрите впередъ, сеньоръ, пусть Михаилъ почилъ послѣднимъ сномъ, онъ теперь счастливъ и спокоенъ, его ничто не мучаетъ и не тревожитъ, онъ покончилъ жалкое существованіе и слава Богу!

— Да... Бенно! Когда-нибудь послѣ я разскажу вамъ все!

Между тѣмъ въ другомъ концѣ сада Педро вырылъ еще могилу для убитой пумы, и Плутонъ долго въ недоумѣніи стоялъ надъ мертвымъ товарищемъ, осторожно дотрагиваясь до него лапой, какъ бы заигрывая съ нимъ, но когда пуму опустили въ яму и стали зарывать, бѣдняга громко взвылъ и сталъ царапать землю когтями, какъ-бы желая вырыть друга изъ могилы.

Сеньоръ Эрнесто молча стоялъ поодаль и съ удрученнымъ видомъ смотрѣлъ на всѣ эти похороны. Но вотъ его вниманіе было отвлечено двумя индѣйцами, которые привели къ нему одного изъ его пеоновъ.

Джіакомо явился доложить своему господину, что они успѣли угнать въ горы и стада, и табуны и такимъ образомъ укрыть ихъ отъ испанцевъ. Когда же пеонъ сталъ прощаться, говоря, что ему надо вернуться скорѣе къ стадамъ, то сеньоръ Эрнесто приказалъ ему быть наготовѣ по первому его приказанію гнать въ Концито приблизительно двѣ трети всего стада.

— Это для того, чтобы раздать ихъ голодающимъ и бѣдному населенію города,—сказалъ пеонъ,—я ужъ это знаю; когда городъ сгорѣлъ, вы выстроили на свой счетъ дома всѣмъ бѣднякамъ, пострадавшимъ при пожарѣ. Когда тамъ свирѣпствовала лихорадка, вы построили нѣсколько госпиталей и вы-

писали докторовъ изъ Лимы, а теперь ужъ, конечно, хотите накормить голодающихъ—это ясно. Всякій, кто только знаетъ добраго отца Эрнесто, знаетъ, что онъ всякому прибѣжище въ бѣдѣ и въ нуждѣ!

— Довольно, довольно Джіакомо, сказалъ—владѣлецъ помѣстья,—не стоитъ говорить объ этомъ!

Пеонъ простился и ушелъ.

Затѣмъ прибыли одинъ за другимъ нѣсколько шпіоновъ и развѣдчиковъ, которые извѣстили добровольцевъ о томъ, что непріятель бѣжитъ къ границѣ Боливіи, что почти вся страна свободна, только Концито и еще другой небольшой городокъ заняты непріятелемъ.

Одинъ изъ нихъ сообщилъ, что въ Концито находится всего нѣсколько орудій и не болѣе тысячи человѣкъ солдатъ. Взять теперь городъ силой или принудить къ сдачѣ голодомъ весьма легко, тамъ и сейчасъ мрутъ съ голода, какъ мухи, не только бѣднота, но и богачи.

— Вы разсчитываете прибѣгнуть къ этому послѣднему средству?—спросилъ Рамиро добровольцевъ, поблѣднѣвъ при этомъ еще больше.

— Нѣтъ, въ теченіе этихъ сутокъ или и того раньше мы возьмемъ городъ силой оружія!—отвѣтили всѣ хоромъ,—вѣдь мы не изверги, чтобы заставить голодать своихъ же!

— Ну, вотъ и путь къ познанію и наукамъ откроется для васъ, мой милый Бенно!—сказалъ докторъ, дружески пожимая руку юноши.

Сеньоръ Эрнесто поспѣшилъ отвернуться, онъ былъ до того блѣденъ, что на него страшно было смотрѣть.

— Вы хотите покинуть Перу съ первымъ пароходомъ?—спросилъ доктора владѣлецъ помѣстья.

— Да, и Бенно отправится съ нами. По прибытіи въ Гамбургъ, я лично побываю у г. сенатора и напомню ему, что существуетъ еще опекунскій совѣтъ, къ которому я принужденъ буду обратиться по дѣлу Бенно въ случаѣ, если г. Цургейденъ не откажется отъ своихъ тиранических пріемовъ и не согласится предоставить Бенно свободу поступить въ любой

изъ германскихъ университетовъ. Какъ извѣстно, люди такого закала всегда ужасно боятся общественнаго мнѣнія, этимъ я и хочу воспользоваться въ интересахъ Бенно!

Сеньоръ Эрнесто ничего не сказалъ и вообще въ теченіе всего этого вечера говорилъ очень мало.

Около десяти часовъ вечера явился изъ Концито развѣдчикъ индѣйцевъ и сообщилъ, что, вѣроятно, испанцы узнали о пораженіи и отступленіи своихъ товарищей, а также и о томъ, что корпусъ добровольцевъ идетъ къ Концито, потому что они повсюду выставляютъ усиленные караулы и сторожевую цѣпь, а горожане цѣлыми толпами покидаютъ городъ и двигаются по направленію къ помѣстью. Въ Концито, даже за большія деньги, нельзя получить ни подводы, ни телѣги, ни лошадей, ни муловъ. Солдаты врываются во всѣ дома, все обыскиваютъ въ надеждѣ найти съѣстные припасы и, гдѣ таковые находятъ, хотя бы въ самомъ маломъ количествѣ, тутъ-же отбираютъ, а владѣльца ихъ за утайку подвергаютъ страшнымъ пыткамъ и даже лишаютъ жизни. Мало того, испанцы придумали не только отобрать у жителей все съѣдобное до послѣдней крохи, но еще, кромѣ того, разставили солдатъ съ ружьями у каждаго колодца и вдоль берега рѣки, чтобы всякаго, кто придетъ за водою, убивать на мѣстѣ и такимъ образомъ лишить несчастныхъ людей не только пищи, но и питья. Такъ поступали не только съ мужчинами, но и съ беззащитными женщинами и дѣтьми.

— Друзья! Надо сейчасъ идти на выручку несчастныхъ, вѣдь каждый часъ, который мы проведемъ здѣсь, будетъ стоить невѣроятныхъ мученій и даже жизни жителямъ Концито!—сказалъ предводитель добровольцевъ.

Въ одинъ мигъ всѣ были на ногахъ и готовы хоть сейчасъ выступить въ походъ, забывъ о вчерашнемъ утомительномъ переходѣ, о недавней усталости и желаніи отдохнуть.

— Эти изверги допускаютъ по крайней мѣрѣ, чтобы обыватели безпрепятственно покидали городъ?

— Не всѣ, бѣднота можетъ идти, куда угодно, ее даже гонятъ штыками вонъ изъ города, но людей состоятельныхъ

не выпускаютъ, и тѣ должны сидѣть въ своихъ опустошенныхъ домахъ безъ пищи и питья.

— Скорѣй! Скорѣй туда!—послышались голоса.

— Бенно, — сказалъ хозяинъ дома, подходя къ нашему юному другу,—въ состоянiи ли вы совершить этотъ переходъ съ остальными? Не утомитъ ли васъ этотъ ночной походъ?

— Вѣдь въ такую темную ночь лѣсомъ мы, вѣроятно, будемъ двигаться медленно,—сказалъ Бенно,—и я думаю, что могу слѣдовать за остальными.

— О, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; для васъ найдется покойный мулъ, вамъ не придется идти пѣшкомъ!

Тѣмъ временемъ индѣйцы уже сѣдлали своихъ коней, повсюду зажигались факелы и фонари и полъ часа спустя, многочисленный отрядъ индѣйцевъ и добровольцевъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ наши друзья, покинули разоренную мызу, въ которой теперь не осталось никого, кромѣ стараго Педро и его жены, которые должны были на слѣдующее утро отправиться въ горы къ индѣйцамъ-охотникамъ и остаться тамъ подъ ихъ защитой.

На небѣ не было ни луны, ни звѣздъ, все было затянуто тучами, и съ минуты на минуту приходилось ждать дождя.

Бодрымъ шагомъ, съ пѣснями шли добровольцы на помощь своимъ измученнымъ братьямъ.

Путь лежалъ лѣсомъ. Время отъ времени что-то шелестило въ кустахъ, и зоркiе индѣйцы каждый разъ успѣвали схватить за шиворотъ какого-нибудь бродягу, готоваго, при встрѣчѣ съ безоружнымъ или слабѣйшимъ, безъ дальнихъ разговоровъ, приколоть или прирѣзать всякаго, если только предвидѣлась возможность поживиться хоть чѣмъ-нибудь.

И всѣ эти бродяги, бѣглые солдаты, съ той и другой стороны, отпущенные изъ тюремъ и остроговъ, словомъ, всякiе подонки и отбросы общества, попадаясь въ руки индѣйцевъ, принимались тотчасъ же увѣрять, что всѣ они стоятъ за Перу, всѣ они перуанцы.

— Такъ что же вы не сражаетесь въ нашихъ рядахъ за родину? Такимъ дюжимъ парнямъ всегда найдется дѣло.

Тѣ что-то бормотали въ отвѣтъ и старались улизнуть въ кусты.

Чаще всего эти бродяги встрѣчались въ одиночку, а иногда и цѣлыми группами. Въ одномъ мѣстѣ передовой отрядъ индѣйцевъ далъ знать о присутствіи чего то подозрительнаго въ чащѣ лѣса. Весь пѣшій отрядъ остановился и ждалъ, что будетъ. Оказалось, что это цѣлая шайка такихъ же бездомныхъ бродягъ, съ которыми были и женщины, и дѣти, и старцы, у которыхъ испанцы отняли все и пустили по міру. Они кочевали теперь въ лѣсахъ и по большимъ дорогамъ, стараясь урвать у другихъ все, что можно. Теперь эти люди разложили большой костеръ въ лѣсу и расположились вокругъ него. Почти всѣ они были пьяны, даже и женщины, и мальчики. Подростки одни пѣли, другіе громко спорили между собой, а третьи спали, укутавшись въ свои лохмотья. Большинство же тѣснились вокругъ огня, на которомъ жарились куски конины, и ловясь на лету эти куски, пожирая ихъ съ особой жадностью и наслажденіемъ.

— Что не говори, а такая кобыла вкусное блюдо, ребята!— кричалъ чей-то пьяный голосъ, и не дурно бы намъ имѣть запасецъ мяса на всякій случай, не такъ-ли?

— Да! Да! Конечно!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вотъ, ребята, черезъ часокъ, другой здѣсь, этою дорогой, должны проходить бѣглецы изъ Конципо; они имѣютъ при себѣ подводы, запряженныя лошадьми и мулами и ведутъ съ собою козъ, собакъ и всякую живую тварь. Ну, такъ мнѣ кажется, что намъ слѣдуетъ ихъ избавить отъ заботы добывать кормъ всѣмъ этимъ четвероногимъ!

— Ну, да, Да! Благая мысль, Криспо!

— Неужели мы оберемъ этихъ несчастныхъ? — говорили другіе, болѣе разумные и человѣчные люди, быть можетъ, на повозкахъ этихъ они везутъ больныхъ и старцевъ, которые сами не въ состояніи идти!

Тотъ, котораго называли Криспо, громко расхохотался.

— Вишь, какіе сердобольные нашлись! Точно у насъ самихъ нѣтъ ни старыхъ, ни слабыхъ, ни больныхъ!

— Нѣтъ, нѣтъ; и лошадей, и козъ, и муловъ мы отберемъ у нихъ! Не смотрѣть же намъ, какъ другіе катаются мимо нашего носа въ то время, когда мы не знаемъ, чѣмъ намъ прокормиться. Эй, слышете, ребята, кажется повозки ѣдутъ!

— Нѣтъ, это конница! Прячьтесь всѣ по угламъ!

Тотчасъ же всѣ, кто только могъ, разбѣжались въ разныя стороны и скрылись въ темной чащѣ лѣса; только нѣсколько человѣкъ осталось у костра, и когда конный отрядъ индѣйцевъ приблизился къ этому мѣсту, то они подошли къ нимъ, протягивая руки и прося милостыню.

— Ужъ не перевѣшать ли намъ этихъ бродягъ?

— Сохрани Богъ! Зачѣмъ? Мы лучше предупредимъ бѣглецовъ, которые должны намъ попасться на встрѣчу и предложимъ остаться подъ нашимъ прикрытіемъ.

— Вся страна кишитъ этими бродягами; куда ни повернись, всюду они подстерегаютъ прохожихъ и проѣзжихъ, грабятъ и убиваютъ безъ зазрѣнія совѣсти.

— А скоро ли мы будемъ въ Концито?—спросилъ Бенно.

— Да часа черезъ три, не больше, — отвѣтилъ сеньоръ Эрнесто,—но только я ни подъ какимъ видомъ не допущу, чтобы вы встали въ ряды солдатъ, Бенно! Слышите-ли вы, я не позволю вамъ этого!

— Да, да!—подхватилъ и Рамиро,—вѣроятно, у городскихъ воротъ найдутся нѣсколько пустыхъ домовъ, тамъ мы и расположимся на время и станемъ выжидать, что будетъ дальше!

Часъ спустя индѣйцы авангарда возвѣстили, что впереди показались цѣлые караваны бѣглецовъ съ подводами и повозками.

— Все это мои земляки! Быть можетъ, кто-нибудь изъ нихъ мнѣ знакомъ,—сказалъ Рамиро.

— Возможно! Во всякомъ случаѣ вы теперь получите самыя свѣжія извѣстія изъ Концито!

— Ахъ, Бенно, я положительно не могу совладать съ собой! Подумайте только, что съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами сѣли въ Гамбургѣ на корабль, прошло уже ровно полтора года, а я все еще ничего не знаю о предстоящей мнѣ будущности, не знаю, что ждетъ мою бѣдную жену и дѣтей!

Но вотъ караванъ бѣглецовъ повстрѣчался съ добровольцами и поневолѣ принужденъ былъ остановиться.

Пошли вопросы и разспросы; несчастные со слезами на глазахъ обнимали колѣна и цѣловали руки добровольцевъ, называя ихъ своими спасителями. То тотъ, то другой изъ отряда, доставъ изъ своихъ тороковъ ломоть хлѣба или мяса, или флягу съ водой или виномъ, дѣлился своими припасами съ голодными, мучимыми нестерпимою жаждой обывателями Концито.

Между тѣмъ сталъ накрапывать дождь; крупныя тяжелыя капли грозили ежеминутно загасить факелы и фонари. Подулъ свѣжій вѣтеръ, но это не мѣшало отважнымъ защитникамъ подвигаться впередъ, выслушивая по пути послѣднія извѣстія изъ Концито. Яркими красками описывали бѣглецы происходившіе тамъ въ послѣднее время ужасы.

— Моя мастерская находится у самыхъ восточныхъ воротъ города, я могъ-бы многое поразсказать вамъ,—заявилъ громаднаго роста человѣкъ съ могучимъ кулакомъ и широкими плечами атлета,—я кузнецъ по ремеслу, и въ Концито всякій знаетъ меня!

— Прекрасно! Разскажите намъ все, что знаете!

— Вотъ, видите ли, вчера вечеромъ, какъ только испанцы узнали, что ихъ товарищи принуждены были отступить и даже бѣжать въ горы, стали гнать всѣхъ, кто только показывался на улицѣ, вонъ изъ города, а въ городъ не пускали никого. Во дворѣ моего дома растетъ громадное густолиственное дерево, и я вздумалъ воспользоваться имъ, чтобы безпрепятственно наблюдать за испанцами. Съ этою цѣлью я взобрался на самую вершину этого дерева, откуда могъ видѣть все, что происходило кругомъ, тогда какъ меня никто не могъ увидѣть снизу.

— На улицахъ, на всемъ протяженіи города, не было видно ни души, но испанцы разставляли у каждаго дома по два часовыхъ. Это предвѣщало нѣчто особенное. Дѣйствительно, ночью привезли нѣсколько орудій; ихъ разставили полукругомъ передъ восточными воротами города, тогда какъ улицу, ведущую къ этимъ воротамъ, преградили, и стали гнать народъ въ западныя ворота.

— Это извѣстно только одному мнѣ и потому-то я и хотѣлъ сообщить вамъ объ этомъ!

— Спасибо за услугу! — сказали добровольцы, — а теперь скажите, не можете-ли вы указать намъ, какъ проникнуть въ городъ, немного лѣвѣе восточныхъ воротъ; черезъ какіе-нибудь сады и огороды, черезъ плетни и заборы, по разнымъ закоулкамъ и задворкамъ?

— Что-жъ, это сдѣлать можно, только индѣйцамъ на коняхъ тамъ не пробраться!

— Да этого и не нужно! Въ тѣсныхъ улицахъ города кавалерія рѣдко бываетъ удобна, къ тому же, надо, чтобы наши краснокожіе союзники осторожно подкрались къ орудіямъ и, если возможно, заблаговременно забили ихъ.

— Если возможно! Ну, конечно, это возможно, я самъ пойду съ ними и захвачу съ собой изъ мастерской и гвозди, и молотъ. Я берусь провести солдатъ къ самымъ восточнымъ воротамъ!

Рѣшено было, что въ то время, когда добровольцы будутъ заклепывать орудія, вся индѣйская кавалерія, ради диверсіи, произведетъ шумное нападеніе со стороны западныхъ воротъ, чтобы вынудить испанцевъ раздѣлить свои силы, расположивъ ихъ въ двухъ разныхъ пунктахъ, тогда какъ настоящее вторженіе въ городъ перуанскихъ войскъ будетъ происходить въ третьемъ пунктѣ, гдѣ ихъ никто не будетъ ожидать.

— Вотъ это важно придумано!—восклицалъ кузнецъ, потирая руки отъ предвкушаемаго удовольствія полнаго пораженія испанцевъ.—Они убили трехъ моихъ сыновей и вогнали въ гробъ мою бѣдную старуху, но въ эту ночь я отплачу имъ за все!— добавилъ онъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ отрядъ индѣйцевъ и добровольцевъ подошелъ къ городу. Женщинъ, дѣтей, старыхъ, слабыхъ, больныхъ и весь обозъ рѣшено было оставить въ лѣсу, снабдивъ ихъ на завтра необходимою пищей. А тамъ дальше видно будетъ, что слѣдуетъ дѣлать.

— Я пришлю вамъ мяса и дойныхъ коровъ и лошадей для продажи въ Лимѣ!



«Съ громкимъ «ура» индѣйцы и перуанцы кинулись на испанскую баррикаду»... (къ стр. 150).

— О, ты нашъ благодѣтель и спаситель отецъ Эрнесто! Ты отецъ всѣхъ бѣдныхъ и нуждающихся!

— Полно, полно! Что говорить объ этомъ! — сказалъ сеньоръ Эрнесто, стараясь заставить ихъ замолчать.

— О, сеньоръ, какъ я вамъ завидую! Какъ счастливы вы должны быть! Какъ много истиннаго, настоящаго счастья выпало на вашу долю!

— Счастья! Счастья! —повторилъ онъ почти испуганно. — Ахъ, дитя! Ты не знаешь, что сказалъ! — вырвалось у него какимъ-то глухимъ, болѣзненнымъ стономъ.

— Ахъ, Бенно!—сказалъ Рамиро, подходя къ нему, — подумайте, вѣдь я еще до сихъ поръ ничего не узналъ о томъ, что дѣлается въ монастырѣ!

Видя, до чего онъ убитъ и пришибленъ, Бенно постарался утѣшить и подбодрить его.

— Не огорчайтесь этимъ, сеньоръ, и не тревожьтесь. Это хорошій признакъ, если эти люди ничего не знаютъ: подумайте, вѣдь если бы съ пріоромъ или монастыремъ случилось какое-нибудь крупное несчастье, они навѣрное бы прежде всего узнали о немъ!

Рамиро ничего не отвѣтилъ на это и молча со вздохомъ отошелъ въ сторону.

По мѣрѣ приближенія къ городу, всѣ затихли, всякій старался не проронить лишняго слова, лошадямъ обмотали копыта соломой. Испанцы знали, что именно отсюда, съ этой стороны, должны были подойти партизанскіе войска и держались наготовѣ: повсюду были разставлены часовые и зорко наблюдали за всѣми окрестностями города.

Подъ самымъ городомъ проѣзжая дорога, описывая громадный крюкъ, сворачивала влѣво отъ восточныхъ воротъ къ западнымъ; здѣсь-то расчитывалъ кузнецъ провести добровольцевъ по задворкамъ въ городъ.

Между тѣмъ какъ всѣ подводы и воины, способные носить оружіе, оставались въ лѣсу, а лошади и мулы запрятаны самымъ надежнымъ образомъ, у стѣнъ Концито собралось до 500 отборныхъ, сильныхъ, смѣлыхъ и отважныхъ защитниковъ

И этотъ городъ, который въ теченіе столь долгаго времени являлся вожделѣнною цѣлью всего этого труднаго и мучительнаго путешествія, этотъ городъ, въ которомъ родился и выросъ сеньоръ Рамиро, былъ, наконецъ, достигнутъ, лежалъ теперь, какъ на ладони, передъ глазами сеньора Рамиро и его спутниковъ.

XI.

Паденіе баррикады.— Бой въ улицахъ города. — У ограды монастыря.— Освобожденный Концито.—Послѣднее разочарованіе.

— Пустите, я пойду впередъ!—съ этими словами кузнецъ осторожно отворилъ висѣвшую на одной петлѣ калитку ветхаго, полуразвалившагося забора. За этимъ заборомъ тѣсно жались другъ къ другу убогія, на половину сгнившія хижины бѣднѣйшаго квартала города, хижины безъ оконъ, безъ трубъ, многія даже безъ дверей, служившія убѣжищемъ всякаго рода темному люду, занимающемуся исключительно непохвальнымъ или непозволительнымъ ремесломъ. Сюда даже полиція заглядывала рѣдко, убѣдившись на опытѣ, что въ этомъ лабиринтѣ, въ этихъ тѣсныхъ и грязныхъ закоулкахъ, не только нѣтъ никакой возможности отыскать преступника, такъ какъ за каждаго изъ своихъ членовъ всѣ обыватели этого «воровского квартала» стояли горой,—и обступивъ стѣной «делегадо», т. е. представителя полицейской власти, всякій разъ давали виновному время укрыться или улизнуть,—но еще, кромѣ того, было небезопасно и для самихъ делегадо въ случаѣ, если онъ рѣшался проявить излишнюю настойчивость или усердіе къ долгу своей службы.

Въ настоящій моментъ здѣсь не было ни одного живого существа, все населеніе частью покинуло городъ, гонимое голодомъ, частью наводняло улицы Концито, гдѣ теперь не было ни полиціи, ни порядка. Сады и огороды были истоптаны и заглохли, всюду на кучахъ мусора росли сорныя травы; стѣна громоздилась за стѣной, и хижина лѣпилась къ хижинѣ, безъ толку и порядка.

— Бенно, вы еще слабы, пріютитесь въ одномъ изъ этихъ домовъ, въ которыхъ мы оставимъ тѣхъ, кто не можетъ участвовать въ сраженіи, и постарайтесь отдохнуть; я буду покойнѣе, зная, что вы въ надежномъ, безопасномъ мѣстѣ!—сказалъ сеньоръ Эрнесто.

— А сами вы будете участвовать въ дѣлѣ?

— Конечно! Я не могу отстать отъ остальныхъ.

— Въ такомъ случаѣ и я хочу быть подлѣ васъ; я не могу спокойно сидѣть со старцами, женщинами и дѣтьми въ то время, когда вы будете подвергать свою жизнь опасности, будете, можетъ быть, нуждаться въ чьей-нибудь спасительной рукѣ! Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу!

— Да почему же нѣтъ? Развѣ я вамъ такъ дорогъ, Бенно?

— Да, — сказалъ юноша, — во всю свою жизнь я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, къ которому меня бы такъ неудержимо влекло, какъ къ вамъ, кого бы я съумѣлъ такъ полюбить, какъ васъ,—и это, помимо всякаго чувства благодарности, которой я вамъ обязанъ!

Сеньоръ Эрнесто ничего не сказалъ, но, обнявъ голову мальчика обѣими руками, запечатлѣлъ на его лбу долгій, горячій поцѣлуй.

Между тѣмъ добровольцы длинною цѣпью осторожно пробирались между полуразвалившихся хижинъ вслѣдъ за кузнецомъ, которому дорога была отчасти знакома.

Всѣ эти безчисленные дворы и дворики, проулки и закоулки, соединяясь между собой, въ концѣ концовъ имѣли выходъ черезъ широкія ворота большого каменнаго дома, выходившаго фасадомъ на улицу, равно какъ и эти ворота и другой, смежный съ этими воротами домъ. Дома эти, какъ оказалось, были превращены въ караульную гауптвахту, а въ воротахъ воздвигнута баррикада изъ сучьевъ терновника, между которыми были наложены котлы, горшки и разная хозяйственная утварь, которая при первомъ прикосновеніи къ это баррикадѣ должна была надѣлать шуму и грохоту.

Это было серьезное препятствіе, и нашимъ добровольцамъ, волей неволей, пришлось остановиться.

— Что теперь дѣлать? Вѣдь это нашумитъ такъ, что мертвыхъ разбудитъ!—сказалъ кузнецъ,— слышите, по ту сторону баррикады, кажется, на крыльцѣ дома переругиваются испанскіе солдаты!

— Что дѣлать! Надо выждать моментъ, когда наши союзники-индѣйцы ворвутся съ своимъ потрясающимъ воинственнымъ крикомъ въ западныя ворота города, и когда всѣ главныя силы испанцевъ устремятся туда, тогда этотъ шумъ пройдетъ незамѣтно! — сказалъ Бенно.

— Да! Это дѣльная мысль!

Теперь добровольцы остановились въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ баррикады. Передъ нею, на мостовой расположилась кучка испанскихъ солдатъ, всего человѣкъ двѣнадцать, съ коротенькими трубками въ зубахъ и картами въ рукахъ, несмотря на строжайшее воспрещеніе.

Ихъ освѣщалъ тусклый фонарь. а голоса ихъ и даже самый разговоръ добровольцы могли слышать отъ слова до слова.

— Ребята тамъ что-то шевелится!—вдругъ сказалъ одинъ изъ нихъ, бросая свои карты.

Всѣ прислушались.

— Пустяки, вѣрно это крысы, онѣ съ голода разбрелись теперь по всему городу!

Затѣмъ все снова стихло, только крупныя капли дождя однообразно шлепались о мостовую, да возгласы картежниковъ нарушали всеобщую тишину.

Вдругъ воздухъ огласился страшнымъ, пронзительнымъ, оглушительнымъ крикомъ индѣйцевъ.

— Ребята! Нападеніе!—воскликнули солдаты, бросая свои карты,—а вотъ и сигналъ, это отъ западныхъ воротъ!

Въ слѣдующій моментъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ отъ главнокомандующаго. Затрещалъ барабанъ, и весь караулъ, съ офицеромъ во главѣ, бѣглымъ шагомъ направился къ западнымъ воротамъ, оставивъ у баррикады одного часового.

— Пора!—крикнулъ кузнецъ.

Добровольцы бросились разрушать баррикаду. Первымъ ста-

рался проложить себѣ дорогу Рамиро, до того онъ горѣлъ нетерпѣніемъ добраться скорѣе до монастыря, лежавшаго на томъ концѣ города.

— Нападеніе! Измѣна!—закричалъ часовой и хотѣлъ было бѣжать, но въ этотъ моментъ крикъ его былъ услышанъ товарищами; солдаты гурьбой высыпали на улицу изъ домовъ, обращенныхъ въ казармы, со всѣхъ сторонъ раздалась барабанная дробь и звуки сигнальнаго рожка.

Но баррикада уже пала, и кузнецъ, пробивая себѣ дорогу прикладомъ ружья, которымъ онъ размахивалъ вправо и влѣво, ворвался въ городъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился въ своей кузницѣ, гдѣ на прежнемъ мѣстѣ лежали и его увѣсистый молотъ, и громадные гвозди, которые онъ захватилъ съ собой.

— За мной!—крикнулъ онъ кучкѣ индѣйцевъ, также ворвавшихся въ городъ, и бѣгомъ бросился къ орудіямъ.

Среди артиллеристовъ при неожиданномъ появленіи непріятеля съ той стороны, откуда его никакъ не ждали, произошелъ страшный переполохъ, прислуга растерялась, настоящаго энергичнаго и распорядительнаго начальства не оказалось, передковъ не было подъ рукой, такъ какъ разсчитывали только устрашить нѣсколькими залпами непріятеля, и вдругъ въ темнотѣ точно выросли изъ-подъ земли эти индѣйцы съ своимъ оглушительнымъ воинственнымъ крикомъ, вселяя страхъ и ужасъ въ сердца испанскихъ артиллеристовъ.

Съ громкимъ крикомъ «ура» раздались оглушительные удары молота, и одна пушка была заклепана, приведена въ негодность, за ней—другая, третья и такъ до послѣдней.

Кузнецу никто не сопротивлялся, да къ тому же индѣйцы своими длинными копьями, луками и стрѣлами обезпечивали ему полную безопасность.

Ворвавшіеся вслѣдъ за кузнецомъ добровольцы осыпали прислугу градомъ пуль, такъ что стѣсненные со всѣхъ сторонъ артиллеристы принуждены были оставить поле битвы, предоставивъ свои орудія власти непріятеля.

У западныхъ воротъ испанцы тоже были побиты, и гро-

мадный отрядъ индѣйцевъ ворвался въ городъ; битва уже завязалась въ самыхъ улицахъ города; почти повсюду шелъ рукопашный бой.

Впереди всѣхъ, не видя ничего передъ собою, рубился Рамиро, упорно прокладывая себѣ дорогу, почти безсознательно вонзая холодное лезвіе въ грудь того, кто стоялъ на его пути. Но за одной преградой, какъ изъ-подъ земли, выростала другая, пока силы Рамиро не истощились, и онъ, пошатнувшись, чуть не упалъ на землю. Педрильо, случайно очутившійся подлѣ него, успѣлъ во время поддержать Рамиро и оттащить въ сторону.

— Сеньоръ, сеньоръ, не падайте духомъ! Мы побѣждаемъ, наши берутъ верхъ!—утѣшалъ онъ его.

Дѣйствительно, испанцы отступали шагъ за шагомъ все дальше и дальше въ глубь города, отъ окраины къ лучшему, болѣе высоко лежащему кварталу города. Теперь уже образовались двѣ сплошныхъ массы непріятелей, которыя ломили другъ на друга. За спиной сражающихся, тамъ, гдѣ прошелъ бой, изъ всѣхъ домовъ выходили горожане, вооруженные косами, топорами и дрекольемъ и присоединялись къ рядамъ своихъ защитниковъ, а женщины и дѣти спѣшили къ колодцамъ съ самыми разнообразными сосудами, чтобы утолить, наконецъ, мучившую ихъ жажду и облегчить страданія больныхъ и раненыхъ.

Всѣ помнили, что Концито послѣдній городъ въ Перу, оставшійся еще во власти испанцевъ, а потому разбить и побѣдить ихъ здѣсь теперь значило окончательно очистить всю страну отъ ненавистнаго чужеземнаго ига.

Въ тѣхъ улицахъ, откуда испанцы были уже вытѣснены, обыватели спѣшили взламывать топорами заколоченныя двери погребовъ, превращенныхъ испанцами въ тюрьмы для своихъ военно-плѣнныхъ и всѣхъ чѣмъ-либо провинившихся предъ ними жителей города, тюрьмами, гдѣ они безсовѣстно морили людей голодомъ, лишая ихъ и воздуха, и свѣта и предоставляя ихъ на съѣденіе крысамъ.

Изъ этихъ сырыхъ, темныхъ подземелій выходили теперь

шатаясь, едва держась на ногахъ, не люди, а какія-то тѣни, живые скелеты, которые были не въ состояніи переносить свѣжій воздухъ и дневной свѣтъ и тутъ же лишались чувствъ.

Женщины и дѣти, узнавая въ нихъ своихъ близкихъ, громко рыдали; другія напрасно искали своихъ среди этихъ живыхъ мертвецовъ—ихъ давно уже вынесли и зарыли безъ всякихъ церемоній и молитвъ испанцы. Ихъ мерло такъ много въ этихъ тюрьмахъ, что ежедневно приходилось хоронить цѣлыми десятками.

Между тѣмъ поле битвы отодвигалось дальше и дальше. Защитники со всѣхъ сторонъ тѣснили враговъ; повсюду, гдѣ только ряды испанцевъ начинали рѣдѣть, врывались добровольцы или державшіеся въ засадѣ индѣйцы и производили страшныя опустошенія въ ихъ рядахъ, или же гнали безпощадно бѣгущаго врага.

Теперь уже поле битвы было перенесено изъ города въ лучшую загородную часть его, гдѣ среди превосходнаго парка ютились богатыя виллы и дворцы. Здѣсь испанцы, казалось, готовы были прочно засѣсть. Здѣсь, упираясь въ первые отроги Кордильеровъ, а впереди имѣя передъ собою великолѣпное горное озеро, лежалъ окруженный кольцомъ своихъ бѣлыхъ каменныхъ стѣнъ монастырь Св. Филиппа, а за его оградой, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей разстоянія, возвышалось длинное зданіе университета, суда и главнаго городского собора. Двери и окна собора и университета давно уже были выломаны, и испанцы крѣпко засѣли въ нихъ, осыпая защитниковъ города цѣлымъ градомъ пуль.

Въ переднихъ рядахъ бился, какъ бѣшеный, Рамиро. Вотъ въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца—тотъ домъ, гдѣ онъ родился и выросъ, всего вѣдь въ нѣсколькихъ шагахъ! Но между ними и монастырской оградой цѣлый лѣсъ штыковъ. Если испанцамъ удастся ворваться въ ограду и засѣсть за монастырской стѣной, сраженіе могло бы затянуться на нѣсколько дней.

Вдругъ изъ толпы раздался чей то веселый, радостный голосъ:

— Да живетъ Перу! Ура! Здравствуйте, сеньоръ Эрнесто!

— Ахъ, это ты Модесто! Здравствуй! Что они держали тебя въ плѣну?

— Да, въ сыромъ погребѣ съ крысами, экіе черти! Ну, да что! Вотъ я и опять на свободѣ, а порученіе ваше я справилъ, вотъ сейчасъ только видѣлъ монаха, который сказалъ мнѣ, что настоятель живъ еще, хотя и очень слабъ, такъ слабъ, что каждую минуту ждутъ его конца.

— Боже правый!—воскликнулъ внѣ себя Рамиро,—Боже правый! Онъ умираетъ, а мы стоимъ здѣсь!

Вдругъ испанцы ворвались въ ограду и со стѣнъ посыпался градъ пуль; перуанцамъ, волей не волей, пришлось отступить, чтобы не стать мишенями для непріятельскихъ выстрѣловъ.

— Сеньоръ! Сеньоръ, уходите отсюда, надо отступать!

— Никогда, никогда!—воскликнулъ онъ,—ни за что!

Но не успѣлъ онъ докончить, какъ толпа оттѣснила его за университетское зданіе, а испанцы заняли монастырь.

Прислонясь головой къ стѣнѣ, Рамиро стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, близкомъ къ умопомѣшательству. Бенно, случившійся вблизи, подалъ ему флягу съ виномъ.

— Выпейте, сеньоръ, выпейте хоть немного, прошу васъ! Вѣдь мы уже у цѣли, рано или поздно испанцы должны будутъ сдаться.

— Рано или поздно! Ахъ, Бенно, тамъ что-то надорвалось! Что-то треснуло, я это чувствую,—сказалъ онъ, указывая на голову,—я не знаю, что...—онъ не договорилъ и закрылъ глаза.

По улицѣ раздался вдругъ бѣшеный галопъ лошади, кто-то мчался во весь опоръ.

— Гдѣ вашъ предводитель, друзья?—крикнулъ подскакавшій къ толпѣ добровольцевъ солдатъ въ мундирѣ перуанскихъ войскъ.—Генералъ Мартинецъ проситъ васъ, если возможно, предержаться еще хоть четверть часа, во что бы то ни стало, онъ сейчасъ будетъ здѣсь съ двумя полками регулярной пѣхоты.

Громкое «ура» огласило воздухъ, привѣтствуя эту радостную вѣсть.

— Слышите, сеньоръ Рамиро! Слышите!

— Ахъ, да, да...но Боже мой! Можетъ быть, уже будетъ поздно!..

Между тѣмъ всѣ засуетились, всѣ будто ожили. Обыватели безъ устали уносили съ поля битвы убитыхъ и раненыхъ въ свои дома, гдѣ женщины ухаживали за ними, облегчая, по мѣрѣ возможности, ихъ страданія. Много жертвъ потребовалъ этотъ день. Тренте потерялъ одно ухо, но эта рана не особенно огорчила его.—«Вѣдь у меня еще осталось другое»!—въ шутку заявилъ онъ.

— Но гдѣ же Обія?—разомъ спросило нѣсколько встревоженныхъ голосовъ.

— Здѣсь!—послышался короткій отвѣтъ индѣйца.

Но такъ какъ онъ не прибавилъ къ этому ни слова, то всѣ стали озираться, ища его. Онъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, блѣдный, съ страшно-измѣнившимся лицомъ и, повидимому, едва держась на ногахъ. Но, согласно традиціонному стоицизму индѣйцевъ, онъ не жаловался, не стоналъ, молча перенося страшную боль, которую причиняла ему раненая рука. Еще незажившую рану разорвала и расширила еще больше другая пуля. Потеря крови, сопровождавшая эту свѣжую рану, совершенно обезсиливала его, а дневной зной усиливалъ лихорадочное состояніе, но Обія молчалъ.

Случившійся по близости докторъ Шомбургъ тотчасъ же убѣдился въ тяжеломъ положеніи больного и съ помощью сеньора Эрнесто и Бенно ему удалось, наконецъ, хотя и не безъ труда, заставить мужественнаго вождя дать унести себя на носилкахъ въ домъ синьора Эрнесто, куда за нимъ немедленно послѣдовалъ и докторъ, чтобы сдѣлать надлежащую перевязку и предоставить его на попеченіе одной изъ добрыхъ женщинъ, посвятившихъ себя въ этотъ тяжелый день всецѣло уходу за больными и ранеными.

Но вотъ черезъ очищенную отъ испанцевъ часть города съ громкой, торжественной музыкой приближались къ монастырской оградѣ два полка регулярной перуанской пѣхоты.

Съ этими свѣжими силами, слившись въ одно, ожили и воспрянули духомъ истомившіеся и уже обезсилѣвшіе добровольцы, и бой закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Генералъ Мартинецъ сердечно привѣтствовалъ доброволь-

цевъ и индѣйцевъ, воздавая должную похвалу ихъ мужеству и геройству и ободряя всѣхъ своей ласковой рѣчью. Не взирая на безпрерывный огонь непріятельскихъ ружей, перуанскимъ солдатамъ удалось таки ворваться въ монастырскую ограду, и теперь въ этой священной оградѣ закипѣлъ безпощадный рукопашный бой. Свѣжая, бодрая постоянно воодушевляемая своимъ начальникомъ перуанская пѣхота всюду тѣснила испанцевъ. Вскорѣ они были прижаты къ самой стѣнѣ и искали спасенія во внутреннихъ помѣщеніяхъ и корридорахъ монастырскаго зданія. Здѣсь, гдѣ всегда раздавались только слова благословенія, славословія и прощенія или слова раскаянія и утѣшенія, теперь лилась кровь, братъ шелъ на брата, слышались стоны и проклятія. Но вотъ перуанцы вдругъ стали замѣчать, что враги ихъ замѣтно убываютъ, точно исчезаютъ куда-то, и вотъ обнаружили, наконецъ, что испанцы, какъ кошки, одинъ за другимъ, бросая оружіе и патроны, бѣжали, выскакивая изъ окна одной отдаленной кельи, на задній дворъ монастыря. Въ этомъ дворѣ, какъ разъ противъ окна, были приставлены къ стѣнѣ ограды нѣсколько лѣстницъ, по которымъ эти бѣглецы проворно взбирались, чтобы, добравшись до верху стѣны, соскочить внизъ прямо въ воду примыкавшаго къ монастырской стѣнѣ горнаго озера и безслѣдно исчезнуть.

Этихъ разнузданныхъ, деморализованныхъ солдатъ, думавшихъ единственно только о спасеніи своей жизни, даже не преслѣдовали. Куда только не падалъ взоръ, всюду мелькали эти бѣгущіе испанцы, забывшіе о долгѣ и чести и спасающіе только свою шкуру.

Когда въ оградѣ и зданіи монастыря не осталось уже ни одного испанца, генералъ Мартинецъ приказалъ подобрать всѣхъ убитыхъ и раненыхъ и вынести ихъ за монастырскую стѣну, затѣмъ, отыскавъ единственнаго мелькнувшаго гдѣ-то монаха, брата привратника, поручилъ ему передать настоятелю, что непріятель окончательно вытѣсненъ изъ монастыря, что тишина и спокойствіе водворены во святомъ мѣстѣ, и что ни одинъ врагъ не посмѣетъ болѣе явиться сюда.

Потомъ и самъ онъ со своими солдатами покинулъ мона-

стырь и занялъ городъ. Въ монастырскомъ дворѣ осталось теперь только три постороннихъ человѣка: то были Рамиро, Бенно и синьоръ Эрнесто. Они въ числѣ первыхъ ворвались въ ограду и затѣмъ проникли и въ самое зданіе. Теперь, когда все вокругъ утихло, Рамиро оставалось только поставить одинъ послѣдній вопросъ, которымъ должна была рѣшиться его судьба.

Но странное дѣло; теперь, когда всѣ препоны и препятствія были удалены, теперь, когда уже ничто болѣе не мѣшало ему достигнуть желаемаго, на душѣ у него не было и тѣни радости или торжества; нѣтъ, напротивъ того, на душѣ у него точно камень лежалъ и мѣшалъ ему жить и дышать.

— Ну, теперь оставьте меня на время одного,—сказалъ, глухимъ, подавленнымъ голосомъ,—вскорѣ мы увидимся, а пока до свиданія, друзья! Неправда-ли, здѣсь ужасно холодно?—добавилъ онъ и содрогнулся всѣмъ тѣломъ.

— Послушайте, Рамиро, позвольте мнѣ идти съ вами!?—участливо сказалъ сеньоръ Эрнесто.

— Нѣтъ нѣтъ! я долженъ пойти одинъ, такъ какъ что-то говоритъ мнѣ, что меня ждетъ нѣчто такое, чего я сейчасъ не могу опредѣлить, но одно предчувствіе грядущихъ событій уже гнететъ меня... Прощайте еще разъ... благодарю за все...

Онъ крѣпко пожалъ руки своимъ друзьямъ и пошелъ не своимъ обычнымъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ, а какъ бы въ полу-снѣ. Онъ шелъ по корридору, стучался то въ ту, то въ другую дверь... до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, одна изъ этихъ дверей не отворилась, и какой-то монахъ молча и удивленно взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ человѣка съ блѣднымъ, растеряннымъ лицомъ и впалыми глазами.

— Что тебѣ надо, незнакомецъ?—спросилъ монахъ.

— Меня ожидаетъ отецъ настоятель, братъ Альфредо, доложите ему обо мнѣ, добрый братъ!—прошепталъ Рамиро дрожащими губами.

— Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы это могъ быть ты! Тотъ, котораго ждалъ нашъ настоятель, ждалъ такъ страстно! О, это какая-то злая насмѣшка!

— Что? Насмѣшка!.. ахъ, да, я теперь понимаю; онъ ждалъ

меня и день, и ночь, онъ молилъ Бога, чтобы я пришелъ къ нему, когда онъ былъ еще живъ, а теперь, когда я пришелъ къ нему, смерть... безпощадная смерть похитила его съ земли... да?..

— Кто, кто сказалъ тебѣ это? Вѣдь мы только что закрыли ему глаза, и его лицо еще не охладѣло!..

— Дайте мнѣ взглянуть на покойнаго!—тихо сказалъ Рамиро, повидимому, совершенно покойно.

Монахъ молча кивнулъ головой, неслышными шагами пошелъ впередъ по корридору и отворилъ дверь въ большую всю затянутую чернымъ сукномъ горницу съ каменнымъ плитнымъ поломъ; единственнымъ украшеніемъ этой горницы было большое изображеніе Христа, простирающаго впередъ свою благославляющую десницу. Монахи, лежа на голыхъ плитахъ пола, тихо молились, а посреди комнаты на скромномъ катафалкѣ лежало тѣло только что умершаго монаха. При входѣ Рамиро, только одинъ изъ монаховъ поднялъ голову и взглянулъ на дверь.

— Кого ты привелъ сюда, братъ Якобо?

— Это тотъ, кого онъ ждалъ, братъ Луиджи,—сказалъ тихо проводникъ Рамиро.—Онъ пришелъ, но поздно!—и молодой монахъ зарыдалъ.

Кругомъ раздавались подавленныя рыданья, только покойникъ лежалъ съ спокойнымъ, блѣднымъ лицомъ, скрестивъ на груди исхудалыя руки, въ черной бархатной шапочкѣ, изъ-подъ которой ниспадали на плечи сѣдыя, какъ серебро, кудри.

Рамиро съ тупою скорбью глядѣлъ на это мертвое лицо, когда братъ Луиджи подошелъ къ нему и тихо спросилъ.

— Узнаешь ты меня, Рамиро?

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Много воды утекло, много горькаго и тяжелаго пережито или камнемъ лежитъ на душѣ. Ахъ, какъ онъ страдалъ, какъ томился, какъ ждалъ тебя; какъ просилъ Бога, чтобы ты снялъ съ него твое проклятіе, какъ молилъ!

— Мое проклятье! - насмѣшливо сказалъ Рамиро,—да развѣ оно когда-либо имѣло какую-либо цѣну! Проклятье грѣшника! Но, быть можетъ, это страшное слово все же имѣло свое значеніе въ глазахъ Праведнаго Судіи?

— Скажи, снялъ ты его съ него? Скажи, Рамиро!

— Ахъ, да! Да! Снялъ, конечно, давно снялъ!

Лучъ радости освѣтилъ на мгновеніе скорбное лицо монаха.

— Ну, слава Богу! Онъ, который читаетъ въ нашихъ сердцахъ самыя сокровенныя наши мысли и помыслы, упокоитъ теперь душу Альфредо во царствіи своемъ, а ты, бѣдный другъ мой, вступи во владѣніе наслѣдіемъ твоихъ отцовъ!

— Наслѣдіе! Мое наслѣдіе? Ты говоришь о сокровищахъ Фраскуело?

— Да, конечно, они по праву твои!

— Такъ, значитъ, покойный передъ смертью поручилъ тебѣ передать мнѣ?..

— Мнѣ онъ ничего не поручалъ, Рамиро, не мнѣ и ни одному изъ братій. Онъ сообщилъ объ этомъ только одному Юзеффо, и онъ одинъ изъ живущихъ зналъ объ этой тайнѣ, онъ, и больше никто!

— Юзеффо!—воскликнулъ Рамиро и громко расхохотался, какъ будто вдругъ лишился разсудка. Ухватившись обѣими руками за катафалкъ, на которомъ лежалъ покойникъ, Рамиро перегнулся надъ нимъ и, вперивъ въ него неподвижный взглядъ, произнесъ глухимъ шепотомъ, какъ бы самъ того не сознавая, эти слова.

— Итакъ, только одинъ Юзеффо зналъ о томъ, гдѣ находятся эти сокровища? Одинъ Юзеффо?

— Да, онъ одинъ!—также шепотомъ съ чувствомъ невольно овладѣвшаго имъ страха повторилъ братъ Луиджи.

Рамиро пошатнулся и, точно дерево, сраженное грозою, повалился на полъ подлѣ смертнаго одра своего друга. Рамиро подняли, но онъ былъ безъ чувствъ и безъ сознанія

XII.

Отецъ и сынъ.—На смертномъ одрѣ.—Покаянная исповѣдь грѣшника.—Алмазы Фраскуэло.—Кончина Рамиро.

Наконецъ-то, бѣдное Концито вздохнуло свободно. Домъ сеньора Эрнесто, равно какъ и большинство домовъ зажиточ-

ныхъ людей, былъ обращенъ въ лазаретъ для раненыхъ и пострадавшихъ.

Послѣ изгнанія непріятеля изъ города всѣ точно ожили даже и больные не чувствовали того тяжелаго, угнетающаго чувства, какое обыкновенно испытываютъ страждущіе. Они страдали, но весело смотрѣли впередъ, въ будущее, сознавая, что теперь страдаютъ не даромъ, что ихъ самопожертвованіе даровало счастье и свободу цѣлому населенію страны.

Ухо Тренте было надлежащимъ образомъ перевязано, и доблестный проводникъ и погонщикъ муловъ чувствовалъ себя вполнѣ бодро, несмотря на свое увѣчье. Рана Обіи хотя и была несравненно серьезнѣе и требовала самаго тщательнаго и заботливаго ухода, но докторъ Шомбургъ ручался за его жизнь.

У послѣдней забитой пушки найденъ былъ трупъ героя кузнеца. Очевидно, смерть настигла его неожиданно, такъ какъ лицо его сохранило выраженіе гордаго торжества.

Монахи съ тихой молитвой хоронили съ утра и до поздней ночи убитыхъ, своихъ и враговъ, призывая на всѣхъ одинаково милосердіе Божіе.

Много смѣлыхъ и отважныхъ борцовъ пролило свою кровь въ этотъ день, много ихъ погибло, положивъ свою жизнь за счастье и свободу родины и много ихъ еще лежало во всѣхъ комнатахъ обширнаго дома сеньора Эрнесто. Въ числѣ этихъ страждущихъ былъ одинъ, участь котораго особенно сокрушала и заботила всѣхъ нашихъ друзей, а особенно Бенно,—то былъ Рамиро.

Замертво вынесенный монахами за ограду монастыря, гдѣ его ожидали его друзья, несчастный Рамиро былъ принесенъ въ томъ же безсознательномъ и безчувственномъ состояніи въ домъ сеньора Эрнесто, гдѣ и лежалъ безъ сознанія до прибытія доктора, не приходя въ себя.

Мало-по малу, однако, къ нему какъ будто вернулось и сознаніе, онъ сталъ видѣть и слышать и понимать, сдѣлалъ даже попытку приподняться на постели, но старанія его остались тщетными, и онъ остался нѣмъ и недвижимъ.

— Докторъ! Неужели онъ умретъ?—съ невыразимымъ страхомъ во взглядѣ и голосѣ спрашивалъ Бенно.

Докторъ печально пожималъ плечами.

— Во всякомъ случаѣ ему необходимъ довольно продолжительный покой, чтобы возстановить его силы, хотя бы настолько, чтобы онъ снова могъ двигаться и говорить.

Бенно ни на минуту не отходилъ отъ больного.

— Я буду писать письма, такъ что все равно не буду спать!

— Ну, какъ хотите,—сказалъ докторъ,—послѣ я опять зайду взглянуть на него, а теперь мое присутствіе здѣсь не нужно!

Бенно остался одинъ въ комнатѣ больного и сѣлъ къ столу писать письма; первымъ долгомъ, конечно, онъ написалъ старику Гармсу; онъ обѣщалъ тому, что будетъ писать каждую недѣлю и, вмѣсто того, вотъ прошло уже болѣе 18-ти мѣсяцевъ, какъ Бенно прибылъ въ Ріо, а старикъ не получалъ отъ него ни строчки. Теперь Бенно хотѣлъ наверстать все длиннымъ, подробнымъ письмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить его и о своемъ близкомъ возвращеніи.

Больной по прежнему не шевелился и не отвѣчалъ ни на какіе тревожно-заботливые вопросы своего молодого друга.

Бенно написалъ одно письмо и началъ уже другое, когда дверь комнаты больного тихонько отворилась и на порогѣ показался сеньоръ Эрнесто.

— Я вамъ не помѣшаю?—спросилъ онъ, обращаясь къ Бенно.

— О, нѣтъ, нисколько, сеньоръ, пожалуйста, войдите!

Тотъ вошелъ. Бенно придвинулъ ему стулъ.

— Вы еще не ложились?—спросилъ Бенно.

— Да, у меня были дѣла, и затѣмъ, здѣсь былъ сейчасъ генералъ Мартинецъ, онъ посѣтилъ нашъ лазаретъ и сказалъ мнѣ, что завтра по утру посылаетъ конный разъѣздъ въ Лиму, съ которымъ мы можемъ отправить свои письма.

— Вы тоже будете писать въ Гамбургъ, сеньоръ?—спросилъ Бенно.

— Нѣтъ,—сказалъ хозяинъ,—теперь во второмъ письмѣ въ Гамбургъ нѣтъ уже надобности, мой юный другъ, а вы, вѣроятно,



«Вотъ они—ваши алмазы!—проговорилъ Бенно»... (къ стр. 171)

уже извѣщаете стараго Гармса о своемъ близкомъ возвращеніи, не такъ-ли?

— Да это письмо къ Гармсу! Дай Богъ, чтобы оно дошло къ нему, старикъ ужъ, вѣроятно, считаетъ меня умершимъ!

— А это второе письмо вы пишете, конечно, вашему дядѣ?

Яркая краска залила на мгновеніе лицо мальчика.

— Нѣтъ, сеньоръ, — сказалъ онъ,—дядюшкѣ своему я не намѣренъ писать, я собирался написать только нѣсколько строкъ моей старой бабушкѣ. Что съ вами, сеньоръ? Не позвать-ли доктора?!—вдругъ встревожился Бенно, видя страшную перемѣну, происшедшую въ этотъ моментъ въ лицѣ его собесѣдника. Но тотъ движеніемъ руки далъ ему понять, что не слѣдуетъ безпокоиться.

— Это пройдетъ,—сказалъ сеньоръ Эрнесто, немного погодя.—Но скажите мнѣ, Бенно, неужели вы дѣйствительно, сказали, что хотите писать вашей бабушкѣ? Не ослышался-ли я? Или вы называете такъ изъ дружбы какую-нибудь знакомую вамъ съ дѣтства старушку? Вѣдь ваши дѣдъ и бабушка давно умерли, если я не ошибаюсь!

— Нѣтъ, бабушка моя жива, это мать моего отца, о ней-то я и говорилъ сейчасъ!

— И зовутъ её Маргарита Цургейденъ, рожденная Фёлькерсъ? Но возможно-ли это? Возможно-ли, чтобы она была жива?

Какъ-бы предчувствуя нѣчто необычайное, Бенно взглянулъ въ взволнованное лицо своего собесѣдника.

— Отчего вы такъ спрашиваете объ этомъ, сеньоръ? Отчего это такъ волнуетъ васъ? Неужели вы когда-нибудь знавали моего отца, или, быть можетъ, онъ еще живъ? Неужели?..

— Ахъ, Бенно! Дорогое, возлюбленное дитя мое!—прошепталъ сеньоръ Эрнесто, обвивъ шею сына обѣими руками и прижимаясь лицомъ къ его лицу,—Бенно! Бенно, мой ненаглядный мальчикъ!...—и голосъ его перешелъ въ тихое рыданіе.

— О, Боже! Неужели я дожилъ до такого счастья!—воскликнулъ Бенно,—нѣтъ, сеньоръ, вы вѣдь не шутите, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ такъ! Какое счастье! Какое громадное счастье!..

— Да, но я купилъ его дорогою цѣной... О, если-бы ты

зналъ, какъ я страдалъ, какъ мучился съ того момента, когда узналъ, что ты мое дитя, мой единственный сынъ, и я не смѣлъ, не могъ тебѣ открыться, не могъ назвать себя твоимъ отцомъ, такъ какъ думалъ, что между нами лежалъ тяжелый грѣхъ, страшное преступленіе, котораго не могли искупить ни годы добровольнаго изгнанія, ни всеисцѣляющее время, которое угнетало меня и день, и ночь. Я и сейчасъ не смѣю осквернить твой слухъ этимъ страшнымъ признаніемъ...

— Постой, отецъ, я знаю все... Знаю, что тебя заставило покинуть и отчій домъ, и дорогую родину... Это—слова брата твоего, сказанныя тебѣ имъ въ сѣняхъ дома... я до сихъ поръ не могъ все догадаться, что это могло быть, но теперь мнѣ все ясно, я знаю, что онъ тогда сказалъ тебѣ. «Мать твоя умерла, ты ея убійца!» да, отецъ? Онъ сказалъ тебѣ это, но это—ложь! Бабушка жива, она была жива, когда я уѣзжалъ, мало того, она ни на минуту въ тебѣ не усумнилась и никогда не допускала мысли, чтобы ты могъ поднять на нее руку!.. Да!..

— О, онъ долженъ дать мнѣ отвѣтъ за это! — простоналъ сеньоръ Эрнесто.—Всѣ эти долгіе годы онъ заставилъ меня прожить подъ гнетомъ этого страшнаго убѣжденія, что я преступникъ, какихъ мало. Всѣ эти годы я не могъ найти нигдѣ себѣ покоя. Я, какъ Каинъ, не могъ нигдѣ найти себѣ мѣста, и это онъ сознательно допустилъ, сознательно вvergъ человѣка въ такую пучину бѣдствій и мученій!

— У дяди нѣтъ ни сердца, ни души, онъ этого понять не можетъ!.. Но Богъ съ нимъ, отецъ, вѣдь всѣ его намѣренія не привели ни къ чему, они послужили только намъ-же на благо. Богъ свелъ насъ здѣсь, потому что судьба людей не въ рукахъ человѣка!

— Да! Да!—подхватилъ сеньоръ Эрнесто,—она въ рукахъ Всевышняго, праведнаго судіи!

— Отецъ, ты будешь писать бабушкѣ вмѣстѣ со мной, сегодня?

— Нѣтъ, Бенно, это слишкомъ взволнуетъ ее, лучше мы сами явимся туда, не предупреждая никого о своемъ возвращеніи!

— А мое письмо къ Гармсу?

— И его не стоитъ отсылать, потому что оно придетъ къ нему, вѣроятно, одновременно съ нами, если только не позже! А теперь посмотри сюда, мой мальчикъ,—добавилъ онъ и доставъ свой бумажникъ, выложилъ передъ нимъ на столъ и свои документы и старый уже знакомый читателю рисунокъ.

— Я разорву, Бенно, этотъ рисунокъ, потому что онъ лживъ: никогда Господь на вѣки не изгоняетъ изъ рая!—и Эрнесто разорвалъ рисунокъ на мелкіе клочки.

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ докторъ.

— Я пришелъ посмотрѣть на нашего больного!—сказалъ онъ.

И всѣ трое мужчинъ подошли къ постели больного. На всѣ вопросы и обращенія къ нему Рамиро и теперь ничего не отвѣчалъ, но его тусклый, почти угасшій уже взглядъ давалъ понять, что онъ узнаетъ своихъ друзей и благодаритъ ихъ за ихъ заботливый уходъ.

— Все кончено!—сказалъ со вздохомъ докторъ Шомбургъ, отходя отъ постели больного,—но мы постараемся сдѣлать все, чтобы поддержать его силы!

Въ послѣдующіе дни Рамиро хотя и могъ уже говорить и дѣлать кое-какія движенія головой и дрожащими, какъ у преклоннаго старца руками, хотя принималъ пищу и былъ въ полномъ сознаніи, но силы его не возстановлялись, лицо осунулось, глаза ввалились.

— Я желалъ-бы теперь только одного,—сказалъ онъ,—это увидѣть монастырскій садъ, побывать на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣднее время любилъ сидѣть братъ Альфредо.

— Съ тѣмъ, чтобы самому лично попытаться найти этотъ загадочный кладъ?

— Я самъ! Самъ?—и онъ съ ужасомъ и отчаяніемъ взглянулъ на свои совершенно безсильныя дрожащія руки. - Нѣтъ, моя пѣсенка уже спѣта, но я желалъ-бы видѣть это мѣсто; другіе не могли найти его, потому что не знали многихъ условій, многихъ подробностей того дня, когда эти алмазы были зарыты, поэтому я, только я одинъ, могу, руководствуясь нѣкоторыми соображеніями, составить вѣрныя предположенія относительно

того мѣста, гдѣ они должны находиться. Бенно, вы не откажете мнѣ въ помощи вашихъ рукъ?—добавилъ онъ молящимъ тономъ.

— О, конечно, я готовъ сдѣлать для васъ все, что въ моихъ силахъ!

Въ лицѣ бѣднаго страдальца мелькнулъ лучъ радости и надежды.

— Прикажите скорѣе снести меня туда, не теряйте времени: я чувствую, что минуты мои сочтены.

Бенно хотѣлъ было протестовать, но Рамиро прервалъ его.

— Я умру охотно, мой добрый другъ, такъ какъ и теперь уже что-то порвалось во мнѣ, что-то умерло. Бенно, спѣшите, время не терпитъ, пусть меня снесутъ въ монастырскій садъ!

По просьбѣ Бенно, сеньоръ Эрнесто тотчасъ же распорядился приготовить удобныя и покойныя носилки, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ отговаривать синьора Рамиро отъ этой затѣи.

— Бросьте вы эту думу о вашемъ сказочномъ сокровищѣ, сеньоръ, о вашихъ близкихъ я позабочусь, я—человѣкъ богатый и могу обезпечить имъ вполнѣ безбѣдное и беззаботное существованіе. Жена ваша ни въ чемъ не будетъ нуждаться, о дѣтяхъ вашихъ я берусь позаботиться и воспитать изъ нихъ честныхъ и порядочныхъ людей. Я буду имъ отцомъ и хранителемъ, пока я живъ. Ну, довольно вамъ этого? Клянусь вамъ, что все это я исполню честно!

Рамиро растроганно протянулъ ему свою дрожащую руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ:

— Благодарю, вы сняли вашимъ обѣщаніемъ большую тяжесть въ моей груди, но я не могу сомкнуть на вѣкъ глаза, не повидавъ того мѣста въ паркѣ, что-то неудержимо тянетъ меня туда!

Принесли носилки, бережно и осторожно помѣстили больного, и восьмеро изъ его прежнихъ спутниковъ и товарищей съ полной готовностью предложили свои услуги отнести его въ монастырскій садъ.

По просьбѣ умирающаго, одинъ изъ монаховъ указалъ то мѣсто, гдѣ такъ любилъ проводить большую часть дня покойный

настоятель Санъ-Филиппо. Когда монахъ, а также и тѣ изъ товарищей Рамиро, которые принесли его сюда, удалились, и онъ остался одинъ съ Бенно, больной сталъ изслѣдовать испытующимъ взоромъ всю окружающую мѣстность. Какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ его посадили въ удобномъ и покойномъ креслѣ, принесенномъ монахомъ изъ монастыря, стояла высокая старая пальма съ величественною кроной и множествомъ воздушныхъ корней и постороннихъ ползучихъ и вьющихся растенiй, почти сплошной завѣсой окутывавшихъ ея стволъ.

— Бенно,—сказалъ онъ,—покойный братъ Альфредо постоянно сидѣлъ здѣсь, не слѣдуетъ-ли изъ этого, что именно здѣсь и зарыты алмазы?

— Да, я и самъ такъ думалъ!

— Затѣмъ я долженъ вамъ сказать, что когда мой дѣдъ задумалъ скрыть это сокровище, въ его распоряженiи оставалось не болѣе четверти часа, слѣдовательно, онъ не могъ успѣть вырыть яму. Не такъ-ли?

— Да, конечно!

— Видите вы эту старую пальму, видите этотъ терновникъ, этотъ длинный мшанникъ, эту сплошную сѣть всякихъ ползучихъ растенiй, очевидно, здѣсь испанцы не произвели своихъ раскопокъ. Попытайтесь, Бенно, если можете, разворошить эти воздушные корни и растенiя!

Бенно, не говоря ни слова, тотчасъ-же принялся за работу. Онъ долго и упорно трудился, стараясь расчистить возможно большее пространство вокругъ и около пальмы.

— Ну, что, Бенно, вы ничего не видите?

— Ничего, сеньоръ!

— Поищите между корнями, Бенно, вѣдь когда дѣдъ мой пряталъ свои алмазы, этихъ паразитовъ мшанниковъ не было и въ поминѣ, паркъ не былъ запущенъ, какъ теперь, все это были еще не старыя деревья, имѣйте это въ виду, Бенно!

— Да, да, сеньоръ!

И онъ принимался съ удвоеннымъ усердiемъ за работу.

— Какъ холодно... я страшно зябну!—прошепталъ умирающiй, кутаясь въ теплыя покрывала и одѣяла.

— Не принести-ли вамъ изъ монастырской кухни какого-нибудь согрѣвающаго напитка, сеньоръ?—спросилъ Бенно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, продолжайте только свою работу, если у васъ хватитъ силъ, мой добрый другъ!

— О, да я еще нисколько не усталъ! — сказалъ Бенно, утирая потъ, градомъ катившiйся съ его лица.

— Спѣшите, Бенно, спѣшите! Смерть стоитъ у меня за спиной!

— Не позвать-ли брата Луиджи?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... ищите, Бенно, ищите!

Мальчикъ продолжалъ работать, напрягая всѣ свои силы. Но вотъ онъ вдругъ замѣтилъ, что Рамиро движенiемъ руки подзываетъ его къ себѣ.

— Бенно, сядьте сюда, ближе ко мнѣ, я вижу, что всѣ эти старанiя напрасны, мнѣ, видно, не суждено увидѣть сокровища моихъ предковъ... пусть такъ, но передъ смертью я долженъ облегчить свою душу печальной исповѣдью, Бенно, я не могу унести этого съ собой въ могилу—согласны вы выслушать меня?

Тотъ молча кивнулъ головою.

— Бенно, я—страшный грѣшникъ и преступникъ, но пусть воспоминанiе о мнѣ не возбуждаетъ въ васъ презрѣнiя и негодованiя. Совѣсть не даетъ мнѣ покоя, вы должны знать, что та рука, которую вы теперь съ такою нѣжностью и любовью сжимаете въ своихъ, обагрилась кровью, кровью невиннаго человѣка!

— Я знаю, все это давно знаю! — воскликнулъ Бенно сжимая еще крѣпче въ своихъ рукахъ руку умирающаго,—это былъ Юзеффо! Да?

Рамиро на мгновенiе закрылъ глаза. Казалось, какой-то непреодолимый ужасъ овладѣлъ имъ. Затѣмъ онъ продолжалъ, тяжело дыша и содрогаясь всѣмъ тѣломъ.

— Да, это былъ онъ, я убилъ его... Юзеффо, сынъ брата, покойнаго брата Альфредо, похожiй на дядю до невѣроятiя— и лицомъ, и голосомъ, и манерами; при видѣ его мнѣ вспомнилась вся моя загубленная молодость, все то, что я выстрадалъ и перенесъ изъ-за него и черезъ него: и позоръ, и горе, и нищету, и изгнанiе, и горькую нужду въ теченiе столькихъ

лѣтъ. Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ, былая ненависть проснулась съ новой силой въ моей груди при видѣ этого двойника Альфредо. И вотъ настал роковой моментъ. Мы съ Михаиломъ выѣхали ловить рыбу за деревню, въ глухомъ лѣсномъ озерѣ. По пути къ намъ присоединился Юзеффо. Въ деревнѣ, это было въ глухомъ уголку Венгріи, никто не зналъ, что онъ былъ съ нами на ловлѣ. Въ лодкѣ у насъ завязался съ нимъ разговоръ; юноша раздражилъ меня рѣзкимъ, дерзкимъ словомъ и, не помня себя, я ударилъ его весломъ, не подумавъ о послѣдствіяхъ, какія могъ имѣть этотъ страшный ударъ... Но онъ пришелся ему какъ разъ по черепу, такъ что юноша, не издавъ ни малѣйшаго звука, безъ стона и безъ вздоха, повалился навзничъ съ раскроеннымъ черепомъ. День клонился къ вечеру, густой бѣлый туманъ клубами ходилъ надъ водой, обступая лодку точно рой бѣлыхъ привидѣній.

— Я молча спустилъ трупъ за бортъ и сталъ опускать его на дно, медленно погружая его все ниже и ниже въ густой бѣлый туманъ, неотступно преслѣдуемый застывшимъ отъ ужаса безумнымъ неподвижнымъ взглядомъ Михаила, единственнаго и безмолвнаго свидѣтеля этой страшной драмы.

Не проронивъ ни слова, я сталъ смывать кровь со скамейки и уничтожать самымъ тщательнымъ образомъ все, что могло навести на мысль о преступленіи. Затѣмъ я обратился къ бѣдному мальчику и, строго глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Михаилъ, что ты смотришь на меня такими глазами?

Онъ весь содрогнулся при звукѣ моего голоса и поблѣднѣлъ еще больше, чѣмъ прежде.

— Юзеффо! — пролепеталъ онъ чуть слышно жалобнымъ голосомъ.

— Ну, что съ нимъ? Что ты хочешь сказать?—спросилъ я самымъ спокойнымъ тономъ.

Тогда онъ упалъ передо мной на колѣни и, воздѣвая умоляющимъ жестомъ къ небу руки, прошепталъ, дрожа всемъ тѣломъ.

— Не убивай меня! Не убивай!

Я только пожалъ плечами въ отвѣтъ на это.—Съ чего тебѣ

пришла такая дикая мысль? Право, твоя голова не въ порядкѣ, мой бѣдный мальчикъ. При чемъ тутъ Юзеффо, я положительно не понимаю!

— Тогда онъ громко вскрикнулъ отъ ужаса и, уставившись на меня непомѣрно расширенными, точно стеклянными глазами, прокричалъ: убійца! ты его убилъ! ты убилъ бѣднаго Юзеффо!

— Это было опасно для меня, но я не сказалъ ему на это ни слова.

— Только съ этого самаго момента я и жена моя ни на минуту не спускали съ него глазъ, а другимъ сказали, что онъ заболѣлъ, а нѣсколько дней спустя совсѣмъ уѣхали изъ этой деревни и даже изъ Венгріи. Впослѣдствіи Михаилъ вездѣ слылъ за полуумнаго, мы никуда не выпускали его, даже въ циркъ, и не позволяли разговаривать съ кѣмъ бы то ни было. Даже въ разговорѣ съ нами ему строжайше воспрещалось упоминать хотя бы косвенно о томъ страшномъ происшествіи. Съ теченіемъ времени онъ дѣйствительно сталъ такимъ, какимъ вы его знавали. Я смотрѣлъ на все это, какъ на несчастье; между тѣмъ какъ бѣдная жена моя изстрадалась отъ мучившихъ ее упрековъ совѣсти, я лично относился ко всему этому сравнительно довольно легко въ то время, т. е. до того самаго момента, когда я прибылъ въ Бразилію. Въ продолженіе всего нашего путешествія я съ каждымъ часомъ убѣждался изъ тысячи незначительныхъ примѣровъ, что никто еще не снималъ винограда съ терновника и не пожиналъ добрыхъ плодовъ отъ дурныхъ поступковъ, и что каждый, дѣлающій другому зло, дѣлаетъ его себѣ. И это было моимъ конечнымъ приговоромъ. Какъ могъ я надѣяться, что счастье выпадетъ мнѣ на долю въ награду за преступленіе?

— И дѣйствительно, проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, препятствія возставали одно за другимъ на моемъ пути.

— Всѣ эти долгіе полтора года были для меня сплошною пыткой. Вся моя борьба, все мое неудержимое стремленіе къ завѣтной цѣли, все это должно было остаться безплоднымъ. И вотъ, наконецъ, совершилось то, чего я долженъ былъ ожидать и что я вполнѣ заслужилъ: брата Альфредо я засталъ еще не

остывшимъ трупомъ, а единственный въ мірѣ человѣкъ, которому онъ передалъ тайну о томъ, гдѣ скрыто сокровище, былъ тотъ самый Юзеффо, котораго я убилъ; я самъ, своими руками, закрылъ себѣ на всегда путь къ счастью. Самъ! Это и сразило меня, а между тѣмъ я сознаю, что есть вѣчная, высшая справедливость! И знаете, что всего хуже, Бенно,—добавилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—это то, что я умираю не прощенный. Справедливый Судья не принялъ моей жертвы горькаго глубокаго раскаянія!—и онъ провелъ холодной рукой по холодѣющему лицу.—Да, Бенно, я не прощенъ...

— Я позову отца!—пролепеталъ Бенно, испуганный внезапной перемѣной, происшедшей въ лицѣ Рамиро,—я позову доктора!

Больной молча кивнулъ головой, выражая согласіе, и закрылъ глаза; очевидно, силы совершенно покидали его.

Однимъ прыжкомъ Бенно вскочилъ на выдающійся осколокъ скалы, досталъ переброшенную имъ на сукъ куртку, поспѣшно натянувъ ее на плечи, снова прыгнулъ обратно на взрытую землю у самаго ствола старой пальмы, и вдругъ тихо вскрикнулъ: вмѣсто рыхлой взрытой земли нога его коснулась чего-то твердаго, неподдающагося подъ тяжестью его тѣла и при томъ издающаго какой-то странный глухой звукъ. Какой острый уголъ причинилъ ему въ первый моментъ сильную боль, заставившую его невольно вскрикнуть.

Рамиро сразу открылъ глаза.

— Что такое? Что случилось?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Я сейчасъ посмотрю, сеньоръ; вѣроятно, какой-нибудь острый камень попалъ мнѣ подъ ногу!

Онъ нагнулся и ощупалъ острый уголъ.

— Это какая-то желѣзная доска!

— Бога ради, Бенно, посмотрите хорошенько!

Но Бенно уже и безъ того съ лихорадочной поспѣшностью, не давъ себѣ даже времени взять лопату, разрывалъ землю руками. Только время отъ времени онъ кидалъ бѣглый взглядъ на умирающаго, который приподнялся изъ послѣднихъ силъ въ

своемъ креслѣ и неподвижнымъ взглядомъ, съ пылающимъ лицомъ слѣдилъ за Бенно.

— Это ящикъ, сеньоръ! Тяжелый ящикъ, онъ запертъ, но я открою его, ну, вотъ!

— Скорѣе, Бенно! скорѣе... спѣшите, я боюсь умереть раньше!

Въ этотъ моментъ сеньоръ Эрнесто спѣшнымъ шагомъ шелъ къ нимъ. Ему стало страшно, что его милый мальчикъ такъ долго остается одинъ съ умирающимъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться, не нужна въ чемъ-либо его помощь и, дѣйствительно, подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы поддержать Рамиро и дать ему возможность взглянуть на металлическій ларецъ.

— Можешь ты одинъ справиться съ этимъ ларцемъ?— спросилъ сеньоръ Эрнесто сына.

— Да, справлюсь!—отвѣчалъ тотъ.

Вынуть ларецъ, однако, было невозможно, но сильнымъ ударомъ топора Бенно сбилъ крышку и запустилъ обѣ руки въ ящикъ.

Радостный, торжествующій крикъ вырвался изъ его груди:

— Это они,—ваши алмазы, сеньоръ!

— О, Боже! Благодарю Тебя! Синьоръ Эрнесто, помогите мнѣ сложить руки!—О, я чувствую, что я прощенъ! Я желалъ бы упасть ницъ передъ Всемилостивымъ Судіей... но увы! Силы покидаютъ меня...

— Не волнуйтесь такъ, сеньоръ,—уговаривалъ его отецъ Бенно,—смотрите, вотъ онъ уже несетъ вамъ часть своей находки,—добавилъ онъ, указывая на сына.

Бенно всыпалъ двѣ полныхъ горсти драгоцѣнныхъ алмазовъ самой чистѣйшей воды въ свою соломенную шляпу, которую и положилъ на колѣни умирающему.

— Вотъ оно, это сказочное сокровище Фраскуэло! Возьмите его, сеньоръ, любуйтесь имъ!

Рамиро запустилъ свои дрожащіе и уже похолодѣвшіе пальцы въ драгоцѣнныя камни и, пересыпая ихъ съ руки въ руку, шепталъ.

— Благодарю тебя, Создатель! Хвала тебѣ во вѣкъ!.. Я чувствую, что Ты простилъ меня!

А въ это время Бенно все носилъ изъ ларца алмазы полными пригоршнями и всыпалъ ихъ въ свою громадную соломенную шляпу, лежавшую на колѣняхъ Рамиро, пока, наконецъ, ему не удалось достать и самый желѣзный ларецъ.

Онъ подалъ и его умирающему и спросилъ:

— Ну, довольны-ли вы мною, сеньоръ? Вотъ все ваше сокровище, теперь оно въ вашихъ рукахъ!

— Бенно, половина всего этого ваша!—прошепталъ Рамиро.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не возьму ни гроша! У моего отца, слава Богу, хватитъ средствъ дать мнѣ возможность посѣщать университетъ, а болѣе этого мнѣ ничего не надо! Мы съ отцомъ доставимъ все это въ Европу и вручимъ вашей семьѣ; отецъ мой позаботится о женѣ и о дѣтяхъ вашихъ и сдѣлаетъ для нихъ все, что-бы онъ сдѣлалъ для своей семьи, не такъ-ли, дорогой отецъ?

— Да, да! Клянусь вамъ въ томъ, сеньоръ, клянусь спасенiемъ моей души!

Рамиро только улыбнулся слабой, но счастливой улыбкой и закрылъ глаза.

— Бенно!.. Гдѣ вы?.. Я любилъ васъ, какъ родного сына, вы мнѣ были такъ близки и такъ дороги... и я хотѣлъ бы теперь сказать вамъ еще одно... одно послѣднее «прости»... Бенно, дитя, пусть ваша совѣсть всегда будетъ чиста, только это одно важно въ жизни; не забывайте этого, Бенно... я согрѣшилъ, и вы видите на мнѣ, чѣмъ это кончается... Ну, прощайте, Бенно!.. Прощайте сеньоръ Эрнесто!.. Передайте мое «прости» остальнымъ. Когда увидите моихъ... кланяйтесь имъ... скажите, что я для нихъ только жилъ... только о нихъ думалъ... за нихъ страдалъ... скажите имъ мое послѣднее прости... Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!..—прошепталъ онъ уже едва слышно и затѣмъ смолкъ на вѣки.

Бенно все еще держалъ въ своихъ рукахъ руку умершаго.

— Отецъ!—воскликнулъ онъ съ горестнымъ ужасомъ,— неужели онъ уже умеръ?

— Да, сынъ мой... онъ тихо отошелъ въ вѣчность!..

Бенно закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ; слезы ду-

шили его. Рамиро былъ ему близкимъ, дорогимъ другомъ, и никогда онъ не чувствовалъ этого въ такой мѣрѣ, какъ именно теперь, когда его не стало. Вполнѣ понимая горе сына, сеньоръ Эрнесто отошелъ въ сторону и не сталъ ему мѣшать выплакаться вволю. Немного погодя, онъ сходилъ за докторомъ Шомбургомъ и братомъ Луиджи, вновь избраннымъ настоятелемъ монастыря Св. Филиппа, съ помощью которыхъ сеньоръ Эрнесто и немного оправившійся Бенно прибрали драгоцѣнные алмазы такъ, чтобы никто объ этомъ не узналъ. Монастырю былъ, конечно, сдѣланъ отъ имени покойнаго довольно цѣнный вкладъ. Послѣ этого наши друзья покинули святую обитель и возвратились къ себѣ, радуясь, что передъ своей смертью Рамиро дано было увидѣть сокровища его предковъ и умереть съ увѣренностью, что его жена и дѣти навсегда обезпечены и не будутъ знать ни горя, ни нужды.

Заключеніе.

Въ силу обстоятельствъ Испанія принуждена была признать независимость Перу и очистить всю страну отъ войскъ, которыя и безъ того уже были вытѣснены за предѣлы этого государства. Индѣйцы возвратились къ себѣ, въ горы и лѣса, а отряды добровольцевъ, такъ доблестно сражавшихся за свободу родины и за ея полную независимость, были распущены; эти люди возвратились къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Сеньоръ Эрнесто, согласно своему обѣщанію, пожертвовалъ жителямъ Концито нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота и лошадей и кромѣ того щедро оказывалъ поддержку пострадавшимъ отъ непріятельскаго разгрома или вообще нуждающимся людямъ.

Тренте и Обія получили прекраснѣйшіе надѣлы земли въ имѣніи сеньора Эрнесто, которое было предоставлено въ пожизненное полное пользованіе старому Педро и его женѣ. Городской-же домъ сеньора Эрнесто былъ подаренъ имъ доброму Педрильо, который, согласно давно лелѣянной имъ мечтѣ, превратилъ его въ гостинницу.

Рамиро давно уже былъ похороненъ въ оградѣ монастыря Св. Филиппа, и на могилѣ его стоялъ прекрасный мраморный памятникъ, воздвигнутый благодарнымъ Бенно и его отцомъ этому честному и вѣрному другу.

Но вотъ настал моментъ разставанія и съ этой дорогой могилой, и со всѣми этими людьми, съ которыми такъ незамѣтно сроднилась душа. Сеньоръ Эрнесто, Бенно, докторъ Шомбургъ и Халлингъ собирались возвратиться въ Европу; имъ предстояло теперь далеко не легкое и непріятное путешествіе чрезъ провинцію Атакама, чтобы добраться до Лимы, гдѣ они разсчитывали сѣсть на первое судно, отходящее въ Европу.

Генералъ Мартинецъ предоставилъ въ распоряженіе путешественниковъ довольно сильный военный конвой, для огражденія ихъ во время пути отъ бродячихъ шаекъ различныхъ бездомныхъ бродягъ, какими все еще кишѣла вся страна.

Прощаніе было самое трогательное. Педрильо, Обія и Тренте провожали маленькій караванъ далеко за городъ, и даже тутъ разставаніе было для всѣхъ крайне горькимъ и тяжелымъ.

Особенно трогательно прощался Обія, благодаря отъѣзжающихъ за то, что они изъ него, изъ дикаря, какимъ они встрѣтили его, сдѣлали человѣка. Бенно нѣсколько разъ обнималъ и цѣловалъ Обія, а также и Тренте, этого вѣрнаго и неизмѣнно преданнаго слугу и товарища, и когда караванъ уже тронулся, еще много разъ оглядывался назадъ и посылалъ имъ свои послѣднія привѣтствія.

— Ну, вотъ, теперь мы уже на пути въ родной Гамбургъ. Бенно, радуетъ это тебя?—спросилъ его отецъ.

— Да,—сказалъ какъ-то печально юноша,—да, но эта разлука съ ними для меня очень тяжела, мнѣ кажется, что здѣсь я оставляю часть своей души, отецъ. Никогда я не позабуду ни Обія, ни Тренте! Такихъ людей немного!

Путешествіе было весьма затруднительное и далеко не особенно привлекательное: сначала пришлось путешествовать по горамъ, гдѣ нашихъ путниковъ не разъ застигали снѣжныя метели, гдѣ зачастую приходилось проводить ночь подъ открытымъ небомъ, а днемъ страдать отъ отсутствія воды.

Здѣсь и тамъ, въ глубокихъ расщелинахъ скалъ, ютились индѣйскія деревушки. Эти бѣдные люди, существовавшіе исключительно перевозкой различныхъ кладей и товаровъ изъ прибрежныхъ городовъ и портовъ внутрь страны, были крайне бѣдны, но, несмотря на то, казались веселы и беззаботны и охотно принимали на себя обязанность проводниковъ.

Мѣстами встрѣчались чрезвычайно живописныя древнія развалины изъ сказочной эпохи Инковъ; грубо обтесанные идолы, не мало пострадавшіе отъ времени, торчали до половины изъ земли.

Для доктора и Халлинга всѣ эти древности и развалины представляли громадный интересъ, и послѣдній сдѣлаетъ множество самыхъ любопытныхъ и разнообразныхъ снимковъ и рисунковъ.

Время отъ времени нашимъ путникамъ попадались на дорогѣ довольно значительные пригорки, или курганы, состоявшіе исключительно изъ мелкихъ камешковъ и осколковъ большихъ камней. Мимо этихъ кургановъ индѣйцы-проводники никогда не проходили безъ того, чтобы не прибавить отъ себя еще камешка къ этой громадной грудѣ камней. На вопросъ Бенно, что это значитъ, всѣ проводники неизмѣнно отвѣчали.

— Ничего, чужеземецъ, ничего, это просто такъ!

Впослѣдствіи-же оказалось, что эти курганы были ничто иное, какъ могилы прежнихъ колдуновъ и кудесниковъ различныхъ мѣстныхъ индѣйскихъ племенъ. Теперь всѣ эти племена были уже обращены въ христіанство, но своихъ прежнихъ языческихъ жрецовъ и колдуновъ они продолжали бояться даже и послѣ того, какъ тѣ умерли, и вотъ, для умилостивленія ихъ, не имѣя подъ рукою ничего другого, дикари приносили имъ въ жертву и въ знакъ своего къ нимъ почтенія и уваженія камешекъ съ дороги и легкое движеніе руки, жестъ привѣта, который они посылали умершему.

Даже и по ту сторону Кордильеръ провинція Атакама представляла собой жалкій безотрадный характеръ; обработанныхъ полей или красивыхъ, высокихъ деревьевъ здѣсь было очень мало. Эта страна бездождія почти ничего не производила, здѣсь

насѣкомыхъ было очень мало, а какихъ-либо полезныхъ животныхъ и еще меньше.

Но вотъ, наконецъ, и городъ Лима. Здѣсь нашимъ путешественникамъ не долго пришлось ждать парохода, отходившаго въ Гамбургъ.

На дворѣ стоялъ сильный холодъ, всѣ улицы и крыши домовъ были покрыты снѣгомъ, дулъ рѣзкій, холодный нордъ-остъ. При слабомъ свѣтѣ тусклыхъ городскихъ фонарей, позднимъ вечеромъ медленно тащились извозчичьи дрожки съ поднятымъ верхомъ по знакомой уже нашимъ читателямъ улицѣ г. Гамбурга, на которой возвышался старинный домъ фирмы Цургейденъ.

Неподалеку отъ этого дома экипажъ остановился, и изъ него вышли двѣ укутанныя въ хорошія шубы фигуры и отпустили свою возницу.

— Вотъ мы и въ Гамбургѣ, отецъ, въ миломъ старомъ Гамбургѣ!—взволнованнымъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ своему болѣе старому спутнику.

— Да, Бенно, идемъ скорѣе; еще нѣсколько шаговъ,—и мы уже дома... О, какъ-бы я хотѣлъ, чтобы уже теперь навѣрное знать, жива-ли моя мать!

— Смотри, отецъ, всѣ окна перваго этажа ярко освѣщены, что это значитъ? У насъ вѣдь это было не въ обычаѣ... Кто-то играетъ на роялѣ... поютъ.

— Постучись, Бенно!—сказалъ ему отецъ.

Взявшись за молотъ у двери, замѣнявшій звонокъ, Бенно прочелъ на большой мѣдной доскѣ на дверяхъ «Беренсъ и К°».

— Смотрите, отецъ, что это можетъ значить?

Онъ постучалъ. Дверь отворила веселая, молодая служанка. На вопросъ Бенно о сенаторѣ Цургейденъ она отвѣчала, что ея господъ зовутъ Беренсъ, и что о прежнемъ владѣльцѣ этого дома она ничего не знаетъ.

Дверь затворилась. Наши друзья стояли съ минуту въ какомъ-то недоумѣніи.

— Куда же мы пойдемъ теперь?—спросилъ старшій изъ нихъ.

— Куда? Въ домъ Гармса, конечно, тамъ мы навѣрное все узнаемъ! Я знаю этотъ домъ, онъ здѣсь недалеко!

И они молча зашагали вдоль почти совершенно пустыхъ, полутемныхъ улицъ; слѣдомъ за ними бѣжалъ Плутонъ, дрожа отъ холода: бѣдняга не привыкъ къ такой стужѣ.

Вотъ и домъ Гармса. Въ окнахъ еще виденъ свѣтъ; все кажется жилымъ и уютнымъ. Бенно постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ, минуту спустя, знакомый голосъ старика.

— Гармсъ! Гармсъ! Это я!—радостно воскликнулъ Бенно.

— Какъ? Что?

Но уже въ слѣдующій моментъ дверь широко распахнулась,— и фигура стараго Гармса показалась на порогѣ.

— Бенно! Боже правый! Да ты-ли это, мой мальчикъ?—и онъ обхватилъ его обѣими руками, цѣловалъ и смѣялся, всхлипывая отъ радости.

— Скажи, Гармсъ, отчего ты уже не въ домѣ моего дяди и не служишь у него?..

— Я... я еще у него... но только...

— Развѣ онъ теперь здѣсь живетъ?

Старикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да войди же въ домъ-то, милый мой мальчикъ, входи скорѣе, вѣдь сегодня такая стужа... А что, это твоя собака. что-ли?

— Да, Гармсъ, да! А вотъ я привезъ сюда этого господина, развѣ ты не видишь? Надѣюсь, что ты и ему будешь радъ!

— Ну, да, конечно, конечно, мой милый!—и старикъ почтительно посторонился, давая гостю дорогу,—прошу войти!

— Гармсъ! Да взгляни же ты на меня хорошенько! Неужели ты меня не узнаешь, старый товарищъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ! Вѣдь это невозможно! Теодоръ! Господинъ Цургейденъ!.. Да гдѣ ты его разыскалъ? — обратился онъ къ Бенно,—Боже мой. У меня голова идетъ кругомъ... да ужъ не сонъ ли все это!..

Пріѣзжій горячо пожималъ руки своего товарища дѣтства.

— Ты все узнаешь, Гармсъ, мы все разскажемъ тебѣ послѣ, а пока скажи мнѣ, живъ-ли твой господинъ... жива-ли моя мать?..

— Да, они оба живутъ здѣсь, въ этомъ домѣ!..

— Ну, слава Богу... но почему же они не живутъ тамъ, въ своемъ старомъ домѣ?

Гармсъ подавилъ вздохъ.

— Фирма Цургейденъ лопнула, — сообщилъ онъ, — дѣла пришлось ликвидировать, и чтобы прикрыть всѣ претензіи, пришлось продать даже и старый домъ!

— Такъ что у дяди ничего не осталось! Но чѣмъ же онъ теперь живетъ? На что содержитъ мать?

— Прости меня, Бенно: они живутъ теперь на твои деньги... но я знаю, у тебя доброе сердце, ты этихъ денегъ не пожалѣешь для нихъ...

— На мои деньги? Что ты говоришь, Гармсъ?

— Ну, да, вѣдь ты знаешь, что я завѣщалъ тебѣ все, что имѣю, ну, значитъ, все это твое... а теперь вышелъ вдругъ такой случай... ну, что...

— Ахъ, Гармсъ, Гармсъ!—воскликнулъ Бенно,—вѣдь это значитъ, что ты теперь и кормишь, и содержишь твоихъ прежнихъ господъ въ своемъ домѣ, на свои заработанныя деньги...

— Шш! Не говори такъ... Слышишь, господинъ сенаторъ сейчасъ отворилъ свою дверь, онъ услыхалъ, что здѣсь говорятъ, а онъ не любитъ, чтобы посторонніе люди ходили въ домъ!

— Гармсъ! Пойди сюда!—крикнулъ сенаторъ.

— Иду-съ!—отозвался старикъ, поспѣшно сбрасывая бѣлый фартукъ и на ходу приглаживая волосы и оправляясь.

— Я его подготовлю къ встрѣчѣ: вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ случилось это несчастье, господинъ сенаторъ ни разу ни съ кѣмъ не говорилъ...

— Нѣтъ, я пойду наверхъ... я не могу долѣе дожидаться здѣсь,—сказалъ отецъ Бенно,—я хочу видѣть брата!

— Отецъ... конечно, онъ передъ тобой виноватъ... но теперь, когда его постигло такое несчастіе... пощади его!.. прошу тебя, отецъ, пощади!

Теодоръ Цургейденъ не успѣлъ ничего отвѣтить, такъ какъ въ дверяхъ показался въ этотъ моментъ сенаторъ. Но не только братъ, а даже Бенно съ трудомъ могъ признать въ этомъ хиломъ, дряхломъ старикѣ грознаго и мрачнаго сенатора Цургейдена. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но съ дрожащихъ губъ его не сорвалось ни звука.

Младшій братъ подошелъ къ нему съ протянутой рукой, чувство невыразимой жалости сжало его сердце при видѣ брата въ такомъ положеніи.

— Іоханнесъ! Бѣдный братъ, какъ грустно, что намъ пришлось встрѣтиться съ тобою въ такихъ условіяхъ... но не горюй, теперь все снова поправится... Мнѣ тамъ везло счастье... на золотыхъ пріискахъ я пріобрѣлъ большое состояніе... и, какъ видишь, поспѣлъ сюда какъ разъ во время, чтобы здѣсь все привести въ порядокъ. Наше родовое гнѣздо я пріобрѣту завтра же обратно, я не оставлю его ни часа лишняго въ чужихъ рукахъ... а твою фирму мы снова возобновимъ... и пусть все, что было горькаго и печальнаго, будетъ забыто!

Сенаторъ выслушалъ все это, но не съ радостнымъ и счастливымъ видомъ, а точно чѣмъ-то пришибленный.

— Такъ ты теперь богатъ, Теодоръ? — Ты желаешь мнѣ помочь?..

— Ну, да, конечно... но вотъ смотри, здѣсь Бенно, развѣ ты не хочешь поздороваться съ нимъ?

Сенаторъ какъ бы машинально поздоровался съ Бенно.

— Садись, мальчикъ, г. Нидербергеръ писалъ мнѣ тогда... условія оказались скверныя... ну, мы придумаемъ теперь что-нибудь болѣе подходящее для тебя... Послушай, Теодоръ... вѣдь то было недоразумѣніе... То, что я тогда сказалъ тебѣ... я... я...

— Оставь это, Іоханнесъ, лучше будемъ думать о томъ, какъ хорошо все будетъ теперь... какъ все устроится къ общему нашему благополучію!

— Да... да... я постараюсь... но это свиданіе... оно слишкомъ взволновало меня...—Гармсъ, гдѣ же ты? И тяжело опираясь на руку стараго слуги, онъ направился къ двери, но вдругъ остановился и оглянулся назадъ.

— Такъ ты, Теодоръ, въ самомъ дѣлѣ хочешь возстановить фирму Цургейденъ?—Да?..

— Да! Конечно! А вотъ эту собаку я привезъ тебѣ въ подарокъ, Іоханнесъ, вѣдь ты всегда особенно любилъ борзыхъ... не правда-ли?

— Ахъ... ты и это не забылъ!..

— Конечно, послѣ я разскажу тебѣ его исторію... Плутонъ, поди сюда! Вотъ твой новый господинъ!

— Послѣ!.. послѣ!.. — прошепталъ чуть слышно сенаторъ, гладя дрожащею рукой голову красивой собаки.—Я тебя очень, очень благодарю, Теодоръ... я, право, не желалъ тогда зла... я хотѣлъ... я имѣлъ хорошую цѣль въ виду... но прости, мнѣ что-то нездоровится сегодня... Покойной ночи... я пойду къ себѣ... лягу... Гармсъ позаботится, чтобы для тебя было все... Смотри, Гармсъ, чтобы г. Теодоръ Цургейденъ ни въ чемъ не имѣлъ недостатка здѣсь!

— Слушаю-съ, ваша милость! — отвѣтилъ Гармсъ и осторожно повелъ своего господина вверхъ по лѣстницѣ, точно онъ и сейчасъ еще былъ все тотъ же богатый и важный господинъ, а не раззорившійся бѣднякъ, живущій въ его домѣ и на его же счетъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Гармсъ снова вернулся къ пріѣзжимъ и проводилъ г. Теодора Цургейденъ въ комнату его матери. Древняя старушка приняла его съ распростертыми объятіями; слезы радости катились по ея блѣдному лицу.

Трудно сказать, что было говорено между этими двумя столь долго тосковавшими другъ по другѣ и столь долго считавшими другъ друга безвозвратно погибшими, но только просидѣли они въ этой задушевной бесѣдѣ до самаго утра.

Гармсъ и Бенно тоже долго бесѣдовали между собой. Бенно разсказывалъ ему о своихъ приключеніяхъ, и старикъ не разъ за это время воздымалъ молитвенно руки къ небу и даже вскакивалъ со стула.

Только подъ утро всѣ заснули крѣпкимъ сномъ, какъ это почти всегда бываетъ послѣ ночи, проведенной безъ сна. Но около семи часовъ утра стукъ въ наружную входную дверь дома разбудилъ старика Гармса.

Старикъ отворилъ двери, и его глазамъ предстало нѣчто такое, чего никто не ожидалъ. Какіе-то люди, очевидно, рабочіе принесли мертвое тѣло сенатора Цургейдена. Эти люди нашли его, засыпаннаго снѣгомъ, мертвымъ на крыльцѣ Цургейденскаго фамильнаго дома.

Какимъ образомъ все это случилось, никто не зналъ, но близкіе его могли предположить, что неожиданно постигшее его раззореніе подкосило его силы, разбило и тѣлесно, и нравственно. А возвращеніе брата и это свиданіе съ нимъ окончательно надломило силы старика. Онъ почувствовалъ себя до того униженнымъ предложеніемъ брата придти къ нему на помощь, до того пристыженнымъ при воспоминаніи о своемъ прежнемъ поведеніи по отношенію къ нему, что не могъ долѣе оставаться дома, ему хотѣлось одиночества и полной тишины, онъ вышелъ на улицу. Но куда ему было преклонить голову, гдѣ найти успокоеніе своей измученной душѣ въ эту ночь, какъ не тамъ, не у того дома, гдѣ нѣкогда стояла его колыбель, гдѣ онъ столько лѣтъ прожилъ всѣми уважаемымъ и гордымъ властелиномъ? Онъ почти безсознательно добрелъ до этого крыльца, но здѣсь силы измѣнили ему, онъ опустился на ступеньки, присѣлъ отдохнуть, и тутъ благодѣтельная смерть сразила его.

Гармсъ долго плакалъ и тосковалъ надъ трупомъ.

— О, какъ мнѣ будетъ недоставать его,—жаловался онъ.— какой былъ строгій, разумный человѣкъ...

Теодоръ и Бенно также сожалѣли о столь быстрой и неожиданной кончинѣ сенатора, но, конечно, ихъ горе не могло быть слишкомъ глубоко и продолжительно.

Устроивъ на-скоро свои дѣла въ Гамбургѣ, Теодоръ Цургейденъ разыскалъ черезъ газеты мѣстопребываніе вдовы Рамиро и затѣмъ самъ, вмѣстѣ съ Бенно, отправился туда, гдѣ она находилась, въ глухомъ мѣстечкѣ Силезіи. Несчастная семья ужасно нуждалась, лошади были почти всѣ проданы, балаганъ старъ, костюмы истрепаны и изношены. Сама величественная дама состарѣлась и посѣдѣла.

Узнавъ о громадномъ состояніи, выпавшемъ на ея долю, о томъ, что и она, и дѣти, и всѣ близкіе теперь обезпечены на

всегда, эта женщина не столько радовалась этому благополучiю, сколько горячо интересовалась малѣйшими подробностями касательно ея мужа.

По возвращенiи въ Гамбургъ, Бенно и его отецъ встрѣтились еще разъ съ докторомъ Шомбургомъ и Халлингомъ, которые отправлялись теперь въ Центральную Азiю для научныхъ изслѣдованiй. Они звали Бенно съ собой. Онъ отрицательно покачалъ головой и взглянулъ на отца; тотъ понялъ его мысль и сказалъ.—«Мы никогда уже не разстанемся другъ съ другомъ»!



ОГЛАВЛЕНІЕ.